

2 СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СЕРГЕЙ
2 МИХАЛКОВ

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

**Собрание сочинений
в шести томах**

**МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981**

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

•
РАССКАЗЫ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

P2
M69

Художник
Ю. БАЖАНОВ

© Оформление. Издательство «Художественная литература», 1981 г.

М $\frac{70402-020}{028(01)-81}$ подписное 4702010200

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТРЕВОГА

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПЕСЕНКА

Ночью темной и глубокой
Люди спать хотят.
Мимо Африки далекой
Журавли летят.

Спи, малыш!
Чего бояться?
Звери спать легли.
Ты уснешь — тебе приснятся
Эти журавли.
Как летят они куда-то
Ночью. Утром. Днем.
Как идут вперед солдаты,
Итальянские солдаты
Ночью. Утром. Днем.

Пишет папа: «Мы здоровы,
Нам хватает сна.
Мы к боям всегда готовы,
Милая жена.
Мы обуты и одеты
И горды судьбой».
Только писано все это
Не его рукой.
Спи, малыш!
Под звездным небом
Облака стоят.
В городе Аддис-Абеба
Люди спать хотят.

Только плохо людям спится
Ночью. Утром. Днем.
Над страной летают птицы,

Над страной проносятся птицы
Дым, огонь и гром.

Я хочу, мой черноглазый,
Чтобы никогда
Ты не знал, сынок, про газы,
От которых люди сразу
Слепнут навсегда.

Что не будешь ты солдатом,
Я мечты таю.
Если будешь ты солдатом —
Будешь ты другим солдатом
И в другом бою.

1935

СЫН

Провожала сына мать,
Говорила сыну мать:

— Марокканские отряды
По твоей земле прошли.
Итальянские снаряды
Виноградники сожгли.
Дымной гарью пахнет воздух —
Села мирные горят,
Слышишь —
Это бомбовозы
По-немецки говорят.
Видишь —
В небе самолеты
Стаей воронов кружат.
У горячих пулеметов
Пулеметчики лежат.

Сестры братьев провожают...
Под обстрелом батарей
Дети наши умирают
На глазах у матерей.

Под Мадридом встретишь брата,
Помоги ему в бою:
Рядом встань и брось гранату
За республику свою!

И, вдевая ногу в стремя,
Сын сказал тогда в ответ:
— В наших селах трусов нет!
Мать, я ухожу со всеми,
Мне уже пятнадцать лет!

ПЕСНЯ

Не владея ни одним
Иностранным языком,
Подружился я на Волге
С астурийским горняком.

Мы стояли как-то раз
У парома, на реке,
Мой товарищ песню пел
На испанском языке.

Даже тот, кто мимо шел,
Останавливался вдруг,
Подходил вплотную к нам,
Становился в тесный круг.

И стояли мы в кругу
И смотрели на певца,
И прослушали мы песню
От начала до конца.

Наш товарищ кончил петь,
Попрощался и ушел.
Иностранные слова
Нам никто не перевел.

Это было год назад...
Я узнал два дня назад,
Что в Мадриде был убит
Революции солдат.

Что в бою оборвалась,
Погибая на штыке,
Песня пятого полка
На испанском языке.

Что с фашистами в бою
Потерял отряд певца,
Что допели без него
Эту песню до конца.

1936

В ДОЗОРЕ

Шел боец.
Кругом тайга.
Рядом — пес
К ноге нога.
Полз боец,
И в темноте
Рядом —
Пес на животе.

На дороги, на леса
Ночью падает роса.
Пес один на мягких лапах.
Ни один тревожный запах
Не проходит мимо пса.

Без дороги, по росе
В пограничной полосе
Шли — не наши!
Шли — чужие,
Как один, шпионы все!

Но врагам не скрыться в чаще
И следов не замести.
Пограничник настоящий
Не дает врагам уйти!

Пограничник на заставу
Трех врагов привел и сдал.
Пограничник на заставе
Отделенному сказал:

— У врага гранаты были,
В перепалке пса убили.
Он сражался как герой.
Он остался под горой.
Он лежит в сырой траве
И не слышит никого.
Он лежит в сырой траве
И не чует ничего.

Как бойца заставы нашей
Похороним мы его!

Звезды падали в росу.
За оврагами, в лесу
Пса зарыли...

Ту же кличку
Мы другому дали псу.

1936

ТОВАРИЩ

Испанский мальчишка
В Испании жил.
Отец у мальчишки
На флоте служил.
Он был моряком
На большом корабле,
И песни он пел
О советской земле.

Мальчишка с друзьями
На улице рос,
Был честен и голоден,
Весел и бос.
И не было в городе
Ни у кого
Так много товарищей,
Как у него...

Однажды вернулся
Моряк с корабля
И сыну сказал:
— Это наша земля!
На ней виноградники
И города...
Фашистам не видеть ее
Никогда!
И сын, как товарищ,
Отца провожал
И руку ему,
Как товарищ, пожал.
— На севере бой
И на западе бой!..

Отец, ты возьми меня лучше
С собой!
И если винтовку
Ты выронишь вдруг,
Винтовку поднимет
Твой сын и твой друг!..

Тяжелые танки
По пастбищам шли.
Снаряды врагов
Виноградники жгли.
И лопались бомбы
С фашистским значком,
С предательским, черным
Значком-паучком...

В Москву из Бильбао
Неделю назад
Приехал
Пятнадцатилетний солдат,
Чтоб в лагере с нами
Учиться и жить.
Ребята, мы будем
С испанцем дружить?

1937

ГЕРОЙ

Сын летит на полюс,
Сын живет на льдине —
Мать глядит на глобус,
Думает о сыне.

Кто на самолете,
Кто на ледоколе —
Мы стоим у карты
Дома, в клубе, в школе.

О герое нашем
Нас волнуют вести,
Мыслями своими
Мы с героем вместе.

Чтобы стать героем,
Нужно быть отважным,
Честным в деле каждом,
Скромным в слове каждом,

Как Валерий Чкалов —
Честным, скромным, смелым,
Преданным народу
Мыслями и делом.

Что такое орден?
Орден — это слава,
На любовь народа
Дорогое право.

1937

ГРАНИЦА

В глухую ночь,
В холодный мрак
Посланцем белых банд
Переходил границу враг —
Шпион и диверсант.

Он полз ужом на животе,
Он раздвигал кусты,
Он шел на ощупь в темноте
И обошел посты.

По свежевыпавшей росе,
Некошеной травой
Он вышел утром на шоссе
Тропинкой полевой.

И в тот же самый ранний час
Из ближнего села
Учиться в школу, в пятый класс
Друзей ватага шла.

Шли десять мальчиков гуськом
По утренней росе,
И каждый был учеником
И ворошиловским стрелком,
И жили рядом все.

Они спешили на урок,
Но тут случилось так:
На перекрестке двух дорог
Им повстречался враг.

— Я сбился, кажется, с пути
И не туда свернул! —
Никто из наших десяти
И глазом не моргнул.

— Я вам дорогу покажу! —
Сказал тогда один.
Другой сказал: — Я провожу.
Пойдемте, гражданин.

Сидит начальник молодой,
Стоит в дверях конвой,
И человек стоит чужой —
Мы знаем, кто такой.

Есть в пограничной полосе
Неписанный закон:
Мы знаем все, мы знаем всех —
Кто я, кто ты, кто он.

ТРИ ТОВАРИЩА

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн.
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен.

Стали допрашивать первого,
Долго пытали его —
Умер товарищ замученный
И не сказал ничего.

Стали второго допрашивать,
Пыток не вынес второй —
Умер, ни слова не вымолвив,
Как настоящий герой.

Третий товарищ не вытерпел,
Третий — язык развязал.
— Не о чем нам разговаривать! —
Он перед смертью сказал.

Их закопали за городом,
Возле разрушенных стен.
Вот как погибли товарищи
В маленьком городе Эн.

1937

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Вставал над озером рассвет,
И пулемет затих.
Мы видим — лейтенанта нет
Среди бойцов живых.

И молча головы склонил
Наш пулеметный взвод.
Еще вчера он с нами был
И пел и вел вперед.

Его в строю сегодня нет.
Мы бережно храним
Пробитый пулею билет —
Он шел в атаку с ним.

Наш лейтенант носил его
У сердца своего.

1937

КРАСНОАРМЕЕЦ ПЕТРОВ

Белой сирени
Большую корзину
Бережно вынесли
Из магазина.

Веткой душистой
Людей задевая,
Сняли корзину
С площадки трамвая.

В двери войдя,
Пронесли по палате,
На пол поставили
Возле кровати.

Утром сказали,
Что будет здоров
Красноармеец
Товарищ Петров.

Утром в контору
Районной больницы
Первая почта
Приходит с границы.

Пишут колхозники
И пограничники,
Пишут из школы
Ребята-отличники:

«Принял в атаке
Удар штыковой
Нашей заставы
Боец рядовой.

Он умирал,
Отдавая Отчизне
Все, до последней кровинки,
До жизни.

Будет ли раненый
Снова здоров —
Красноармеец
Товарищ Петров?»

«Будет! —
Хирург отвечает уверенно. —
Мы восстановим,
Что было потеряно.

Мы на дежурстве
И ночью и днем,
Мы его Родине нашей
Вернем.

Всем передайте:
Будет здоров
Красноармеец
Товарищ Петров».

Праздник сегодня
В районной больнице,
Всюду цветы
И веселые лица.

Это колхозники
И пограничники,
Это из школы
Ребята-отличники.

Двери навстречу
Гостям открываются —
В этой палате
Боец поправляется,

Письма диктует —
Несколько слов:
«Жив и здоров.
Пограничник Петров».

МИША КОРОЛЬКОВ

В синем море на просторе
Ходят волны круглый год.

День и ночь, с волнами споря,
Шел советский пароход.
Капитан — старик усатый,
Молодые моряки...
В темном трюме груз богатый:
Бочки, ящики, тюки.

Пароход винтами крутит
Далеко от берегов.
В чистой маленькой каюте
Едет Миша Корольков.

Миша слушает, не спит:
Это — палуба скрипит,
Это — сильные машины
С непогодой спор ведут.

Проводила мама сына:
Мама — там,
А Миша — тут.

Мама ночи не спала:
Шила, штопала, пекла.
Собрала и уложила,
Ничего не позабыла.
И на пристань привела
И сказала: — Вот сынишка.
Довезите. Добрый путь! —
Капитан сказал: — Парнишку
Довезем уж как-нибудь! —

Мама вынула платок:
— До свидания, сынок! —
Пароход увозит Мишу
В славный порт Владивосток.

В небе ветер гонит тучи,
В небе — молния и гром.
С каждым часом волны круче:
Вот одна идет, как дом,
А за ней уже другая
Из морских глубин встает,
Как игрушку, поднимая,
Как игрушку, опуская
Настоящий пароход.

И по палубе широкой
Не пройти, не проползти —
Там волной, как дом, высокой
Все смывается с пути.
И в столовой и в гостиной
Перекошены картины.
Чай не держится в стакане,
И обед не лезет в рот.
Где-то в Тихом океане
Так и носит пароход.

Миша слушает, не спит:
Это — палуба скрипит,
Что-то стонет под ногами,
Что-то воеет, как в трубе.
Миша думает о маме
И немножко о себе.

Мише кажется, как будто
Ходят стены, ходит пол.
Дверь открылась, и в каюту
С фонарем моряк вошел,
Одеяло сдернул с Миши:
— Одевайся и не трись! —
Отвечает Миша: — Слышу.
Одеваюсь, не боюсь!

Вот как будто все готово,
Красный галстук лег на грудь.

Капитан сказал сурово:
— Застегнуться не забудь!

Миша думает: «Беда!
Пропадем! Кругом вода!»
Капитан сказал: — Спокойно!
Все в порядке. Ерунда!
Мы нигде не пропадали,
Хуже в штормы попадали!

*

С каждым часом волны ниже,
Ветер тише, дальше гром.
С каждым часом берег ближе,
Различаемый с трудом.
Над притихшею водой
Светит месяц молодой.

Капитан, как видно, очень
Чем-то важным озабочен.

Капитан стоит с биноклем
И тревожно вдаль глядит...
Все устали, все промокли.
Что-то будет впереди?

Мише сразу стало страшно:
Здесь японская вода,
Здесь чужие, здесь не наши
Люди, горы, города.

«Мы спаслись от непогоды,
Мы вошли в чужие воды,
Мы должны к земле пристать,
У земли на якорь стать.
Неужели в эту ночь
Нам откажутся помочь?»

На торговом пароходе
Над кормой советский флаг.
Пароход в залив заходит.
Где-то слышен лай собак.

На советском пароходе
Под ружьем чужой отряд.
По каютам люди ходят,
По-японски говорят.

В трюме, шелкая замками,
Отпирают сундуки.
Там японскими штыками
Рвут советские тюки,
Бочки, ящики вскрывают,
Документы проверяют.

Весь как сморщенная слива
И на все на свете зол,
Сам полковник Мурасива
Составляет протокол.
Моряки стоят суровы
Перед новою бедой.

Рядом с Мишей Корольковым
Капитан — старик седой.
Мурасива губы вытер,
Подбородок почесал.
— Здесь по-русски подпишите!

Капитан
Не подписал...

Миша слушает, молчит,
Сердце Мишино стучит.

Под тужуркою у Миши
Красный галстук на груди.
Сердце, тише, тише, тише...
Что-то будет впереди?

Вот его к столу подводят,
И уже издалека
Мурасива глаз не сводит
С пионерского значка.

- Что за птица?
- Я — отличник.
- Что такое? Кто отец?

— На заставе пограничник,
Красной Армии боец!

Два жандарма пошатнулись,
Два других переглянулись,
Мурасива побелел,
Встал со стула, снова сел.

— Снять с него проклятый галстук!
Руки за спину ему! —
Пионер не испугался:
— Красный галстук не сниму!

Два жандарма пошатнулись,
Два других переглянулись.
Мурасива приподнялся,
Спотыкнулся сгоряча.
И сорвали с Миши галстук
Два жандарма-силача.

В облаках чужое солнце.
За тюрьмой сады цветут.
Два солдата — два японца —
Мишу по двору ведут.

Скрип ступенек. Лязг затворов.
Визг несмазанной петли.
Провели по коридору,
Молча в комнату ввели,
По команде подтянулись,
Повернулись, вышли вон...
Офицер сидит на стуле.
Справа, слева — телефон.

Он сидит, похож на краба,
Полицейский чин из штаба,
И за стеклами очков
Что-то вроде червячков.

Он встает навстречу Мише
(Даже Миша ростом выше):
— Здравствуй, Миша Корольков
Из страны большевиков!

Смотрит хитрыми глазами.
За стеной солдаты ждут.
Миша вспомнил вдруг о маме:
Мама — там,
А Миша — тут.

Там — родные лес и горы,
Над поселком воздух чист.
Здесь — опущенные шторы
И стоит живой фашист.

Офицер подходит к Мише,
Прямо в ухо Мише дышит:

— Если будем мы друзьями,
Если будешь молодцом,
Ты опять вернешься к маме,
Снова встретишься с отцом...

Начинается допрос.
Миша слушает вопрос:
— Ты живешь на Сахалине,
На советской половине.

Сколько вас, учеников, —
Следопытов и стрелков?
— Шестью восемь — сорок восемь,
Пятью девять — сорок пять...
Умножаем, переносим —
Невозможно сосчитать!

Офицер подходит к Мише
Стиснув зубы. Миша слышит:

— За хорошие ответы
В правом ящике стола
Приготовлены конфеты,
Шоколад и пастила.
За такие же, как эти,
Принесут ремни и плети!

Продолжается допрос,
Миша слушает вопрос:

— Если каждый пионер
Кончит школу, например,
Кем захочет мальчик быть? —
Миша быстро отвечает:
— В Красной Армии служить!

— Если ночью месяц в тучах
И дороги не найти,
По какой тропинке лучше
Нам к заставе подойти?
Ты расскажешь — мы запишем.
Нас не слышат — мы вдвоем.

И тогда ответил Миша:
— Мы своих не выдаем! —
Офицер зовет солдат,
Сам съедает шоколад.

— Мы под розгами заставим
Пионера дать ответ!
— Не скажу пути к заставе!
Нет! Нет! Нет!

*

Крысы возятся в соломе,
Дверь какая-то скрипит.
Далеко в знакомом доме
Мама бедная не спит.

На далеком Сахалине
Мама думает о сыне:
«Где он? Что с ним? Отчего
Нету писем от него?»

Рыбаки выходят в море,
Ветер гонит рыбаков,
На посту стоит в дозоре
Пограничник Корольков.

Звезды ярче. Месяц выше.
Папа думает о Мише:
«Где он? Что с ним? Почему
Не приехал сын к нему?»

В этот час по коридору
Мишу за руки вели.
Глухо щелкнули затворы.
Мишу бросили. Ушли.

Сухо в грязном кувшине:
Нет ни капельки на дне.
В паутине дверь и стены,
Под ногами пол как лед...
«Кто спасет меня из плена?
Кто домой меня вернет?»

*

Отдыхают мостовые,
И трамваи не звенят.
Тихой ночью постовые
Наш ночной покой хранят.

Под Москвой, у самолетов,
На посту стоит боец.
Вот кремлевские ворота,
За воротами — дворец.

На столе вода в графине,
Лампы светлые горят.
О далеком Сахалине
Здесь сегодня говорят.

О советском пароходе,
О команде моряков
И о том, что на свободе
Будет Миша Корольков.

Не случится с ним несчастья,
Пионер домой придет:
На глазах Советской власти
Человек не пропадет!

Дует ветер, сушит сети
На песчаном берегу.
Дровосеки на рассвете
Пробиваются в тайгу.

Чайки носятся над пеной
Голубых соленых вод.
Возвращается из плена
Наш советский пароход.

В чисто убранной каюте
Тихо тикают часы.
Пароход винтами крутит.
Капитан за чаем шутит,
Улыбается в усы.
Боцман шуткой отвечает,
Боцман радио включает...

Миша думает: «Живу!
И на Родину плыву!»
Сердце, тише, тише, тише...
Миша слушает Москву.

С каждым часом ближе, ближе
Славный порт Владивосток.
Там прибой волнами лижет
Золотой морской песок.

Оттопыривая губы,
В трубы дуют трубачи.
В золотых от солнца трубах
Отражаются лучи.

Город флагами украшен —
Моряки вернулись наши.
Прямо в порт валит народ
Посмотреть на пароход.

Все в порядке. Все здоровы.
Все приехали домой!
Рядом с Мишей Корольковым
Капитан стоит седой.

Миша сходит вниз по трапу,
Видит маму, видит папу.
Миша видит: мама плачет,
Не стесняясь никого.
Миша знает: это значит —
Мама рада за него.

Вид у папы боевой:
Сразу видно — часовой!

А кругом — родные горы,
Сопки, реки и поля.
Здравствуй, наш советский город
И советская земля!

1938

ПАСТУХ МИХАСЬ

Трава умоется росой,
И прокричит петух,
Встает голодный и босой
Батрацкий сын — пастух.
Дудит в рожок и гонит скот:
Коров, быков, овец.

Михась на свете так живет,
Как жил его отец.

Богат лесами тихий край:
Береза, ель, дубы.
Нагнись в лесу и собирай
Бруснику да грибы.

Но если по грибы пойдешь
И наберешь на грош,
То лучше попадись волкам,
Чем панским лесникам.

Но если забредешь на пруд,
Поймаешь окунька,
Тебе и уши надерут,
И отобьют бока.

Грибов не трогает Михась,
Не ловит окуней:
Всему хозяин — пан и князь,
Нет никого сильней!
На всех лугах — его трава,
Во всех лесах — его дрова,

Вся дичь в лесу и на полях,
Река, и мост, и пыльный шлях —
Все, все принадлежит ему,
И только одному!

Он держит всех в своих руках:
Михась у князя в батраках,
И брат, и дядя Михася,
Деревня вся, и волость вся.
И он всегда бывает прав,
Когда берет налог и штраф.

А дом на княжеском дворе
Стоит, как крепость, на горе...

Под вечер гнал коров Михась.
Месило стадо грязь.

И вдруг, откуда ни возьмись,
Верхом навстречу князь!
Михась от страха в землю врос,
С кнутом в руке застыл.
Очнулся — стадо разбрелось,
А князя след простыл.

И ночь прошла.
Встречая день,
Опять пропел петух.
Но в эту ночь до деревень
Дошел надежный слух
О том, что от своей вины
Бегут везде паны:
Один верхом, другой пешком,
Оставив замок, бросив дом,
Что в эту ночь была стрельба
У пограничного столба.

Вошли в бедняцкое село
Советские полки,
И с моста в гору тяжело
Вползли броневики.
И вся деревня собралась —
Пришли со всех концов.

В худых лаптях стоит Михась
И смотрит на бойцов.
Вот руку поднял командир
И крикнул: — Земляки!
Вам не войну несут, а мир
Советские полки!
Солдат не дрался против нас,
Солдат домой идет сейчас,
И нам не враг солдат-поляк,
Солдат — батрак, бедняк!

Я вижу поле, лес и луг,
На пастбищах стада.
Владейте всем, что есть вокруг,
Навечно, навсегда!
В лугах — народная трава,
В лесах — народные дрова,
Народный хлеб шумит в полях,
К нему ведет народный шлях.
И вашу власть ни пан, ни князь
Назад не отберет!

И тут решается Михась,
Он открывает рот:
— А Ленин с вами, пан солдат?
Скажите, пан солдат?

Спросил. И люди молча вдруг
Еще тесней сплотились в круг.
— Он с нами! Здесь! — сказал танкист. —
Он всюду, где народ!

И ветер взял газетный лист
И дунул в разворот.
И ветер «Правду» развернул,
И Ленин руку протянул!

1939

ВОЙНА

НАРОД БОГАТЫРСКИЙ МОЙ

Отчизной мобилизован
Народ богатырский мой.
Не дай облакам грозovým
Сомкнуться над головой!

Товарищ, где бы ты ни был —
И в городе, и в селе —
Зорче следи за небом,
Оглядывайся на земле!

И если враги на границе
Займут твои города —
Сожги и нефть и пшеницу
И угони поезда.

Мосты подорви и склады,
Врагов огнем ослепи,
В ряды партизанских отрядов
С винтовкой в руках вступи!

Мы встанем врагу на дороге
И не дадим вздохнуть.
Мы можем пожертвовать многим,
Чтоб все обратно вернуть!

Отчизной мобилизован
Народ богатырский мой.
Не дай облакам грозovým
Сомкнуться над головой!

1941 — 1943

БРАТЬЯ

Они пришли в военкомат
И обратились к военному:
— В такие дни
Ни я, ни брат
Не можем оставаться дома.

Скорей на фронт пошлите нас,
Туда, вперед, поближе к бою.
Мы выполним любой приказ,
Заданье выполним любое.

Я в школе первым был стрелком
И дальше всех бросал гранату.
Скорей, товарищ военком,
Винтовки дайте мне и брату...

Они стояли у стола,
Малы, вихрасты, но суровы.
К боям, на славные дела,
На смерть геройскую готовы.

1941

ФАШИСТ

Он в села входит,
Как чума,
Как смерть сама,
Как мор.
Как зверь, врывается в дома,
И сходят девушки с ума,
Не в силах смыть позор.
Он вырывает языки,
Пытая стариков.
Он хочет всех зажать в тиски
И всем до гробовой доски
Надеть ярмо оков.
Нет! Нет! Вовеки не бывать
Хозяином ему.
Он может жечь и убивать,
Душить людей в дыму, —
Но никогда такой народ,
Как русский наш народ,
Не упадет и не умрет
И в рабство не пойдет!
Мы отомстим за каждый дом,
Который он поджег.
Мы, как один, клянемся в том,
Что близок мести срок.
Не может ворон быть орлом
И выше всех летать,
Не может он своим крылом
До наших звезд достать!
Не может черная змея
Обвить страну мою!
Штык занеси, страна моя,
И приколи змею!

1941

СОВЕТСКИЕ БОМБАРДИРОВЩИКИ

*Посвящается летчикам части
майора Кузнецова*

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Плывут, в облаках исчезая,
Воздушные те корабли.

И с курса они не собьются,
И к цели они долетят.
Радисты-стрелки неустанно
За воздухом синим следят.

Пшеница внизу колосится,
Пылят по дорогам стада.
Как тонкие ниточки, вьются
Идущие в тыл поезда.

Девятка летит над садами,
В пути не встречая преград.
Тяжелые авиабомбы
Под крыльями в люках висят.

Плывут они, крылья раскинув,
В разливе воздушной струи.
И дети им смотрят вдогонку,
И матери шепчут: «Свои!»

Свои самолеты! И людям
Становится сразу легко.
Свои! Это значит — родные
Заплавский, Демидов, Янко.

*

В планшете на штурманской карте
Отмечена эта река.
Вот здесь у врагов переправа,
Сюда они гонят войска.

Саперы наводят понтоны,
Форсируют реку полки,
Вползают германские танки
На берег советской реки.

Вперед же, к намеченной цели!
Уже переправа видна,
Уже разделилась девятка
На три боевых звена.

Во имя родимого края,
Во имя погибших бойцов
На цель в боевом развороте
Заходит майор Кузнецов.

По цели! По цели! По цели!
И кони встают на дыбы.
И там, где взрываются бомбы,
Растут водяные столбы.

По цели! И вновь закипает
Вода у крутых берегов —
То Кравченко, сокол отважный,
Как смерч, налетел на врагов.

Бросаются в воду фашисты,
Но только спастись нелегко,
Когда над водой пролетают
Заплавский, Демидов, Янко.

*

*

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Свои корабли боевые
Герои домой привели.

Летели они над садами,
Из мест, где гремели бои,
И люди внизу говорили:
«Летят самолеты! Свои!»

1941

ДНЕПР

Шумит днепровская вода
И плещет в берега:
Не будет Днепр никогда
Служить войскам врага!

Я — украинская река,
Я свой народ люблю.
Столкни в меня врагов войска
И я их утоплю!

Ударь, боец, на берегу
По вражеской орде.
А я водою помогу,
Приму врага в воде.

Я напою их навсегда
Днепровскою водой.
Горька днепровская вода
Для тех, кто шел войной.

Кто села жег, которым я
Давала воду пить,
Где помогла вода моя
Колхозный сад растить.

Шумит днепровская вода
И плещет в берега:
Не будет Днепр никогда
Служить войскам врага!

1941

ТОМ ДЖОНСОН

Секретарь Британской Федерации углекопов Эдвардс прислал письмо, в котором передал всем народам СССР глубочайшую благодарность и восхищение борьбой, какую с неизменной храбростью ведут героические красноармейцы, краснофлотцы и летчики Красной Армии.

Из газет

Том Джонсон — малый хоть куда!
Потомственный горняк.
С утра спускается туда,
В сырой подземный мрак.

И там весь день проводит он,
И выдает земля
Десятки, сотни тысяч тонн
Угля, угля, угля.

Том Джонсон — честный гражданин.
Он уголь рубит не один.
И под землей таких, как он, —
Десятки, сотни, миллион.

Том Джонсон говорит всегда:
Мой уголь греет города,
Мой уголь нужен поездам —
Он нужен здесь и там.

Том Джонсон в Англии живет,
Но знает про Донбасс,
Про наш донбассовский народ
Слышал горняк не раз.

И в грозный час, когда у нас
Пришел приказ войскам,
Том Джонсон написал в Донбасс
Советским горнякам:

«Я — англичанин. Гражданин.
Потомственный горняк.
Ты — русский. Но у нас один,
Один сегодня враг.

Пришла война. Гудит земля
От танковых колонн.
Заводы требуют угля
Десятки тысяч тонн.

Шахтер! Быстрей врубайся в пласт —
Твой уголь топкам жару даст.
Расплавим сталь своим углем
И глотку Гитлеру зальем!

Заставим замолчать навек
Зарвавшихся собак.
Том Джонсон,
Честный человек,
Потомственный горняк».

ФРОНТОВЫЕ ПОДРУГИ

Давно в бою расчеты огневые.
Гудит земля, встревожена войной.
Идут на фронт подруги боевые,
И позади остался дом родной.

Полки врагов нарушили границы,
И над страной кружится воронье.
Мы, как один, должны сейчас сплотиться
И отстоять Отечество свое.

Родная армия послала за тобою
И назвала военной сестрой.
Спешите, девушки:
На грозном поле боя
Красноармеец ранен молодой.

Над ним летят испуганные птицы,
Он слышит грохот наших батарей.
Ты подползи и дай ему напиток
И в ближний тыл доставь его скорей.

Он не жалел ни крови и ни жизни,
Не отступал под натиском свинца.
И ты должна вернуть его Отчизне:
Как сына — матери, как армии — бойца.

Склонись над ним, ночей недосыпая,
Его тебе доверил твой народ.
И сделай все, подруга фронтовая,
Чтоб в строй бойцов вернулся патриот.

Родная армия послала за тобою
И назвала военной сестрой.
Спешите, девушки:
На грозном поле боя
Красноармеец ранен молодой.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Родная мать!
Твое письмо простое
Мне принесли вчера, но лишь сейчас
На берегу речушки, после боя,
Его прочесть сумел я в первый раз.

И я тобой горжусь, моя родная,
Твой гнев к врагам мне хорошо знаком.
Вы там — в тылу, а я на фронте знаю,
За что дерусь гранатой и штыком.

В полях колхозных золотому житу
Под сапоги фашистские не лечь.
Сожжем зерно! Но не дадим бандиту
Из нашей ржи хлебоб себе напечь.

Ты обо мне по радио слыхала
И думала: храбрец — Ванюшка твой.
А ведь таких, как я, у нас немало.
Здесь что ни час, то подвиг боевой.

И нету в том особого геройства,
Что сделал я, ведя свой первый бой.
Здесь все бойцы одно имеют свойство:
И побеждать, и жертвовать собой.

Наш командир — любимец нашей роты,
Наш политрук от нас неотделим.
Во всех делах видна его забота,
В огонь и в воду мы пойдем за ним!

И обо мне, прошу тебя, мамаша,
Ты не болей ни сердцем, ни душой.
Вернусь домой в семью большую нашу —
На весь колхоз закатим пир горой.

Приеду я с ребятами своими,
Прошедшими сквозь дым и шквал огня,
Ты познакомишься с орлами боевыми,
И ты их примешь так же, как меня.

Спасибо за письмо, за нежность и за ласку.
Послание свое заканчивать спешу.
Идет обстрел. Надеть придется каску,
А я на ней ответ тебе пишу.

Не знаю срока, скоро ли приеду,
Но день придет, мы разобьем врагов!
И с фронта к вам я привезу победу.
Привет родным.

Ваш сын Иван Рябков.

1941

СВЯЗИСТ

Фашистской пули слышен свист
Над самой головой.
Ползет с катушкой связист
И тянет провод свой.

В его руках живая нить,
Вперед, за шагом шаг!
Он должен связь восстановить —
Ее попортил враг.

Молчит в землянке телефон,
Не знает штаб полка,
Что вышел первый батальон
На правый фланг врага.

Не может «Дон» сказать «Москве»
Про сделанный прорыв.
Связист-боец, в кустах, в траве
Скорей найди обрыв!

В туман и в мрак, ночной порой,
И в ливень, и в пургу
Связист-боец, связист-герой
Ползет назло врагу.

Он под огнем обрыв найдет,
Соединит концы:
Командный пункт ответа ждет,
Приказа ждут бойцы.

Пускай снарядов слышен свист
Над самой головой,
Ползет уверенно связист
С задачей боевой.

Он презирает смерть свою
Как воин, как боец.
А храбрых не разит в бою
Ни штык и ни свинец!

1941

НАШ ДОКТОР

Он к нам приехал в часть из Сталинграда.
Мобилизованный амбулаторный врач.
У нас он в первый раз
Услышал свист снаряда,
Упавшего у пригородных дач.
Шинель на нем сидела мешковато,
С опаскою носил он пистолет.
И говорил: — Из белого халата
Не вылезал я восемнадцать лет!
К шинели я привыкну, несомненно,
И буду здесь с другими наравне,
Но у меня характер невоенный,
Хоть всей душой
Я с вами на войне.
В суровом гуле грозных эскадрилий
Дни проходили в боевом строю.
С передовых позиций привозили
Героев, обескровленных в бою.
И он работал рук не покладая,
Без отдыха у белого стола,
Порою на ходу обед глотая,
Который санитарка принесла.
В такие дни он говорил: — Я знаю,
Работаю, не сплю — не я один.
Мы на войне. Я долг свой выполняю
Как врач и как советский гражданин.
Однажды ночью привезли сапера,
Сапер тот был почти без чувств, без сил.
На все смотрел он безучастным взором
И ничего не ждал и не просил.
Склонилась санитарка к изголовью:
— Он умирает! — Нет, он будет жить!
В бою с врагами истекал он кровью,

Так нам ли кровью нашей дорожить? —
И засучил хирург рукав халата,
Без колебанья руку обнажил
И отдал кровь советскому солдату,
Чтоб ожил он и снова с нами жил.
И кровь врача влилась герою в вены,
И сердце вздрогнуло, вернув себе свой такт.
А врач сказал: — Я человек военный,
Но поступил бы каждый точно так!

1941

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Сынок родной!
По радио узнали,
Что ты здоров и крепко бьешь врагов.
Соседи заходили, поздравляли,
Все говорят: — Ванюшка-то каков!

Вот это, говорят, действительно героизм:
Трех гадов заколоть, а двух живьем поймать!
А мне, признаться, только беспокойство,
Да что поделаешь: на то ведь я и мать.

Все думаю и сердцем все болею
По материнской слабости своей...
Ты береги себя, но бей злодея!
Как мать прошу: врага покрепче бей!

Отец как все. Вчера пришел с работы,
Прочел газету, стукнул кулаком.
— Эх, говорит, и мне на фронт охота.
Пойти бы тоже следом за сынком.

Я, говорит, на немца зуб имею.
За две войны немало их побил.
А бить по ним я и в очках сумею,
Я трехлинейную еще не позабыл!..

Вчера у нас Катюша ночевала.
Хлеб убирают. Скоро молотьба.
Такой пшеницы — сроду не бывало!
Богатые, хорошие хлеба.

Катюша-то в колхозе заправилой —
Степан Петров ушел служить на флот.

Она его в бригаде заменила,
Командует теперь на полный ход.

Мы, говорит, такие строим планы:
Сдать государству урожай сполна
И если что... всем вместе в партизаны —
Бить Гитлера. Пусть сдохнет, сатана!..

Марусю не узнать. Шинель надела
И санитаркой в госпиталь пошла.
А я не против, раз такое дело —
Сестрой и я в гражданскую была.

Белье стирала, раны бинтовала.
Кладу повязку, а сама в слезах.
Дежурила, ночей недосыпала,
И оживали люди на глазах.

Сынок родной! За Родину сражайся!
Не трусь в бою! Не забывай писать!
И поскорей с победой возвращайся!
От всех привет.

Целую крепко.
Мать.

1941

ПАРТИЗАНЫ

За лесами, за садами,
За колхозными прудами
Жил в селе на сто дворов,
Из того же места родом,
Уважаемый народом
Молодой Ефим Бобров,
Сын простого кузнеца,
Сам кузнец — и весь в отца.
Он хоть был годами молод,
В руки взял отцовский молот,
Начал угли раздувать,
На селе коней ковать...
Время шло. Коней ковали,
Иногда в Москве бывали,
Жил в довольствии колхоз,
На глазах у граждан рос.
Все-то есть. Во всем достаток:
Сто семнадцать свиноматок,
Огородов триста га.
А посевы! А луга!
В сенокос трава по пояс.
Можно жить, не беспокоясь:
Есть хлеба и есть корма —
Заворачивай, зима!
Так и жили дни за днями.
От района дали знамя.
Дескать, вы теперь в почете,
Дескать, видно по работе —
Всем другим в пример она.
Простояло знамя это
В помещенье сельсовета
Всю весну. И вдруг... война!
То гудит не ветер грозный —
Поднимается колхозник
Защищать свою страну,

Край любимый, край богатый,
Лес, поля, родные хаты,
Ребятишек и жену.
Лютый враг нагрюнул вором
С пулеметным разговором,
С черной бомбой и с ножом
И с поджогом-грабежом.
И в колхозе «Власть Советов»,
Как услышали про это,
Все явились в сельсовет:
«Есть повестки или нет?»
Вот расселись по подводам
И прощаются с народом
Земляки-призывники.
К ним подходят старики:
— Дескать, мы в боях бывали,
Было дело — воевали,
Били немца в грудь и в зад
Двадцать пять годов назад.
Паренек развел гармошку:
В путь — далекую дорожку
Провожают. Ничего!
На войне не без того!
Девки плачут и смеются:
— Не забудьте к нам вернуться!
— Вы не плачьте. Ничего!
На войне не без того!
Был бы жив кузнец Данила
(Если б это раньше было),
Он бы тоже провожал,
Речь на площади держал.
Он сказал бы: «Вот, ребята,
Руки старого солдата!
Пригодятся. Ничего!
На войне не без того!»
Вот и тронулись подводы
Вдоль садов и огородов,
Мимо отчего крыльца.
Речка, кузни... Мимо, мимо...
Не призвали лишь Ефима —
Молодого кузнеца.
Ростом крепок и здоров
Был кузнец Ефим Бобров,
Но еще не вышел годом.

И, стыдясь перед народом,
Он остался у плетня,
Стал доковывать коня.
И, вбивая гвоздь в подкову,
Он сказал: «Неужто мне,
Мне, колхознику Боброву,
Нету места на войне?»
За полями, за садами,
За ручьями и прудами,
По лесам, в краю болот
Днем и ночью бой идет.
То не молния сверкает
И деревья рассекает —
То снаряд шестидюймовый
Рассекает ствол сосновый.
То не ветер листья рвет,
А станковый пулемет.
Жаркий бой. С врагами схватка.
Всем приходится не сладко.
Ворог кровь рекою льет.
Офицер пощады просит,
Но боец приклад заносит
И врага наотмашь бьет.
Сторона вокруг лесная.
Кто идет, тропы не зная,
Тот в краю лесных болот
Между кочек пропадет.
Бурелом повсюду, ельник,
Да столетний можжевельник,
Да могучие стволы
Со слезинками смолы.
Только тот, кто с малолетства
Жил от леса по соседству,
В том лесу и лыко драл,
И малину собирал, —
Только тот заходит в чащи,
Кто хозяин настоящий.
Как вошел Ефим Бобров —
Партизан вооруженный
И друзьями окруженный,
В темной зелени шатров.
Был бы жив Бобров Данила,
Он сказал бы: «Наша сила!
Наша правда! Наша власть!

Бьет сегодня наша масть!
Нас не сломишь — мы упрямы.
Ройте, люди, волчьи ямы!
Ставь капканы на пути,
Где задумал враг пройти!
Чтоб ему в тисках метаться,
Чтобы некуда податься,
Бей врага из-за угла,
И в селе, и у села.
Бей врага в лицо и в спину,
Нет ружья — возьми дубину!
Чтоб навек запомнил гад
Партизанский наш отряд!»
Так сказал бы дед Данила
(Если б это раньше было).
Так сказал орлам своим
Партизан Бобров Ефим.
Сын простого кузнеца,
Сам кузнец — и весь в отца.

В чистом поле, по дубравам,
Под огнем в бою кровавом
Много фрицев полегло...
Ночь прошла. На поле боя
Смотрит небо голубое,
И безмолвно за рекою
Украинское село.
Фрицы заняли его.
На войне не без того...
Все теперь вокруг дымится.
Рожь, ячмень, овес, пшеница —
Хлеб горит четыре дня,
Затушить нельзя огня.
Из колхозного колодца
Пить фашистам не придется:
Из него ушла вода,
И неведомо куда.
Хоть бы пес с цепи сорвался,
Хоть бы кто-то отозвался,
Хоть бы выглянул в окошко,
Хоть бы выбежала кошка.
Фрицы заняли село,
А живое все ушло.
В помещенье сельсовета

Ни плаката, ни портрета,
Ветер серую золу
Раздувает на полу...
Был зажиточным колхоз —
На конях добро увез.
Фрицу брюхо подвело —
Худо встретило село.
А к тому же нет покоя —
То одно, а то другое:
Здесь разбили весь обоз,
Там убили генерала,
Там напали на капрала,
Еле ноги тот унес.
Мост взорвали. Штаб сожгли...
А виновных не нашли...
Рельсы ночью развели,
А виновных не нашли...
Только битые вагоны,
Обгоревшие патроны
Да немецкий паровоз
Без поршней и без колес.
Гнали фрицы три цистерны.
Танки ждали их, наверно,
Без горячего не шли.
Только дело вышло скверно:
В часть не прибыли цистерны,
А виновных не нашли.

Украина золотая!
Белоруссия родная!
Вы в своих лесах дремучих
Укрывайте самых лучших
Сыновей и дочерей —
Верных Родине любимой,
Вроде нашего Ефима,
Партизан-богатырей!
И победы час настанет:
Ворог ляжет и не встанет,
И войне конец придет.
И народ земли родимой
Черный прах орды звериной
По дорогам разметет!

ПИСЬМО ДОМОЙ

Здесь, на войне, мы рады каждой строчке
И каждой весточке из милых нам краев.
Дошедших писем мятые листочки
Нам дороги особо в дни боев.

Они хранят тепло родного дома,
Сопутствуя бойцу в его борьбе...
О, чувство зависти! Как нам оно знакомо,
Когда письмо приходит не тебе.

Любимая жена моя, Наташа!
От вас известий не было давно,
И наконец — письмо. Родное, ваше!
Как много радости мне принесло оно.

О, письма из дому! Мы носим их с собою,
Они напоминают нам в бою:
Будь беспощаднее с врагом на поле боя,
Чтоб враг не истребил твою семью!

Мы были в городе. Как грозный знак проклятья,
Труп женщины лежал на мостовой.
Растрезанное ситцевое платье,
Застывшая рука над головой.

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь, как я, таких же лет,
Ждет от жены письма, письма из дому
От этой женщины. А писем нет и нет...

Мы были в городе развалин и воронок,
Разграбленного немцами жилья.
Я видел мальчика. Лет четырех ребенок.
Он был убит. И сына вспомнил я.

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь на фронте ждет сейчас
Каракуль детских — весточку из дома
И детский незатейливый рассказ...

Мой верный друг, товарищ мой надежный!
Мы на войне. Идет жестокий бой
За каждый дом, за каждый столб дорожный,
За то, чтоб мы увиделись с тобой!

1941

ПИОНЕРСКАЯ ПОСЫЛКА

Две нательные фуфайки,
На портянки — серой байки,
Чтоб ногам стоять в тепле
На снегу и на земле.

Чтобы тело чисто было
После долгого пути,
Два куска простого мыла —
Лучше мыла не найти!

Земляничное варенье
Своего приготовления —
Наварили мы его,
Будто знали для кого!

Все, что нужно для бритья,
Если бритва есть своя.
Было б время да вода —
Будешь выбритым всегда.

Нитки, ножницы, иголка —
Если что-нибудь порвешь,
Сядешь где-нибудь под елкой
И спокойно все зашьешь.

Острый ножик перочинный —
Колбасу и сало режь!
Банка каши со свиной —
Открывай ее и ешь!

И в надежной упаковке,
Чтобы выпить в добрый час,
Две московских поллитровки.
Вспоминайте, братцы, нас!

Все завязано, зашито,
Крышка к ящику прибита —
Дело близится к концу.
Отправляется посылка,
Очень важная посылка,
Пионерская посылка
Неизвестному бойцу!

1942

БЫЛИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Эту быль пишу я детям...

*

Летней ночью, на рассвете,
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских —
Это значит против нас.

Он хотел людей свободных
Превратить в рабов голодных,
Навсегда лишить всего.
А упорных и восставших,
На колени не упавших,
Истребить до одного!

Он велел, чтоб разгромили,
Растоптали и сожгли
Все, что дружно мы хранили,
Пуще глаза берегли,
Чтобы мы нужду терпели,
Наших песен петь не смели
Возле дома своего,
Чтобы было все для немцев,
Для фашистов-иноземцев,
А для русских и для прочих,
Для крестьян и для рабочих, —
Ничего!
«Нет! — сказали мы фашистам. —
Не потерпит наш народ,
Чтобы русский хлеб душистый
Назывался словом «брот».

Мы живем в стране Советской,
Признаем язык немецкий,
Итальянский, датский, шведский,
И турецкий признаем.
И английский, и французский,
Но в родном краю по-русски
Пишем, думаем, поем.

Мы тогда лишь вольно дышим,
Если речь родную слышим,
Речь на русском языке,
И в своей столице древней,
И в поселке, и в деревне,
И от дома вдалеке.

Где найдется в мире сила,
Чтобы нас она сломила,
Под ярмом согнула нас
В тех краях, где в дни победы
Наши прадеды и деды
Пировали столько раз?

И от моря и до моря
Поднялись большевики,
И от моря и до моря
Встали русские полки.
Встали, с русскими едины,
Белорусы, латыши,
Люди вольной Украины,
И армяне, и грузины,
Молдаване, чувашаи —

Все советские народы
Против общего врага,
Все, кому мила свобода
И Россия дорога!

И когда Россия встала
В этот трудный, грозный час,
«Все — на фронт!» — Москва сказала.
«Все дадим!» — сказал Кузбасс.

«Никогда, — сказали горы, —
Не бывал Урал в долгу!»
«Хватит нефти для моторов,
Помогу!» — сказал Баку.

«Я богатствами владею,
Их не счесть, хоть век считай!
Ничего не пожалею!» —
Так откликнулся Алтай.

«Мы оставшихся без крова
В дом к себе принять готовы,
Будет кров сиротам дан!» —
Обездоленных встречая,
Казахстану отвечая,
Поклялся Узбекистан.
«Будет каждый верный воин
И накормлен, и напоен,
Всей страной обут, одет».
«Все — на фронт!» — Москва сказала.
«Все! — страна ей отвечала. —
Все — для будущих побед!»

*

Дни бежали и недели,
Шел войне не первый год.
Показал себя на деле
Богатырский наш народ.

Не расскажешь даже в сказке,
Ни словами, ни пером,
Как с врагов летели каски
Под Москвой и под Орлом.

Как, на запад наступая,
Бились красные бойцы —
Наша армия родная,
Наши братья и отцы.

Как сражались партизаны —
Ими Родина горда!
Как залечивают раны
Наши села, города.

Не опишешь в этой были
Всех боев, какие были.
Немцев били там и тут,
Как побили — так салют!
Из Москвы салюты эти
Были слышны всем на свете,
Слышал их и друг и враг.
Раз салют, то значит это —
Над какой-то крышей где-то
Снова взвился красный флаг.

Посмотри по школьной карте,
Где мы были в феврале?
Сколько верст прошли мы в марте
По родной своей земле?

Здесь в апреле мы стояли,
Здесь войска встречали май,
Тут мы столько пленных взяли,
Что попробуй подсчитай!

Слава нашим генералам,
Слава нашим адмиралам
И солдатам рядовым —
Пешим, плавающим, конным,
В жарких битвах закаленным!
Слава павшим и живым,
От души спасибо им!

Не забудем тех героев,
Что лежат в земле сырой,
Жизнь отдав на поле боя
За народ — за нас с тобой...

*

Где бы мы врага ни били,
Где бы враг ни отступал,
Вспоминал всегда о тыле
Наш солдат и генерал:

«Да!
Нельзя добить фашистов
И очистить мир от них

Без московских трактористов,
Без ивановских ткачих,
Без того, кто днем и ночью
В шахтах уголь достает,
Сеет хлеб, снаряды точит,
Плавит сталь, броню кует».

Не расскажешь в этой были
Всех чудес о нашем тыле.
Видно, времечко придет
И о тружениках честных,
Знаменитых, неизвестных
Сложит песни наш народ.

Без ружья и без гранаты
И от фронта в стороне
Эти люди, как солдаты,
Тоже были на войне.

Никогда мы не забудем
Их геройские дела,
Честь и слава этим людям
И великая хвала!

*

Друг за дружкой, пешим строим,
По камням и по траве
Гонят пленных под конвоем,
Гонят к матушке-Москве.

Их не десять и не двадцать,
Их не двести пятьдесят —
Может армия набраться
Офицеров и солдат.

Облаками пыль клубится
Над дорогой фронтовой...
Что невесело вам, фрицы?
Что поникли головой?

Вы не ждали, не гадали
Ни во сне, ни наяву —
Только так, как мы сказали,
Попадете вы в Москву.

Мимо вас везут трофеи
В наши русские музеи,
Чтобы людям показать,
Чем вы нас хотели взять.

А навстречу мчат машины
Наших доблестных полков.
— Далеко ли до Берлина? —
Вам кричат с грузовиков.

Облаками пыль клубится...
По дорогам, там и тут,
Душегубы и убийцы
Под конвоем в плен идут...

Пыль... Пыль... Пыль... Пыль...

Продолжаю детям быть!

Под победный грохот пушек
В грозовые эти дни
В море, в небе и на суше
Мы сражались не одни.

Руки жал бойцам английским
Русской армии солдат,
А далекий Сан-Франциско
Оказался так же близко,
Как Москва и Ленинград.

С нами рядом, с нами вместе,
Как поток, ломая лед,
Ради вольности и чести
И святой народной мести
За народом встал народ.

— Мы, — сказали югославы, —
Не уступим нашей славы!
Нам под игом не бывать! —
И словаки заявили:
— Нашу волю задавили!
Как же нам не воевать! —
Откололись от Берлина
Итальянцы и румыны:

— Хватит драться за Берлин! —
Неохота и болгарам
Погибать за немца даром:
— Пусть ко дну идет один!

Будет жить француз в Париже,
В Праге — чех, в Афинах — грек.
Не обижен, не унижен
Будет гордый человек!

Города вздохнут свободно —
Ни налетов, ни тревог!
Поезжай куда угодно
По любой из всех дорог!..

*

Спать легли однажды дети —
Окна все затемнены,
А проснулись на рассвете —
В окнах свет и нет войны!

Можно больше не прощаться,
И на фронт не провожать,
И налетов не бояться,
И ночных тревог не ждать.

Отменили затемненье,
И теперь на много лет
Людям только для леченья
Будет нужен синий свет.

Люди празднуют Победу!
Весть летит во все концы:
С фронта едут, едут, едут
Наши братья и отцы!

На груди у всех медали,
А у многих — ордена.
Где они не побывали
И в какие только дали
Не бросала их война!

Не расскажешь в этой были,
Что за жизнь они вели:
Как они в Карпатах стыли,
Где рекой, где морем плыли,
Как в восьми столицах жили,
Сколько стран пешком прошли.

Как на улицах Берлина
В час боев нашли рейхстаг,
Как над ним два верных сына —
Русский сын и сын грузина —
Водрузили красный флаг.

От Берлина до Амура,
А потом до Порт-Артура,
Что лежит у теплых вод,
Побывали на Хингане,
Что всегда стоит в тумане,
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Говорит сосед соседу:
— Как домой к себе приеду,
Сразу в школу загляну
И колхозных ребятишек —
Танек, Манек, Федек, Гришек —
Я опять учить начну!

— Ну, а я домой приеду, —
Говорит сосед соседу, —
После фронта отдохну,
Поношу еще с недельку
Гимнастерку и шинельку,
Строить в городе начну,
Что разрушено в войну!

— А по мне колхоз скучает, —
Третий с полки отвечает, —
Мой колхоз под Костромой,
Еду я восьмью сутками
Да считаю все минутки —
Скоро, скоро ли домой?!

День и ночь бегут вагоны,
По шоссе идут колонны
Фронтowych грузовиков,
И поют аккордеоны
О делах фронтowych...

*

Не опишешь в этой были
(Не поможет даже стих!),
Как горды солдаты были,
Что народ встречает их,
Их — защитников своих!

И смешались на платформах
С шумной радостной толпой:
Сыновья в военных формах,
И мужья в военных формах,
И отцы в военных формах,
Что с войны пришли домой.

Здравствуй, воин-победитель,
Мой товарищ, друг и брат,
Мой защитник, мой спаситель —
Красной Армии солдат!

Всю войну, в любом селенье,
В каждом доме и в избе
Люди думали с волнением,
Вспоминали с восхищением
И с любовью о тебе.

И везде тобой гордились,
И нельзя найти семьи,
Дома нет, где б ни хранились
Фотографии твои:

В скромных рамках над постелью,
На комодe, на стене,
Где ты снят в своей шинели,
Пешим снят иль на коне.

Снят один ли, с экипажем
В обстановке боевой —
Офицер ты или, скажем,
Пехотинец рядовой.

Наконец-то в час желанный
Нашей сбывшейся мечты —
В час победы долгожданной
В отчий дом вернулся ты!

Но еще таких немало
Офицеров и солдат,
Смерть которых миновала,
Но задел в бою снаряд.

Если встретишь ты такого,
Молодого, но седого,
Ветерана боевого
(Знак раненья на груди),
Окажи ему услугу,
Помоги ему, как другу,
Равнодушно не пройди!..

*

За дела берутся смело
Молодцы-фронтовики,
И в стране любое дело
Им сподручно, им с руки!

Нужно всех советских граждан
Накормить, одеть, обусть,
Чтобы был доволен каждый
От души, не как-нибудь!

Если раньше самоходки
Поставлял иной завод,
То сегодня сковородки
Запустил на полный ход.

И бегут платформы с лесом,
Там — с рудой, а там — с углем,
От Донбасса к Днепрогэсу
Ночь за ночью, день за днем.

Да! У нас одна забота,
И мечта у всех одна:
Чтобы к солнечным высотам
Поднялась опять страна,
Сильной, славной и могучей
От столицы до села,
Много краше, много лучше,
Чем когда-нибудь была.

Дни сражений миновали,
Мы неплохо воевали —
Как солдаты, выполняли
Нашей Родины приказ.
И сегодня, в мирный час,
Дорогая мать-Отчизна,
Положись опять на нас!

*

Всем, что Родина имеет,
Сообща народ владеет,
Счет ведет полям, лесам,
Нивам, пастбищам и водам,
Шахтам, копиям и заводам
И в пример другим народам
Управляет ими сам!

И у нас стоят у власти
Не помещик, не банкир,
А простой рабочий — мастер
И колхозный бригадир.
Выбираемый народом
Наш советский депутат
Не дворянским знатен родом
И не золотом богат.

Он богат своей свободой
И сознанием того,
Что от имени народа
Он вершит судьбу его!

Он богат своей любовью
К той земле, что в грозный час,
Окропив своею кровью,
Он, как мать родную, спас.

Соберутся две палаты,
Сядут рядом депутаты:
Белорус и армянин,
Украинец, молдаванин,
Осетин, казах, татарин,
И эстонец, и грузин —
Все народы, как один!

Их немало соберется,
Сыновей и дочерей:
И солдат, и полководцев,
И других богатырей!..

С нашей партией любимой
Мы нигде не делимы.
За народ стоит она,
С нею Родина сильна.

Кто сегодня неизвестен,
Но бесстрашен, смел и честен,
Тот, кто любит свой народ
И за партией идет,
Кто хоть что-то делать может,
Тот стране своей поможет
В том краю, где он живет!

Так поможем нашей власти
В городах и на селе
Добывать народу счастье
На родной своей земле!

*

Новой былью начинаю
Я для школьников рассказ.
День Победы вспоминаю,
Чем он в жизни стал для нас.

Не забыть мне этой даты,
Что покончила с войной
Той великою весной.
Победителю-солдату
Сотни раз поклон земной!

Тридцать лет, как миновало
С незапамятного дня.
А в Берлине, с пьедестала,
Он, отлитый из металла,
Так и смотрит на меня...

Молодое наше племя!
Грозных лет лихое время
Пережили мы давно,
А для вас, ребят, оно
Только в книжках и в кино,
Да еще в рассказах дедов
И в отцовских орденах,
Что задолго до победы
Заработаны в боях.

Ленинградская блокада,
Дни и ночи Сталинграда,
Дон и Курская дуга.
И уже назад — ни шагу! —
Все вперед, вперед к рейхстагу,
Чтобы там добить врага...

И в любом подразделенье
От Генштаба до полка,
И на каждом направленьи,
В обороне, в наступленьи —
Нашей партии рука!

Повсеместно, ежечасно
Там, где трудно и опасно, —
На отважных погляди! —
Коммунисты — впереди!

*

...О волнениях в столицах,
Перестрелках на границах
Сообщают нам страницы
Наших утренних газет.
Тут — замучили студента,
Там — убили президента...
В мире том законов нет!

Велико же наше счастье!
Мы живем с тобой в стране,
Где народ стоит у власти,
Преграждая путь войне.

Молодое наше племя!
В наш тревожный, бурный век
В рост поднялся перед всеми
Доброй воли человек —
Скромный труженик и воин,
Патриот и гражданин.
Он уверен и спокоен,
Потому что не один!

*

...Знают в школах все ребята,
Что в столице, в феврале,
Состоялся Двадцать пятый
Наш партийный съезд в Кремле.

Собирались делегаты,
Нашей партии солдаты —
Совесьть Родины твоей,
Что несут сегодня Знамя
В авангарде, перед нами, —
Знамя ленинских идей.

Те, кто пашет, те, кто строит,
Ищет нефть, каналы роет,
Службу в армии несет —
От глубин и до высот;
Кто алмазы добывает,
За телятами глядит,
Путь к планете пробивает
И страной руководит.

С ними рядом — иностранцы,
Партий дружеских посланцы:
Финн, поляк, француз и чех...
Перечислить трудно всех!

С ними вместе ветераны
Грозных классовых боев,
Из далеких, чужестранных,
Обездоленных краев.

С ними нас объединило
То, что цель у нас одна.
А в единстве — наша сила,
Что в борьбе закалена.

Повсеместно, ежечасно,
Там, где трудно и опасно, —
На отважных погляди! —
Коммунисты — впереди!

У меня перед глазами
Зал Кремлевского дворца...
Выступает перед нами
Человек с душой бойца.

Человек партийной чести,
Он не раз бывал в бою
И вошел с войною вместе
В биографию мою.

Мы следим за каждым словом,
И доклад его таков,
Что внимать ему готовы
Люди всех материков, —
Люди разных поколений,
Всех народов, наций, рас...

Что сказать мне юной смене,
Завершая свой рассказ?
Был бы жив великий Ленин —
Ленин был бы горд за нас!

1942—1975

Я НЕ ХОЧУ!

Я не хочу, чтоб все, что было свято
И предками для нас сохранено,
Вдруг оказалось взорвано и смято
И на кострах фашистских сожжено.

Я не хочу, чтоб хлеб моих колхозов,
Мной собранный, немецкий барин ел.
Чтоб день и ночь в немецких паровозах
Добытый мною уголь мой горел.

Чтоб к нефти моего Азербайджана
Нефтепровод немецкий провели
И набивали золотом карманы
Германские тузы и короли.

Я не хочу, чтоб маленького сына,
Единственного сына моего,
Какой-нибудь помещик из Берлина
В моей России вдруг лишил всего.

Чтоб мальчик мой, как я, такой же **русский**,
Рос, русского не зная языка,
Под палкою рабовладельцев прусских,
Приехавших в мой Псков издалека.

Вот почему на Волге, на Кубани
С оружием, преграждая путь врагу,
До моего последнего дыханья
Я буду драться так, как я могу!

Я буду бить врага везде, повсюду,
Честь воина в боях не посрамлю!
Бесстрашным буду! Беспощадным буду!
Остановлю врага и разгромлю!

1942

ОСТАНОВИ, ОТБРОСЬ И РАЗГРОМИ!

Горит Кубань, Майкоп в ночи пылает,
Защиты просят женщины с детьми,
Тебя, боец, Отчизна призывает:
Останови врага!
Отбрось
И разгроми!

Не отступи, боец, на поле боя,
Изменника позором заклеими.
За счастье Родины плати ценой любой,
Останови врага,
Отбрось
И разгроми!

Чтоб в черный день на барщине немецкой
Не били нас позорными плетьюми,
Чтоб не глумился враг над жизнью детской,
Останови врага,
Отбрось
И разгроми!

Где б ни был ты, в горах ли на Кавказе,
В лесах Валдая ли, — с врагами бой прими.
Не дай в свой дом войти чумной заразе,
Останови врага,
Отбрось
И разгроми!

1942

* * *

Боец лежит за хатами —
Он долг исполнил свой.
Над ним стоят подсолнухи,
Качают головой.

— Боец! Товарищ раненый,
Крепись, тебя найдут!
Твою поднимут голову,
Напиться подадут!

— Я верным сердцем чувствую,
Что рана не легка,
Что мне не нужно доктора,
Что смерть моя близка.

Вы мне могилу выройте
Под деревом-сосной,
Родную землю холмиком
Насыпьте надо мной...

— Скажи нам слово тихое,
Последнее, свое...

— За эту землю бился я
И умер... за нее...

1942

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Это кто на первой койке,
Утомленный боем, спит?
Это спит военный летчик,
Сбивший пятый «мессершмитт»!

Он сегодня под Москвою
Показал в ночном бою
Ловкость, мужество и волю
Соколиную свою.

Он врага достойно встретил —
Сбил с полуденных небес
На застывший и притихший,
Подмосковный снежный лес.

Это был по счету пятый,
Сбитый в схватке боевой,
Пятый ворон, черный ворон,
Погоревший под Москвой.

Не шумите в общежитье.
Пусть, как дома, в тишине
Русский летчик-истребитель
Улыбается во сне.

Пусть поспит еще немного,
Ну хотя бы полчаса.
Он проснется, выйдет в поле,
Поглядит на небеса.

Боевой приказ получит,
Руку техника пожмет
И шестого «мессершмитта»
После пятого собьет.

1942

ПОЧЕТНЫЙ ПАССАЖИР

В армейской шинели,
В армейской ушанке,
Вагона он ждет
На трамвайной стоянке.

Спокойно с передней
Площадки трамвая
Он сходит,
На правую ногу хромая.

Таких пассажиров
В трамвае немного,
И люди ему
Уступают дорогу.

Таким пассажирам
В таком положенье
Повсюду — вниманье,
Везде — уваженье!

Сидит он в вагоне
На лучшем из мест,
Кондуктор с него
Не берет за проезд.

Он орден имеет
Под серой шинелью,
Он ранен под Клином
Немецкой шрапнелью.

Бесстрашный участник
Большого сраженья,
Он вывел товарищей
Из окруженья.

Боец-пулеметчик
Стрелкового взвода,
Большое спасибо
Тебе от народа!

1942

КОМУ СКАЗАТЬ СПАСИБО?

Привезли бойцам подарки
После боя одного.
Получил боец посылку
И не знает от кого.

Шерстяные рукавицы,
Чтоб не страшен был мороз,
Чтоб с друзьями поделиться —
Пара пачек папирос.

Закурил боец из пачки,
Дал соседям закурить.
Ну, кому сказать спасибо?
Ну, кого благодарить?

Ну, кому хоть в пару строчек
Боевой послать привет?
Развернул боец платочек,
Увидал ее портрет.

Фотография цветная —
Русый локон и берет.
И зовут ее Марусей,
Двадцати, не больше, лет.

Эта девушка Маруся
Шла к почтовому крыльцу
И посылку отправляла
Неизвестному бойцу.

Все соседи по окопу
Посмотрели на портрет:
«Напиши ты ей спасибо
И от нас пошли привет!»

Подтолкнул сосед соседа,
А боец сказал друзьям:
«Победим, в Рязань заеду —
Самолично передам».

1942

ШЕЛ ПО УЛИЦЕ ЛЕТЧИК

Было раннее утро и солнцем окрашены зданья.
У зенитных орудий стоял на посту часовой.
Шел по улице летчик, с боевого вернувшись заданья,
Самолет «мессершмитт» догорал на земле
под Москвой.

Шел по улице летчик, молодой
лейтенант-истребитель,
Боевая кожанка и с левого бока планшет.
Ребятишки на улице вдруг восклицали:

— Смотрите! —

И бросали играть, и смотрели восторженно вслед
Проходившему мимо, выдавшему виды герою.
А герой улыбался, довольный полетом своим.
Самолет «мессершмитт» догорал на земле
под Москвою.

По зеленой осоке тянулся удушливый дым.
Шел по улице летчик, приветствуя старших по званию.
Каждый встречный, казалось, хотел ему дать
прикурить,
Оказать от души небольшое хотя бы вниманье,
Затащить к себе в гости, по-дружески поговорить.
— Это наш истребитель! — девчата друг другу
шептали.

Посмотрите скорее, пока еще он не прошел!
Это наша защита! Такие Москву защищали,
Замечательный парень, бесстрашный советский орел!
Возвращаясь с полета, напевая про синий платочек,
В ранний час, когда утро все звезды зажгло
на Кремле,

Вдоль зеленых бульваров шел по улице города
летчик.

А в лесу под Москвой «мессершмитт» догорал
на земле...

ФОТОГРАФИЯ

В бумажнике фашистского солдата,
Насильника, бандита, подлеца,
Ее нашли.
Перед расстрелом сняты
Два наших русских раненых бойца.

Минуту смерти гордо презирая,
Они, непобежденные, стоят
На фоне подожженного сарая
Спиной к огню, лицом на аппарат.

А возле них, нацелив автоматы,
Убийство в развлечение превратив,
Позируют фашистские солдаты,
Стараясь не уйти за объектив.

Рука фотолюбителя-убийцы
Не дрогнула, запечатлев момент,
И фотография легла в бумажник фрица,
И снимок превратился в документ.

Возьми его и рассмотри поближе!
Он снят бездушным и тупым врагом,
Снимавшим так в Варшаве и в Париже
И в Таганроге нашем дорогом.

Для освещения поджигая хаты,
Задерживая казнь на пять минут,
Своим немецким фотоаппаратом
Он с разных точек щелкал там и тут.

Когда-нибудь в музее преступлений,
В отделе гитлеризма, под стеклом,

Экскурсовод, не в силах скрыть волнения,
Покажет нам объемистый альбом.

И мы увидим на одной странице,
Поблекшую от времени слегка,
Ту фотографию, что мы нашли у фрица —
Фельдфебеля германского полка.

1942

ПУСТЬ НЕ ДРОГНЕТ ТВОЯ РУКА!

Рвется гитлеровец на Дон,
Хочет он опрокинуть нас,
Хочет выйти на Волгу он
И на солнечный наш Кавказ.

Ты коли его наповал,
Ты гранатой его взрываай,
Ты минируй под ним подвал,
Как увидишь его — стреляй.

И в землянках, и в блиндажах
У дверей его смертью стань,
Ты топи его на морях,
Ты бомби его и тарань.

Чтоб ему над тобой не быть,
Ты ему беспощадно мсти,
Все, чем можно его убить,
Ты в оружие обрати!

Если нет у тебя клинка,
Значит, есть у тебя топор.
Пусть не дрогнет твоя рука,
Совершая над ним приговор.

Если был в руках молоток,
Ты ударь его молотком,
Если был под рукой кипятилок,
Обвари его кипятком.

Если нет у тебя ничего,
Что на ворога можно поднять,
Ты руками схвати его,
Чтобы насмерть его обнять.

Не жалей его, не жалей,
Он сестер твоих не жалел,
Он стрелял и в моих детей,
И в твоих, и в кого хотел.

Не щади его, не щади —
Он твоих друзей не щадил,
Он им звезды жег на груди
И на виселицы водил.

Если дашь ты ему в свой дом
Хоть одною вступить ногой —
Он хозяином будет в нем,
Ты же будешь его слугой.

Еслипустишь его в свой край —
Снимет все с твоего плеча,
Заберет себе твой урожай
И сожрет его, как саранча.

Истребляй же его в бою,
В небе, на море, на земле,
В партизанском своем краю,
В оккупированном селе.

Враг хитер — будь еще хитрей,
Ты научен уже войной.
Враг силен, только ты сильнее —
Ты стоишь на земле родной!

МЫ СТАЛИ КРЕПЧЕ

Мы стали крепче и взрослей,
К самим себе честней и строже
И на обстрелянных людей
Не только выправкой похожи

Мы научились понимать
События не так, как прежде.
Мы видели седую мать,
Суровую в своей надежде.

Мы брали на руки сирот
В сожженном немцами селенье,
И слово русское «вперед»
Нас поднимало в наступленье.

За год войны мы стали злей,
Верней к друзьям, нежнее к женам,
На много верст, на много дней
От нас войною отдаленным.

Быть может, потому сейчас
Сердцами ненависть владеет,
Немеет враг при виде нас,
При встречах с нами холодеет.

1942

СЫН КОМСОМОЛА

Он — пулеметчик на переднем крае,
Он уголь рубит и броню кует,
Он падает, в сраженье умирая,
В последний раз еще шагнув вперед.

Он раненых выносит с поля боя,
Сам раненный, он много жизней спас.
Он роту увлекает за собою
И выполняет доблестно приказ.

Пылающим, подбитым самолетом
Он вражеский таранит эшелон,
Идя на штурм, огонь чужого дзота
Своею грудью заглушает он.

Он с гордой, непокрытой головою
На виселицу страшную идет
И на глазах фашистского конвоя
Уже в петле в лицо врагу плюет.

Он — белорус, лесной народный мститель;
Сапер — казах; артиллерист — узбек;
Он — украинец, летчик-истребитель,
Водитель танка — русский человек.

1942

МОЙ ЗНАКОМЫЙ

На посту своем привычном —
Он служил в Аэрофлоте,
Был пилотом на обычном
Пассажирском самолете.

Молчалив и в деле точен,
Вылетал он аккуратно
В свой обычный рейс на Сочи
И потом в Москву обратно.

В темноте беззвездной ночи
Над землей гудят моторы.
Курс на запад держит летчик,
Светят штурману приборы.

Летчик с курса не собьется —
Курс проложен, как по нитке.
Сквозь туманы он пробьется,
Увернется от зенитки.

Вот на цель зашла машина,
Отбомбилась аккуратно,
Развернулась над Берлином
И в Москву летит обратно.

А внизу горят ангары,
Немцы прячутся в подвалах...
Видит штурман, что пожаров
Семь больших и восемь малых.

А внизу завод пылает
И пожарные хлопчут,
Гитлер Гимmlера ругает,
Слушать Геббельса не хочет.

В типографиях немецких
Утром в брак сдают газету
Со статьею, что советских
Самолетов больше нету.

Как зовут? Какого званья
Этот летчик, ночь не спавший,
По особому заданью
В тыл противника летавший?

Это он летал на Сочи
На гражданском самолете,
Это он — гражданский летчик,
Что служил в Аэрофлоте.

Но теперь другие грузы
По ночам с аэродрома
Он берет, Герой Союза,
Молчаливый мой знакомый.

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

Н. Кружкову

Есть у меня хорошие друзья,
Военной дружбой с ними связан я.
Мы вместе испытали дождь и зной,
Накрытые палаткою одной.

Как много было солнечных лучей,
Прострелянных снарядами ночей,
Как много минометного огня
В течение ночи и в течение дня.

Как мы лежали возле переправ
Под бомбовозами, к родной земле припав,
Как мы проскакивали на грузовиках
Под артогнем, от смерти в двух шагах.

Встречались мы на марше и в бою,
У тлеющей станицы на краю,
Встречались на минуту и на час
И, может, иногда в последний раз.

В землянке перед боем ночевал
Я у тебя, товарищ генерал,
И у тебя, приятель, был в гостях,
В твоих прославленных на всю страну частях.

Я видел в обстановке боевой
Тебя, мой друг, газетчик фронтовой,
Тебя, полковник, и тебя, майор,
Донбассовский воинственный шахтер.

Сейчас весна, последний тает снег,
И селезни кричат в разливах рек.
Ведут ожесточенные бои
Товарищи, приятели мои
На Южном фронте.

Товарищи мои! Я вижу вас,
От немца очищающих Донбасс,
Я слышу вас в гуденье «ястребков»
Гвардейских истребительных полков
И в шелесте захваченных знамен
Чужих разбитых танковых колонн.

И на каком бы фронте ни был я,
Со мною рядом вы, мои друзья,
На Южном фронте!

1942

НЕ БЫТЬ РОССИИ ПОКОРЕННОЙ!

Товарищ, сядь со мною рядом,
Давай закурим по одной!
Я знаю, что под Сталинградом
Твоя семья, твой дом родной.
Ты помнишь, как сынишка сонный
Пришел тебя поцеловать,
Как на путях у эшелона
Стояла плачущая мать.
Родная, добрая, седая,
Осталась так стоять она.
И рядом с нею, молодая,
Твоя любовь — твоя жена...
Теперь ты пишешь ей на Волгу
И ждешь ответных писем сам.
Ждешь терпеливо, ждешь подолгу,
С врагом воюя по лесам,
В глухом краю, в краю болотном,
Переживая день за днем
Под пулеметным, минометным
И ураганным артогнем.
Ты здесь на фронте больше года
И ко всему привык уже.
И ты в ненастную погоду
Лежишь на дальнем рубеже.
Накрывшись теплой плащ-палаткой,
С соседом шутишь в час ночной:
— Ну, что же делать, раз несладко?..
Давай закурим по одной!
Товарищ! Помнишь, после боя
Вот так же лежа на земле,
Я разговаривал с тобою
В сожженном немцами селе.
И я запомнил слово в слово,

Как ты сказал в тот горький час,
Что в эти дни пути иного,
Чем путь солдата, — нет у нас!
Наш каждый шаг, политый кровью,
Пускай моей, пускай твоей,
Благословен святой любовью,
Слезами русских матерей...
Нас жег с тобой огонь пожарищ,
Дым пепелищ слепил глаза,
Но не от дыма мне, товарищ,
Зрачок туманила слеза.
И нам с тобой забыть едва ли,
Как на асфальте площадей
Мы жертвы с виселиц снимали
И в детских лицах узнавали
Черты своих родных детей.
Вот почему мы твердо знаем,
За что деремся на фронтах,
За что ночей недосыпаем
В сырых, холодных блиндажах.
Шагами меряем болота,
Седем, мерзнем, устаем
И неприступные высоты
Своими жизнями берем.
Забудь сегодня слово «жалость»
И ненависть зажги в груди.
Враги сильны. И их осталось
Еще немало впереди.
Так бей врага без сожаленья,
Не пощади и не прости,
К несовершенным преступлениям
Орду убийц не допусти!
За год войны ожесточенной
Ты научился воевать.
Не быть России покоренной
И Гитлеру в России
не бывать!

РАЗВЕДЧИК

*Посвящается старшему
сержанту Петру Воробьеву.*

Сапоги в болотной тине,
Руки выпачканы в глине,
И концом сосновой ветки
Поцарапана щека.
Он приходит из разведки
И приводит «языка».
Неслышной летучей мыши
(Даже, может быть, потише),
Ночью, выйдя на охоту,
Он с бойцами в темноте
Между кочек, по болоту
Полз ужом на животе,
Легких троп не выбирая,
Шаг за шагом, не спеша,
Там, где нужно, — замирая,
Там, где нужно, — не дыша.
По сырой траве часами
Продвигался, не куря,
Только шепотом с бойцами
Только дело говоря.
Прямо к фрицам в тыл глубокий
Через заросли осоки,
Сквозь бурьян и бурелом
Он прошел с друзьями вместе,
Чтоб фашиста взять на месте
И доставить в штаб живьем.
Все, что он в пути увидит
И на что в пути не выйдет:
На обоз ли, на блиндаж,
На фашистский взвод пехотный,

На расчет ли минометный, —
Все возьмет на карандаш.
Вот он выполнил задание,
Не успел передохнуть,
И опять часы вниманья —
Он идет в обратный путь.
Неслышной летучей мышью
(Даже, может быть, потише),
Шаг за шагом, не спеша,
Легких троп не выбирая,
Там, где нужно, — замирая,
Там, где нужно, — не дыша.

1942

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

*Посвящается
бессмертному подвигу
шестнадцати гвардейцев
под Сталинградом*

Он был еще жив,
Но губы уже почернели.
Он был еще жив
На бурой от крови шинели.
И танки он видел,
И мертвых товарищей рядом,
И облако дыма,
Стоящее над Сталинградом.
Он ранен смертельно,
Уже не спасти Кочеткова.
Склонись над гвардейцем,
Услышишь последнее слово:
«Нас было шестнадцать,
Потом только пять, только трое,
Но в каждом оставшемся —
Сердце и воля героя».
Чадя и пылая,
Фашистские танки горели.
Три русских солдата
В бою отступить не хотели.
Фашистский танкист
Не знал еще в жизни такого,
Сквозь щель смотровую
Увидев гвардейца Чиркова.
Он шел из окопа,
Расправив гвардейские плечи,
Гранаты за поясом —
Черному танку навстречу.

Он смертью себя опоясал,
Гранат не жалея,
Он лег под машину,
Но он не упал перед нею!
«Нас было шестнадцать...»
Погасло последнее слово.
И замерли губы
На бледном лице Кочеткова.
И умер шестнадцатый...
Знаменем тело прикроем.
Бессмертная слава
Шестнадцати русским героям!

1942

ТРИ ОРДЕНА

*К учреждению орденов Суворова,
Кутузова и Александра Невского*

Пусть первый орден носит тот,
Кто, как Суворов, в наступленье
Своих солдат ведет вперед,
В бою не зная пораженья.

Второй пусть орден носит тот,
Кто по-кутузовски в сраженье
Свой ясный ум и свой расчет
Вложил в железное решенье.

Пусть третий орден носит тот,
Кто славы Невского достоин,
Кто любит Русь и свой народ
Как полководец и как воин.

1942

ОТКУДА ТЫ?

— Вторую зиму мы воюем вместе.
Твои дела почетны и просты.
И меткий глаз твой всей стране известен.
Скажи, боец, откуда родом ты?

— Отец и дед охотниками были,
Вот почему и меткость есть в глазах.
Отец и дед пушного зверя били,
Я бью врага. Я снайпер. Я казах.

— Тебя я знаю по ночному бою,
И мне твои запомнились черты.
В атаке ты не дорожил собою.
Скажи, боец, откуда родом ты?

— Я в том бою оружием и честью
Лишь дорожил, как вольный человек.
Я сын садов ташкентского предместья.
Я хлопкороб. Я воин. Я узбек.

— А ты, орел, я знаю, что немало
Обрушил ты на немцев с высоты
Горячего разящего металла.
Скажи, герой, откуда родом ты?

— Таких, как я, в полку героев много,
И награжден страной не я один.
Военная Грузинская дорога
Ведет в мой дом, в Тбилиси. Я грузин.

— От верных залпов твоего расчета
Враги под землю лезли, как кроты.
Но не спасали их накаты дзотов.
Скажи, сержант, откуда родом ты?

— Я мщу врагам за дочку и за сына,
Расстрелянных у мирного плетня.
Я украинец. Ридна батькившина
К орудию поставила меня.

— Ты воевал в лесах и на болотах,
Дороги строил, возводил мосты.
Тебе спасибо говорит пехота.
Скажи, сапер, откуда родом ты?

— Откуда я? Да, видно, издалече,
Из тех краев, где воевал Ермак.
Давай закурим, что ли, ради встречи,
По-плотницки. Я плотник, сибиряк.

— А ты, отец, хранишь, я знаю, дома
От прошлых войн солдатские кресты.
С какой реки, с Кубани или с Дона,
Скажи, солдат, откуда родом ты?

— Не угадал. Не с Дона, не с Кубани,
С Москвы-реки на фронт явился я.
Мы от земли — можайские крестьяне,
Там, стало быть, и родина моя.

Войди в блиндаж, пройди по батареям —
Везде они, бойцы моей страны.
Мы вместе спим и вместе воду греем
И друг для друга жизни не жалеем —
В одну семью Отчиной сплочены.

АТАКА

30 немецких бомбардировщиков Ю-88 в сопровождении 15 истребителей шли на бомбежку боевых порядков наших войск. На перехват вражеской авиации вылетела группа наших самолетов в составе четырех штурмовиков, ведомых летчиком Савченко, и четырех истребителей, ведомых летчиком Чеботаревым. Несмотря на численное превосходство врага, восемь красnozвездных машин врезались в строй немецких самолетов и, сбив шесть, обратили гитлеровцев в бегство. В тяжелом бою против 45 немецких самолетов советские летчики вышли победителями.

Из фронтовой печати

Решенье принято и нет пути назад!
В обратный путь никто не развернется
И не уйдет, пока глядят глаза,
Пока в груди живое сердце бьется!

Да разве можно боя не принять,
Когда ты знаешь, что твоя пехота
Не сможет встать и головы поднять
Под взрывом бомб, под строчкой пулемета?

Решенье принято, и тут же принят бой.
Как описать стремительность атаки,
Когда машин немецких дрогнул строй
И веер пуль прошел паучьи знаки?!

Есть нечто высшее, чем мужество бойца,
Идущего в опасное сраженье, —
То ненависть, что нам зажгла сердца,
Бесстрашие помножив на уменье!

Когда от ярости захватывает дух
И ненависть к врагу душой владеет,
Один в бою всегда уложит двух,
А иногда и больше одолеет!

1942

ТЫ ПОБЕДИШЬ!

Когда тебе станет тяжело
В упорном и долгом бою,
Возьми себя в руки, товарищ,
И вспомни свою семью.

Отца своего седого
И мать, если мать жива,
Ты вспомни ее простые
Напутственные слова.

Она твои письма прячет
И, пусть со слезами, пусть,
Тобою гордясь, соседям
Читает их наизусть.

Ты вспомни еще, товарищ,
Жену, если есть жена,
Как ждет она, не дожидаясь,
Как любит тебя она.

Как в доме твоём семейном
Заметна ее рука,
Как люди ее называют
Женою фронтовика.

Ты вспомни, товарищ, сына
И дочь, если дети есть,
Портрет твой в военной форме —
Их гордость, их детская честь.

Они тебе пишут письма
И видят тебя во сне,
Они говорят сегодня:
— У нас отец на войне!

Но если, товарищ, ты холост
И нет у тебя семьи
И умерли самые близкие
Родственники твои,

То есть у тебя, я знаю
(Не могут не быть у бойца!),
Преданные товарищи,
Испытанные сердца.

Может, сидевшие в школе
С тобой на одной скамье,
Может быть, росшие вместе
С тобою в одной семье, —

Те, которым ты дорог,
Которые рады знать,
Что жив ты и что воюешь,
Не думая умирать.

Ты вспомни о них, товарищ,
В тяжелый и трудный час,
Когда ты на поле боя
Как будто в последний раз.

Они в твои силы верят,
И в храбрость твою, и в честь,
И в то, что ты твердо знаешь
Горячее слово «мечь»!

И если ты это вспомнишь,
То силы к тебе придут,
И глаз твой станет вернее,
И штык твой станет острее
За несколько этих минут.

И немец, бравший Варшаву,
Входивший маршем в Париж,
Погибнет в лесах Валдая,
А ты в боях победишь!

ЛЫЖНИК

Первый снег лежит на елях,
На машинах грузовых,
На ушанках и шинелях
Ночь не спавших часовых.

Снег на крышах, на оградах,
Снег на пушках, на снарядах,
На расщепленной сосне...
Все бело! И только рыжи
Две скользящих рядом лыжи
По спящей целине.

Пехотинец встал на лыжи,
И шагать ему легко, —
Будто сразу стало ближе
Все, что было далеко.

Будто крылья за плечами!
И дороги ни к чему, —
Все леса и рощи сами
Подвигаются к нему.

Он спускается в овраги
Белоснежной целиной,
Лыжный след, как на бумаге,
Оставляет за спиной...

Хочешь быть к победе ближе, —
Не страшны тебе снега.
Становись, боец, на лыжи,
Будет легче бить врага!

1942

НОЧНОЙ ПОИСК

Потерявший очертанья
Лес как будто неживой.
Звезд холодное мерцанье
У бойцов над головой.

Ночь. Далекие зарницы.
Тихо. Холодно. Темно.
Кашлять только в рукавицу,
А курить — запрещено.

Следом в след, за лыжей лыжа —
Верный шаг, бесшумный шаг.
С каждым шагом к цели ближе.
Стой, разведка! Вот он, враг!

Вход в блиндаж. Дымок струится.
Пахнет кислым и чужим.
«Хенде хох! Сдавайтесь, фрицы!» —
По-немецки говорим.

Взмах руки и гром гранаты,
Комья глины с потолка,
Стон немецкого солдата,
Сталь советского штыка.

И опять за лыжей лыжа,
Следом в след, за шагом шаг.
С каждым шагом к дому ближе —
Вот поляна, вот овраг,

Берег озера знакомый,
Вот землянка — штаб полка,
Вот, ребята, мы и дома!
Развяжите «языка».

1942

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Крест-накрест синие полосы
На окнах съезжившихся хат.
Родные тонкие березки
Тревожно смотрят на закат.

И пес на теплом пепелище,
До глаз испачканный в золе.
Он целый день кого-то ищет
И не находит на селе...

Накинув старый зипунишко,
По огородам, без дорог,
Спешит, торопится парнишка
По солнцу — прямо на восток.

Никто в далекую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел.

В нетопленной, разбитой бане
Ночь скоротавший, как зверек,
Как долго он своим дыханьем
Озябших рук согреть не мог!

Все видевший, на все готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.

Он знал, что где-то недалече,
Быть может, вон за той горой,
Его, как друга, в темный вечер
Окликнет русский часовой.

И по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза:
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза
За эти месяцы страдания,
Которые равны годам...

Но ты, фашистская Германия,
За все сполна ответишь нам!

Детоубийцы и грабители,
Вам ничего не скрыть вовек!
Он будет первым обвинителем —
Десятилетний человек!

1942

ПАРТИЗАН ЧЕРНОМОРЬЯ

Ты помнишь, товарищ, сады Черноморья,
Местечко у моря – Судак,
Веселый военный родной санаторий
Под крымской горой Карадаг?

На солнечном юге с тобою мы жили
И слушали ночью прибой,
И мы с рыбаками в заливе дружили
И в море ходили с тобой.

Разрушен снарядами наш санаторий,
Разбито местечко Судак.
У теплого, синего Черного моря
Убит наш приятель рыбак.

На ржавых камнях у лачуги рыбацкой
Снастями связали его.
Пытал его немец, военный и штатский, —
Рыбак не сказал ничего.

Могучие руки раскинув, как крылья,
Он мертвый упал на песок,
И теплые волны любовно обмыли
Простреленный пулей висок.

Он крымскую землю фашистам не предал,
Полив ее кровью из ран.
Он тайны своей никому не поведал,
Советский рыбак-партизан.

Мой верный товарищ! Я знаю, что скоро
Мы все за него отомстим.
На танках своих мы поднимемся в горы
И спустимся в солнечный Крым.

К зеленым душистым садам Черноморья,
В родное местечко Судак,
Где, немцем разрушенный, наш санаторий
Стоит под горой Карадаг.

Мы спустимся к морю тропинкой знакомой
Туда, где рокочет прибой.
На старых камнях у рыбацкого дома
Мы сядем, товарищ, с тобой.

И вспомним на кольшках мокрые сети
И песню, что так он любил,
И место узнаем, где он на рассвете
Расстрелян фашистами был.

А время придет, мы последние мины
На берег достанем из вод.
Опять заиграют на солнце дельфины,
Встречая в пути теплоход.

И мы назовем «Партизан Черноморья»
У скал, где расстрелян рыбак,
Наш новый военный большой санаторий
Под крымской горой Карадаг.

1942

ЗАПОМНИ!

Посмотри хорошенько на этот портрет
Русской девочки двух с половиною лет.

«Быстрый Берег» — лесная деревня звалась,
Та деревня, где жизнь у нее началась,
Где ее молодая крестьянская мать
Научила ходить и слова понимать.
Где ее Валентиной с рожденья назвали,
Где росла она, славная девочка Валя.

Посмотри хорошенько на этот портрет
Русской девочки двух с половиною лет.

Шоколадом маня, подзывая к себе,
Немец бил ее плетью, ночуя в избе,
Поднимал над землею за прядку волос,
Вырвал куклу из рук и с собою унес.

Это немцы ее «партизанкой» назвали,
Это немцы отца у нее расстреляли.

Разве сердце не скажет тебе: «Отомсти?»
Разве совесть не скажет тебе: «Не прости!»
Слышишь, матери просят: «Она не одна!
Отомсти за таких же других, как она!»

Посмотри и запомни, товарищ, портрет
Этой девочки двух с половиною лет.

1942

ТВОЙ РЕБЕНОК

Ты все ждал его. Ждал и дождался.
Сам ты имя ему выбирал.
Долго на руки взять не решался.
Волновался и все-таки брал.
Твой ребенок. Твой сын. Твой мальчишка.
Сколько радости, сколько тревог...
Ты принес ему первую книжку,
Сделать первых три шага помог.
Он болел. Он метался в постели,
Мучил мальчика сон бредовой,
И бессонные ночи летели
Над отцовской твоей головой...
Нам на память и жены, и дети
Фотографии дарят свои.
Мы храним фотографии эти,
А когда затихают бои,
В дни затишья, в часы передышки,
Когда чай откипит в котелках,
Наши дети — девчонки, мальчишки —
Оживают в солдатских руках.
И боец, наклонившись к соседу,
Показав на любимый портрет,
Говорит: — Отвоюем, приеду.
Он узнает меня или нет?
— Почему не узнает? Узнает! —
Улыбается другу сосед
И, планшет отстегнув, вынимает
Фотографию дочки в ответ.
— Как, похожа? — Конечно, похожа.
Прямо копия. Что за вопрос!
И лицо ее смуглое — то же,
И отцовский веснушчатый нос.

Мы храним за слюдою планшетов
Сотни писем от наших детей,
Сотни ласковых детских приветов
И домашних простых новостей.
И когда мы идем в наступленье
Под разрывами мин и гранат,
Мы не знаем к врагу сожаленья —
Мы деремся за наших ребят!

1942

СЛУШАЯ СКРИПКУ...

«Пока спокойно небо голубое,
Пока накрыто ветками крыло,
Сыграй мне, Ваня, что-нибудь такое,
Чтоб за сердце, чтоб за душу взяло!»

Упрашивать не надо музыканта.
Смычок нашел певучую струну,
И скрипка верная, любимица сержанта,
Запела про любовь и про весну.

То как поток бурлящий водопада,
То как ручей невидимый журча,
Звучит мелодия. И с нежной скрипкой рядом
В содружестве — винтовка скрипача.

И слушатель готов в одно мгновенье
Прервать концерт, чтоб ринуться в полет...
Вот в этом — нашей жизни утвержденье,
И дух страны, и русский наш народ!

1942

ГИТЛЕРОВСКИЙ МОЛОДЧИК

В школьный класс приводят Фрица,
Начинает Фриц учиться.
«Существует шар земной
Для Германии одной!»

«Бомбы делаются разные:
Есть простые, есть заразные!»
«Гейне не было и нет.
Геббельс — лучший наш поэт!»

Получив образование,
Поступает тот юнец
В гитлеровский фонд Германии
Как законченный подлец.

Он готов с разбойным свистом
На убийства и грабеж.
Опираются фашисты
На такую молодежь.

1942

ПОД МОСКВОЙ

У Фрица — папа офицер,
Он воевал в СССР,
Он в наших селах избы жег
И все, что взять с собой не мог.
Он вешал на столбах людей,
Он грабил взрослых и детей
И тех, кто гол, и тех, кто бос,
Гнал без пощады на мороз.

Он шел к Москве, бандит и вор,
Фашист, убийца, мародер.

У Вани — папа под Москвой,
Красноармеец рядовой.
Он был колхозным кузнецом,
Пришла война — он стал бойцом.
Он взял винтовку-автомат,
Противогаз и пять гранат,
Пошел на фронт врага встречать,
Москву родную защищать.

Мою Москву, твою Москву,
Где ты живешь, где я живу!

В наш русский подмосковный лес
Фашистский батальон залез.
Крепчал, трещал, скрипел мороз
И разбирали врагов до слез.
Чихая, кашляя, ворча,
Ползла по лесу саранча.
А Фрицин папа впереди
Брел с дамской муфтой на груди.

Он был бы рад уткнуться в снег
И в том снегу заснуть навек.

Но взять Москву — гласил приказ,
Назначил Гитлер день и час
И точный список площадей,
Где вешать наших москвичей.
Но вшивый и голодный сброд
Не мог продвинуться вперед!

Стоял у городских ворот
Советский боевой народ!

И Фрицин папа сдался в плен,
Не увидав кремлевских стен.
Была Москва недалеко,
Но взять Москву не так легко,
Когда стоят и мой, и твой,
И Ванин папа под Москвой!

1942

ПИСЬМО ИЗ НЕВОЛИ

...У немца в работницах полька жила.
Иссохла в неволе. Слегла. Умерла.
Сломил ее каторжный труд...

Гораздо выносливей русский народ.
И за руку немец Марусю берет,
Сказав коменданту: «Зер гут».

Так вот для чего отобрали врачи
Четырнадцать из тридцати!

Никто не услышит — кричи не кричи,
Никто не придет, чтоб спасти.
Беги не беги — никуда не сбежать,
Собаками будут травить.
Здесь некому русское слово сказать,
Чтоб тяжкое горе излить.

*

От зорьки до зорьки, с темна до темна
Маруся работать должна.
Повсюду она и повсюду одна,
А ночью, когда не нужна,
Приляжет Маруся, прикроет глаза,
И вот он — дотронься рукой —

Родительский дом, и склонилась лоза,
Качаясь над тихой рекой...

И слышит Маруся, как лошадь куют,
Как стадо мычит за селом...
И слезы от самого сердца встают,
Становятся в горле колом.

Над городом Кельном, ловя самолет,
Сошлись и скрестились лучи.
Для фронта немецкий военный завод
Работает в темной ночи.

Хозяева спят. А Маруся не спит,
Садится она за письмо.
И ржавое перышко тихо скрипит
И пишет, и пишет само:

«Из города Кельна на Рейне-реке
Пишу я в Россию письмо.
Здесь русские люди на левой руке
Позорное носят клеймо.

Родные мои! Дорогие мои!
О, если бы только могла —
От немца зимой бы босая ушла
И хлеба куска не взяла.
Он горек, он проклят, не лезет он в рот
С немецким названием «брот».
Родные мои! Дорогие мои!
О, если бы только могла,
Я город бы этот на Рейне сожгла,
Чтоб все в нем сгорело дотла!

Я слышу воздушной тревоги сигнал.
В окне ослепительный свет —
Уже освещен за кварталом квартал
Огнями советских ракет.
Я смерти своей не боюсь. Не спешу.
Я это письмо допишу...

Я слышу сначала пронзительный свист,
Потом оглушительный гром.
Мне хочется крикнуть: «Сюда! Здесь — фашист!
Разбейте скорей этот дом!»
Мне голову лучше в обломках сложить,
Чем немцу служить и в невольницах жить!..»

*

*

Ни марки, ни штемпеля нету на нем,—
Письмо от Маруси дошло.
Оно потемнело, как будто огнем
Бумажный листок обожгло.

Быть может, его полицейские жгли,
Но ветром его унесло,
Быть может, его в облаках пронесли,
Укрыв под стальное крыло...

1942

РОДНОЕ СЕЛО

Когда я принимал присягу,
То клялся я родной стране
Не отступать в бою ни шагу,
Как трудно ни было бы мне.

И я прошел сквозь испытанья,
И в том поклясться вновь могу.
Отряд наш с боевым заданьем
Был брошен с неба в тыл врагу.

Незабываема минута —
Тогда, в тревожный час ночной,
Раскрылся купол парашюта
И закачался надо мной.

А впереди земля родная,
Зовущая к себе скорей,
И враг, заснувший в ночь, не зная,
Что смерть дежурит у дверей.

Не чуял зверь, что где-то рядом
В тылу частей передовых
Бойцы десантного отряда
Уже снимают часовых.

И, руки-щупальца раскинув,
Глотая воздух жадным ртом,
В размытую дождями глину
Солдаты падают ничком.

Так, часовых с постов снимая,
Мы продвигались не спеша.
Я шел, как все, в руках сжимая
Готовый к бою ППШ.

И в это самое мгновенье
Ожило все, что за спиной,
Я вспомнил детство и селенье
И в том селенье дом родной.

И шест с зеленою скворешней —
Приют пернатого певца,
И две цветущие черешни
Почти у самого крыльца...

Едва вошли одновременно
Мы в то село со всех сторон,
Как занял все дома мгновенно
Десантный славный батальон.

Был бой. И, прыгая с перины,
От ужаса смертельно сер,
Во тьме своим солдатам в спину
Стрелял фашистский офицер.

И я клянусь, что не дрожала
В час мщенья моя рука,
Что этой ночью сталь кинжала,
Как никогда, была крепка!

А на рассвете после боя
За пустырями у пруда
Увидел я перед собою
То, что запомнил навсегда:

И шест с простреленной скворешней
Неприлетевшего скворца,
И две цветущие черешни
У обгоревшего крыльца.

И вспомнил я свою присягу,
Навеки данную стране:
Не отступать в бою ни шагу,
Как трудно ни было бы мне.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

Она звалась «Брусникой», но не зрела.
На солнечной опушке не росла,
Ни запаха, ни вкуса не имела
И никогда съедобной не была.
Она была размещена в подвале,
К ней по кустам тянулись провода,
Ее через «Ракету» вызывали,
И занята она была всегда.

Но летчик-штурмовик Шатров Василий
Не удивлялся в жизни ничему,
Он попросил – его соединили.
– «Брусника» слушает! – ответили ему.
– Кто говорит? – Орлов у аппарата...
– Докладывает капитан Шатров.
– Как жив, Шатров? – Заштопан и залатан.
Из госпиталя выписан. Здоров.

Старт замело, опять мороз крепчает.
Лицо стартера на ветру горит...
И в сотый раз «Ракета» отвечает:
– «Брусника» занята... «Брусника» говорит...

Как хорошо через окно палаты
Увидеть первый снег голубоватый,
И лыжный след, и первый санный путь,
И вылезти из серого халата,
И туфли снять, и сапоги обуть,
Шинель надеть, ремень стянуть потуже,
Проститься с медицинской сестрой,
Сойти с крыльца навстречу зимней стуже
И чувствовать, что жив, и так же нужен,
И ждут друзья, и завтра встанешь в строй.

Три месяца своей не видел части,
Обратно в часть, в свой полк, к своим ИЛ-2
Шел штурмовик. У летчика от счастья,
А может быть, от воздуха отчасти
Кружилась на морозе голова.

Над снежным лесом бредущим полетом
Прошли на запад три штурмовика...
Шатров подумал: «Значит, есть работа.
Штурмовики — из нашего полка».

Когда шагает человек военный
И далека последняя верста,
Доходит человек обыкновенно
До первого контрольного поста.
Там происходит разговор минутный,
Там установят, кто идет, куда.
Там на машине грузовой попутной
Найдется место в кузове всегда.

В добротных валенках, в дубленом полушубке
Стоит боец, винтовка на ремне.
Он до войны ходил в туфлях и в юбке,
Но девушки сегодня на войне.
И если ты военную дорогой
По всем фронтам проедешь и пройдешь,
Ты их увидишь — их повсюду много.
Сидеть в тылу не хочет молодежь.
Протер водитель стекла рукавицей
И опустил легонько тормоза.
Расстались двое... И, как говорится,
Один запомнил летные петлицы,
Другой запомнил карие глаза.

*

Кто был на фронте, на суровой службе,
Кто видел смерть, но выполнял приказ,
Тот знает цену настоящей дружбе —
Она была испытана не раз.

Ты знаешь, что тебе перед полетом
Друзья твои готовят самолет,
Что в воздухе твой друг за пулеметом

И он тебя в бою не подведет.
И что при взлете бомба не сорвется —
Ты в дружбе с оружейником своим,
Что над землей мотор не захлебнется —
Твой друг механик повозился с ним.

Сидит Шатров в родной столовой летной.
Он, как в семье, в кругу своих друзей,
Стоит над ними сладкий дух компотный
И ароматный запах свежих щей.
А повар всех на кухне распекает:
— Людьми такими нужно дорожить! —
А может быть, он щей еще жаляет?
Еще котлету нужно положить?
Спешит к столу официантка Тося,
В руках — поднос, на нем — двойной обед.
Сидит Шатров, и все, что он попросит,
Ему несут — ни в чем отказа нет.

В комбинезоны теплые одеты,
Привычные к военному труду,
Шли летчики. Им летные планшеты
Колени задевали на ходу.
Им было в небе холодно и жарко,
Им хочется поесть, попить, поспать.
Их обогнала в поле «санитарка» —
Их было шесть, домой вернулись пять.

Мы с каждым днем становимся суровой,
Война сегодня наше ремесло.
Мы до последней капли нашей крови
Деремся зло и побеждаем зло.
Но все-таки стоять над изголовьем
У раненого друга тяжело.
И сила мести в воздух тянет снова,
И на гашетку просится рука...

Все эти мысли были у Шатрова,
Когда в машине провезли шестого —
Израненного пулями стрелка...

*

*

Два экипажа в шахматы играют:
Идет ладья, и кони рвутся в бой,
Ферзь для удара время выжидает,
И слон готов пожертвовать собой.
Стянув унты и скинув снаряжение,
Еще разок подкинув в печку дров,
Сидят стратеги жаркого сраженья —
Папенко, Дыбин, Зотов и Шатров.

И, разгадав противника уловку,
Идет Шатров, и слышится в ответ:
— Сюда бы ИЛ: пошел бы на штурмовку!
Да только жаль, такой фигуры нет!

А в тихом штабе, в маленькой землянке,
С карандашом, склонившись над столом,
Майор Орлов на карте метит танки,
Замеченные утром на стоянке
В тылу врага, за выжженным селом.

Здесь засекли до тридцати орудий,
Сюда пришел с горючим эшелон.
Вот в эту клетку завтра утром будет
Удар штурмовиками нанесен.

Старт замело, опять мороз крепчает,
Сигнальный огонек в ночи горит.
И в сотый раз «Ракета» отвечает:
— «Брусника» занята... «Брусника» говорит...

1942

ФРОНТОВИК ДОМОЙ ПРИЕХАЛ

Фронтвик домой приехал.
С фронта. В отпуск. На семь дней.
Больше года он не видел
Ни жены и ни детей.

Фронтвик домой приехал.
Снял шинель и сапоги,
Потемневшую портянку
Снял с натоптанной ноги.
Лег в кровать под одеяло
В доме теплом и родном
И уснул коротким, чутким,
Фронтвым тревожным сном.

И ему приснилось ночью,
Что на поле боя он,
Что опять во фланг фашистам
Вышел третий батальон
И опять его товарищ —
Неразлучный автомат —
Бьет по выцветшим шинелям
Наступающих солдат.

Человеку бой приснился,
И проснулся он в поту.
Ничего не понимая,
Он взгляделся в темноту.
И, увидев очертанья
Шкафа, стула и стола,
Вспомнил дальнюю дорогу,
Что до дома довела;
Вспомнил встречи фронтвые,
Боевых своих друзей,

Молодых артиллеристов
С дальнбойных батарей;
Вспомнил песню про Каховку,
Вспомнил ночи у Днепра...
И с открытыми глазами
Проваялся до утра...

Фронтовик домой приехал...

1942

МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

По большаку, правее полустанка,
Идти пять верст — деревня Хуторянка.
Спервоначалу были хутора,
Да разрослись. И стали год за годом
Дружнее жить, богаче быть народом —
Деревней стали. Сорок два двора.

Вокруг луга — есть чем кормить скотину.
Густы леса — орешник да малина.
Всего хватает: и грибов, и дров.
Сойдешь под горку, тут тебе речушка,
А там, глядишь, другая деревушка,
Но в той уже поменее дворов...

Живет народ, других не обижая,
От урожая и до урожая,
От снега до засушливой поры.
И у соседей хлебушка не просит.
И в пору сеет. В пору сено косит.
И в пору чинит старые дворы.

И землю под озимые боронит,
Гуляет свадьбы, стариков хоронит,
И песни молодежные поет,
Читает вслух газетные страницы...
За тридевять земель Москва-столица,
И дальний поезд до нее везет...

В родной деревне, третья хата с краю,
Другой судьбы себе не выбирая,
Полвека честной жизни прожила

Хохлова Груша. В тихой Хуторянке
Прошла в труде крестьянском жизнь крестьянки,
И не заметишь, как она прошла.

Здесь в девках бегала, здесь в хороводах пела,
Здесь на гулянках парня присмотрела,
Вошла к нему хозяйкой в бедный дом.
Здесь называлась Грушею-солдаткой,
Здесь тосковала, плакала украдкой,
Здесь вынянчила четверых с трудом.

Четыре сына у солдатки Груши было,
Она их одинаково любила —
Не выделяла сердцем никого.
В одном селе росли ребята вместе,
Она учила их уму и чести
Всей силою умения своего.

Она порой сама недоедала,
Чтоб только детям досыта хватало,
Чтоб сытыми вставали от стола,
Она с утра к соседям уходила,
Белье стирала и полы скоблила —
В чужих домах поденщину брала.

Она порой сама недосыпала,
Ложилась поздно и чуть свет вставала,
Чтоб только четверым хватало сна.
И выросли хорошие ребята,
И стала им тесна родная хата,
И узок двор, и улица тесна.

Последнего она благословила,
Домой пришла, на скобку дверь закрыла,
Не раздеваясь, села в уголок.
Стучали к ней — она не открывала,
До поздней ночи молча горевала —
Все плакала, прижав к лицу платок.

Она с людьми тоской не поделилась.
Никто не видел, как она молилась
За четверых крестьянских сыновей,
Которых не вернуть теперь до дому,
Которым жить на свете по-иному —
Не в Хуторянке, а в России всей...

...Она хранила у себя в комодке
Из Ленинграда письма от Володи,
Из Сталинграда письма от Ильи,
Одесские открытки от Андрея
И весточки от Гриши с батареей
Из Севастополя. От всей семьи.

В июньский полдень в тесном сельсовете
По радио — еще не по газете, —
Когда она услышала: «Война!» —
Как будто бы по сердцу полоснули,
Как села, так и замерла на стуле, —
И думала о сыновьях она...

Пришла домой. Тиха пустая хата.
Наседка квохчет, просят есть цыплята,
Стучит в стекло — не вырвется — пчела.
Четыре мальчика! Четыре сына!
И в этот день еще одна морщина
У добрых материнских глаз легла.

...Косили хлеб. Она снопы вязала
Без устали. Ей все казалось мало!
Быстрее надо! Жаль, не те года!
И солнце жгло, и спину ей ломило,
И мать-крестьянка людям говорила:
«Там — сыновья. И хлеб идет туда».

А сыновья писали реже, реже,
Но штемпеля на письмах были те же:
Одесса, Севастополь, Сталинград
И Ленинград, где старший сын Володя,
Работая на Кировском заводе,
Варил «ежи» для нарвских баррикад.

Когда подолгу почты не бывало,
Мать старые конверты доставала,
Читала письма, и мечталось ей:
Нет на земле честнее и храбрее,
Нет на земле сильнее и добрее
Взращенных ею молодых парней.

Тревожные в газетах сводки были,
И люди об Одессе говорили,

Как говорят о самом дорогом.
Старушка мать — она за всем следила —
Шептала ночью: «Где же наша сила,
Чтоб мы могли расправиться с врагом?»

О, как она бессонными ночами
Хотела повидаться с сыновьями,
Пусть хоть разок, пусть, провожая в бой,
Сказать бойцу напутственное слово.
Она ведь ко всему теперь готова —
К любой беде и горести любой.

Но не могло ее воображенье
Представить город в грозном окруженье,
Фашистских танков черные ряды,
К чужой броне в крови прилипший колос.
Не слышала она Андрея голос:
«Я ранен... мама... пить... воды... воды...»

Пришел конверт. Еще не открывала,
А сердце матери уже как будто знало....
В углу листка — армейская печать...
Настанет день, Одесса будет наша,
Но прежних строчек: «Добрый день, мамаша!» —
Ей никогда уже не получать...

...Глаза устали плакать — стали суше,
Со временем тоска и горе глуше.
Дров запасла — настали холода.
Шаль распустила — варежки связала,
Потом вторые, третьи... Мало, мало!
Побольше бы! Они нужны туда!

Все не было письма из Ленинграда.
И вдруг она услышала: «Блокада».
Тревожно побежала в сельсовет,
Секретаря знакомого спросила.
Тот пояснил... Опять душа заныла,
Что от Володи писем нет и нет.

Пекла ли хлеб, варила ли картошку,
Все думала: «Послать бы хоть немножко.
За тыщу верст сама бы понесла!»
И стыли щи, не тронутые за день:

Вся в думах о голодном Ленинграде,
Старуха мать обедать не могла.

Она была и днем и ночью с теми,
Кто день и ночь, всегда, в любое время,
Работал, защищая Ленинград,
И выполнял военные задания
Ценой бессонницы, недоедания —
Любой ценой, как люди говорят...

...Опять скворцы в скворечни прилетели.
И ожил лес под солнышком апреля,
И зашумели вербы у реки...
Из Севастополя прислал письмо Григорий:
«Воюем, мать, на суше — не на море.
Вот как у нас дерутся моряки!»

Она письмо от строчки и до строчки
Пять раз прочла, потом к соседской дочке
Зашла и попросила почитать.
Хоть сотню раз могла она прослушать,
Что пишет сын про море и про сушу
И про свое уменье воевать.

И вдруг за ней пришли из сельсовета.
В руках у председателя газета:
— Смотри-ка, мать, на снимок. Узнаешь? —
Взглянула только: «Сердце, бейся тише!
Он! Родненький! Недаром снился! Гриша!
Ну до чего стал на отца похож!»

Собрали митинг. Вызвали на сцену
Героя мать — Хохлову Аграфену.
Она к столу сторонкой подошла
И поклонилась. А когда сказали,
Что Гришеньке Звезду Героя дали, —
Заплакала. Что мать сказать могла?..

...Шла с ведрами однажды от колодца,
Подходит к дому — видит краснофлотца.
Дух захватило: Гриша у крыльца!
Подходит ближе, видит: нет, не Гриша —
В плечах поуже, ростом чуть повыше
И рыженький, веснушчатый с лица.

— Вы будете Хохлова Аграфена? —
И трубочку похлопал о колено.
— Я самая! Входи, сынок, сюда! —
Помог в сенях поднять на лавку ведра,
Сам смотрит так улыбочиво и бодро —
Так к матери не входят, коль беда.

А мать стоит, глядит на краснофлотца,
Самой спросить — язык не повернется,
Зачем и с чем заехал к ней моряк.
Сел краснофлотец: — Стало быть, мамаша,
Здесь ваша жизнь и все хозяйство ваше!
Как управляетесь одна? Живете как?

Мне командир такое дал задание:
Заехать к вам и оказать вниманье,
А если что — помочь без лишних слов.
— Ты не томи, сынок! Откуда, милый?
И кто послал-то, господи помилуй?
— Герой Союза старшина Хохлов!

Как вымолвил, так с плеч гора свалилась.
Поправила платок, засуетилась:
— Такой-то гость! Да что же я сижусь?
Вот горе-то! Живем не так богато —
В деревне нынче с водкой плоховато,
Чем угостить, ума не приложу!

Пьет краснофлотец чай за чашкой чашку;
Распарился, хоть впору снять тельняшку,
И, вспоминая жаркие деньки,
Рассказывает складно и толково.
И мать в рассказ свое вставляет слово:
— Вот как у нас дерутся моряки!

— Нас никакая сила не сломила.
Не описать, как людям трудно было,
А всё дрались — посмотрим, кто кого!
К самим себе не знали мы пощады,
И Севастополь был таким, как надо.
Пришел приказ — оставили его...

— А Гриша где? — Теперь под Сталинградом,
В морской пехоте. — Значит, с братом рядом?

Там у меня еще сынок, Илья.
Тот в летчиках, он у меня крылатый.
Один — рабочий, три ушли в солдаты.—
Моряк в ответ: — Нормальная семья!

Она его накрыла одеялом,
Она ему тельняшку постирала,
Она ему лепешек напекла,
Крючок ослабший накрепко пришила,
И за ворота утром проводила,
И у ворот, как сына, обняла...

...В правлении колхоза на рассвете
Толпились люди. Маленькие дети
У матерей кричали на руках.
Ребята, что постарше, не шумели,
Держась поближе к матери, сидели
На сундучках, узлах и узелках...

Они доехали. А многие убиты —
По беженцам стреляли «мессершмитты»,
И «юнкерсы» бомбили поезда.
Они в пути тяжелом были долго,
За их спиной еще горела Волга,
Не знавшая такого никогда.

Теперь они в чужом селе без крова.
Им нужен кров и ласковое слово.
И мать солдатская решила: «Я — одна...
Есть у меня картошка, есть и хата,
Возьму семью, где малые ребята,
У нас у всех одна беда — война».
Тут поднялась одна из многих женщин
С тремя детьми — один другого меньше,
Три мальчика. Один еще грудной.
— Как звать сынка-то? — Как отца — Анисим.
Сам на войне, да нет полгода писем...
— Ну, забирай узлы, пойдем со мной!

И беженка за чаем рассказала:
— Стояли эшелоны у вокзала,
Как налетели фрицы — девять штук!
Здесь — наш состав, — пришли от Сталинграда, —
А там — второй — на фронт везет снаряды.
И эта сила стала рваться вдруг.

Три малыша. Как тут поспеть за всеми?
Светло как днем, а ведь ночное время!
Бежит народ. Кто отбежал, кто лег.
Визжат осколки — встать кому охота?!
Век не забуду этого налета.
Спасибо, командир один помог.

Схватил ребят, а я за ним с узлами
И с маленьким. Упали за домами.
«Ну, — говорит, — теперь не разбомбят! —
А сам смеется: — Это ли бомбежки!»
Да из кармана вынул две лепешки
И накормил под бомбами ребят.

Вот человек! — И беженка вздохнула.
Мать краник самовара отвернула —
Ударила горячая струя,
Заваривая слабенький цикорий.
А мать подумала: «То, видно, был Григорий.
Ведь он Герой... А может быть, Илья...

И стали жить. И снова, как бывало,
Она пеленки детские стирала,
Опять повисла люлька на крюке...
Все это прожито, все в этой хате было,
Вот так она ребят своих растила,
Тоскуя о солдате-мужике.

*

В большой России, в маленьком селенье,
За сотни верст от фронта, в отдаленье,
Но ближе многих, может быть, к войне,
Седая мать по-своему воюет,
И по ночам о сыновьях тоскует,
И молится за них наедине.

А сыновья, воспитанные ею,
Ни сил своих, ни жизни не жалея,
Граната ли, кувалда ли в руках —
Работают, тревог не замечают.
Атакой на атаку отвечают
На суше, на воде и в облаках.

Когда Москва вещает нам: «Вниманье!
В последний час...» — и, затаив дыханье,
Мы слушаем про славные бои
И про героев грозного сраженья, —
Тебя мы вспоминаем с уваженьем,
Седая мать. То — сыновья твои!

Они идут дорогой наступленья
В измученные немцами селенья,
Они освобождают города
И на руки детишек поднимают;
Как сыновей, их бабы обнимают,
Ты можешь, мать, сынами быть горда!

И если иногда ты заскучаешь,
Что писем вот опять не получаешь,
И загрустишь, и дни начнешь считать,
Душой болеть — опять Илья не пишет,
Молчит Володя, нет вестей от Гриши,
Ты не грусти. Они напишут, мать!

С НОВЫМ ГОДОМ!

Друзья, товарищи мои! Осталось пять минут —
На Красной площади часы двенадцать раз пробьют,
И тридцать первое число слетит с календаря,
И толстый новый календарь начнется с января.

От нас уходит старый год — суровый год войны,
По всем обычаям его мы проводить должны.
Он прожит нами. Нам, друзья, он стоил многих лет,
И среди всех, что за спиной, ему подобных нет.

Не всем сегодня суждено собраться за столом,
В кругу семьи, в кругу друзей поднять бокал с вином,
Друг другу счастья пожелать, встречая Новый год,
И выпить за старуху мать, что письма с фронта ждет.

Из тех друзей, кто с нами был в году сорок втором,
Не все смогли бы в эту ночь собраться за столом.
Иных уж нет, и слава им, погибшим за народ!
Последним годом был для них минувший этот год.

Другим сейчас не суждено держать бокал в руках —
Они встречают Новый год от смерти в двух шагах.
Они врываются в блиндаж с гранатой в руке
И обращаются к врагам на русском языке.

Мы не забудем в эту ночь того, кто в этот час
Снаряды точит на станках, броню кует для нас,
Стоит у доменной печи, идет в ночной полет,
Кто, лежа в поле на снегу, встречает Новый год.

Мы пожелаем им, друзья, удачей год начать,
Из дома письма от семьи почаще получать.
А если ранят на войне — чтоб рана та была
И неопасна, и легка, и скоро зажила.

Подруги наши в эту ночь от нас так далеко...
Мы знаем все, как грустно им и как им нелегко.
И мы поднимем свой бокал за тех, что нам верны
И будут терпеливо ждать нас до конца войны.

...Осталось несколько секунд — уже куранты бьют.
На Спасской башне никогда часы не отстают.
Они идут за часом час и не бегут вперед.
Они сейчас нам говорят: — Победы час придет!

1943

СЛУЧАЙ В ШКАФУ

Раз к женским платьям в шкаф попал комбинезон.
Понятно, что туда попал случайно он, —
Ему висеть не там положено по штату,
Но делать нечего, рука ошиблась чья-то...
Подняли платья шум. И все друг другу в тон:
«Комбинезон?! Убрать сейчас же вон!
Бензином пахнет он.
Смотреть нам неприятно
На эти масляные пятна.
Мы — крепдешин, мы — креп-жоржет, вельвет,
Мы пахнем дорогим одеколоном.
Мы — не мужской, мы — женский туалет.
Что общего у нас с комбинезоном?
Кто смел его повесить среди нас?!
Ох, жаль, хозяйки нет, она бы показала,
Она бы выбросила вас — вас, грубоотканого нахала!»
Комбинезон сказал: «Могу ответить вам...»
Но тут открылась шкафа дверца,
И, если бы у платьев было сердце,
Оно бы лопнуло по швам.
Хозяйкина рука комбинезон взяла,
И слышно было всем: «Так вот он где! Нашла!
Я целый час ищу, весь перерыла дом.
А он висит в шкафу! Как притаился ловко!
Рабочий мой костюм! Любимая спецовка!
Идем на наш аэродром!»
Все дело было в том, что с первых дней войны
Простая девушка — Казанцева Людмила,
Как сотни тысяч девушек страны,
Мужчин, на фронт ушедших, заменила.

1943

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Малому было четырнадцать лет.
Малый вступил в комсомол.
Дали ему комсомольский билет,
Взял он его и пошел...
Малый учился, работал и рос,
Вот и в шинель он одет.
В этой шинели на фронт он принес
Свой комсомольский билет.

Не расставался он с ним никогда
В годы удач и невзгод.
Только однажды случилась беда:
Сбили его самолет.
Летчик в лесу, на чужой стороне,
Думает: «Есть пистолет,
Компас и карта со мной, и при мне
Мой комсомольский билет.

Мне пистолет не откажет в бою.
Смерти же я не боюсь, —
Или погибну за землю свою,
Или к своим доберусь.
Карта поможет мне в трудном пути,
Компас покажет восток, —
Как мне до линии фронта дойти
И по какой из дорог.
Совесьть моя — у меня на груди,
В левом кармане моем.
Совесьть моя говорит мне: «Иди!
Вынесем. Не пропадем!»

Летчик прополз, пробежал и пролез
Мимо чужих патрулей.

Крышей надежной служил ему лес,
Спутником верным — ручей.
Ветер из сел до него доносил
Гарь и немецкую речь.
Месяц над пашнями свет свой гасил,
Чтобы его убересть.

Летчик в пути бороною оброс,
Долго пришлось голодать.
Летчик за пачку простых папирос
Мог бы полжизни отдать...

Летчик вернулся в гвардейскую часть
К чести полка своего.
Знали друзья: он не должен пропасть,
И ожидали его.
С летчиком вместе вернулся домой
Вид потерявший и цвет
Всех испытаний свидетель немой —
Вымокший, вытертый, но боевой
Наш комсомольский билет.

1943

УЛЕТЕЛ ШТУРМОВИК НА ЗАДАНЬЕ...

Улетел штурмовик на задание,
И не знаю сама, почему
Я сказала ему: «До свиданья!»,
Я «Прощай!» не сказала ему.

Смелый сокол, бесстрашный мой воин,
Ты умело веди самолет
И в воздушном бою будь спокоен —
Не откажет тебе пулемет.

В тыл врага, над полями и лесом,
Ты погибель фашистам несешь.
Сквозь разрывы зенитной завесы,
Верю я, невредимым пройдешь.

Я увижу опять над собою
Два родных красnozвездных крыла.
Так и знай, что в полете с тобою
Я душою и сердцем была.

Штурмовик невредимым вернулся,
Самолет по земле пробежал...
— Все нормально! — пилот улыбнулся,
Оружейнице руку пожал.

И за это хорошее слово,
За пожатье руки боевой
День и ночь я работать готова
На машине своей штурмовой.

Штурмовик улетел на задание,
И я знаю теперь, почему
Я сказала ему: «До свиданья!»,
Я «Прощай!» не сказала ему.

1943

ФРОНТОВОЙ ЗАКОН

Я уж год на фронте. Всякое бывало.
Тот, кто был шофером, тот меня поймет.
Над моей кабиной пуля пролетала,
На меня пикировал фашистский самолет.

На войне привыкнешь смерти не бояться,
Нужно только помнить фронтовой закон:
Вовремя не струсить и не растеряться,
Где нажать на тормоз, где пойти в обгон.

На больших дорогах камень и щебенка
Танками разбиты, выбиты огнем.
Мы с тобой на пару, верная трехтонка,
Все, что нам приказано, к сроку довезем!

Крепко подружились мы с тобой на фронте,
Ты не отказала в дружбе до сих пор.
Ты еще ни разу не была в ремонте —
Как часы, работает у тебя мотор.

Мы с тобою вместе честно воевали
И не раз бывали на передовой.
Командир шофера наградил медалью —
Это за отвагу дали нам с тобой.

1943

НАДЕЖНЫЙ ДРУГ

После боя, после схватки,
Когда сбит на землю враг,
Хорошо, что «все в порядке»,
Хорошо, что есть табак.

Хорошо, что друг надежный
Прикрывал тебя в бою.
С другом всем делиться можно,
Если делишь жизнь свою.

1943

ДЕФЕКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

В 3.15 наступление
На советское селенье.
Ровно 45 минут
По селенью пушки бьют.
С 4-х и до 5-ти
Непрерывно бой вести.
Ровно в 5 село занять,
Флаг империи поднять.
От 5-ти и до 6-ти
О трофеях донести.
От 6-ти и до 7-ми
Встреча с местными людьми
(Всех людей согнать на площадь,
Разговаривать попроще).
Час на отдых для солдат.
В 8 фюреру доклад.

Все разбито на минуты,
Пунктуально учтено
И проверено как будто,
И весьма продума...НО —
В 3.15 отступление
От советского селенья.
Ровно 45 минут
Под селеньем фрицев бьют.
С 4-х и до 5-ти
От «катюши» не уйти.
В 5 немецкий генерал
Всех штабистов растерял.
От 5-ти и до 6-ти
Он в себя не мог прийти.
В 6 от фюрера пакет:

«Почему победы нет?»
От 6-ти и до 7-ми
Встреча с местными людьми —
Генерала в плен ведут,
Люди вслед ему плюют.

Всем хорош устав немецкий,
Все в приказах учтено.
Чтоб разбить народ советский,
Пунктов всех достаточ...НО —
В колесе немецком палка —
Наша сила и смекалка!
И на этом колесе
Немцы будут аккуратнo
На Берлин катить обратнo,
Но докатятся не все!

Добывай же с боем славу,
Перед фрицем не робей
И по нашему уставу
Бей их крепче! Не жалей!

1943

ХОРОШАЯ РАБОТА

Немецкий генерал, что проиграл сраженье,
Такое дал распоряженье:
«Убитых русскими немецких всех солдат
Похоронить немедленно и в ряд
На площади — могила близ могилы,
Чтоб это симметрично было
И чтобы тот, кто пал на поле бранном,
Спал под крестом добротным, деревянным.
Для проведенья погребенья
Пригнать на площадь население...»
Разбили кладбище. В нем было сто рядов.
Могилы вырыли для вечного покоя.
Но где добыть пять тысяч сто крестов?
Легко сказать, количество какое!
Трех плотников нашли.
Сказали те: «Не прочь
Мы вашей армии помочь.
Любой из нас готов
Почаще бы такую брать работу.
Трудиться будем до седьмого пота
И десять тысяч сделаем крестов!»

1943

БУДУ ЖДАТЬ...

Ребенок спит. Кольшет ветер шторы.
Я у окна сажусь писать письмо.
Оно пусть будет нашим разговором,
Оно сегодня пишется само.

Я слышу рядом теплое дыханье.
Передо мной твои черты лица,
Наш мальчик спит. Веселое создание,
Смешной малыш, не видевший отца.

Он стоил мне томительных, бессонных
Разрывами наполненных ночей
В товарных, наспех собранных вагонах
Среди разбитых бомбами путей.

Он стоил мне и слез, и сил, и воли —
Упорная, она нашлась во мне.
Поэтому люблю его до боли,
А без тебя — люблю его вдвойне...

Ложусь ли спать, встаю ли на рассвете,
Иду ли в ясли, на завод иду —
Все думаю о том, что есть на свете
Тот человек, которого я жду.

А если вдруг тревожное сомненье
Мне в душу заползет на миг,
Что все это — мое воображенье,
И на войне ты от меня отвык,

И есть уже какая-то другая,
С которой вместе делишь ты войну,
Которой говоришь ты: «Дорогая!» —
На время забывая про жену.

Тогда я вспоминаю Приднепровье
И вечера на тихом берегу,
Все то, что с нашей связано любовью,
Все то, что свято в сердце берегу.

И первый кубик на твоих петлицах,
И первый орден на твоей груди...
Все то, что в памяти моей хранится,
Что мне сейчас подсказывает: «Жди!»

И на душе моей опять спокойно —
Любовь со мной, она крепка во мне.
Она переживет любые войны,
Она тебе поможет на войне.

Хочу тебя увидеть победившим,
Не отступившим, с гордою душой,
За Приднепровье наше отомстившим
И за разлуки нашей срок большой.

За тех из нас, оставшихся в разлуке,
Которым ждать уже не суждено,
За их тоску, за горе их, за муки,
За сердце их, что болью сожжено.

Я верю в то, что ты ко мне вернешься,
Придешь таким, каким во мне живешь,
И по-отцовски к мальчику нагнешься,
И до утра со мною не уснешь.

Скажу я так в минуты нашей встречи:
«Все вынести я, кажется, смогла,
Чтоб руки положить тебе на плечи
И рассказать, как я тебя ждала...»

ДАНИЛА КУЗЬМИЧ

Немножечко меньше их, чем Ивановых,
Но все-таки много на свете Смирновых:
Смирновы — врачи и Смирновы — шоферы,
Радисты, артисты, танкисты, шахтеры,
Шведы, кузнецы, продавцы, звероловы,
Смирновы — певцы и поэты Смирновы,
Есть дети Смирновы и взрослые тоже,
И все друг на друга ничуть не похожи:
Веселые, мрачные, добрые, злые,
Смирновы — такие, Смирновы — сякие.

Один из Смирновых попал в эту книжку.
Приехал я раз в небольшой городишко,
На карте отмечен он маленькой точкой —
Географ ему не поставил кружочка.
В том городе были: аптека и баня,
Больница и школа и парк для гулянья,
Некрасова улица, площадь Толстого,
Базар и вокзал пароходства речного.

Но самое главное в городе этом
Был выросший за год и пущенный летом,
Кругом огорожен стеной здоровенной,
Завод номерной. Очень важный. Военный.
Из не пробиваемой пулями стали
В три смены он делал для танков детали.

И я вам хочу рассказать про Смирнова,
Который вставал в половине шестого,
Который, с трудом подавляя зевоту,
Садился в трамвай и спешил на работу,
Где восемь и десять часов, если надо,
Работал как мастер шестого разряда.

Я шел по заводу, вдруг слышу: — Здорово! —
Вот так первый раз я услышал Смирнова.
«Здорово!» — хотел я кому-то ответить,
Кого не успел еще даже заметить.
— Что ходишь? Что смотришь? — послышалось
снова.

И тут в первый раз я увидел Смирнова.

Я знал, что бывают какие-то гномы,
Которые людям по сказкам знакомы.
Я помню, что слышал однажды от сына,
Что жил человечек смешной — Буратино,
Которого ловкий топор дровосека
Из чурки простой превратил в человека.
Но в жизни своей не встречал я такого,
Как этот Смирнов, человечка живого!

В большой, не по росту, казенной тужурке,
В огромной ушанке из кроличьей шкурки,
В таких сапожищах, что я испугался,
Стоял человечек и мне улыбался.

— Как звать? — я спросил.

— По работе кто знает, —

Ответил малыш, — Кузьмичом называет.
Смирновым Кузьмой был покойный папаша,
Данила Кузьмич — будет прозвище наше.

— А сколько вам лет? — я спросил у Смирнова.

— Четырнадцать минуло двадцать восьмого, —

Сердито ответил он басом солидным
(Должно быть, вопрос показался обидным).

— Да ты не сердись!

— А чего мне сердиться! —

Кузьмич отмахнулся большой рукавицей. —

Таких-то немало у нас на заводе.

И ростом другие поменее вроде!

Мы шли с Кузьмичом корпусами завода,
И нас проверяли у каждого входа,
У каждого выхода нас проверяли —
Мы оба свои пропуска предъявляли.
— Куда мы идем? — я спросил у Смирнова,
Но я из ответа не понял ни слова.

Гудело динамо — жуки заводные,
Шуршали, как змеи, ремни приводные.
И масло машинное ниточкой тонкой
Тянулось без устали над шестеренкой.
И падали на пол, цепляясь друг к дружке,
Витые стальные блестящие стружки.
И нужные танкам стальные детали
Со звоном одна за другой вылетали.

И вот наконец мы дошли до плаката:
*«Берите пример со Смирнова, ребята!
В тылу не расходится дело со словом,
На фронте танкисты гордятся Смирновым!»*

А сам мужичок с ноготок знаменитый
По шумному цеху шагал деловито.
И кто мог подумать, что в эту минуту
Его вспоминали в сражении лютом!

Смирнов по-хозяйски зашел за решетку,
Умело взял в руки железную щетку,
Протер этой щеткой поверхность металла.
Как зеркало, сразу она засияла.

— Включайте рубильник. Готово? — Готово! —
И я за работой увидел Смирнова.
И понял я, что никакой Буратино
Не смог бы стоять возле этой машины.
И что никакие волшебники-гномы,
Которые людям по сказкам знакомы,
Которые силой чудесной владеют,
Творить чудеса, как Смирнов, не сумеют.
И я, человек выше среднего роста,
Себя вдруг почувствовал карликом просто!

Прославим же юного мастерового:
Ткача, маляра, кузнеца и портного,
Сапожника, токаря и столяра.
Даниле Смирнову и прочим — УРА!

СОЛДАТ

«Солдатик мой, касатик мой,
Товарищ дорогой,
Я своего ждала домой,
А вот зашел другой».

Зашел: «Хозяйка, есть попить?»
«Найдется, в добрый час.
Кого встречать, кормить, поить
Сегодня, как не вас!»

«А можно валенки разуть,
У печки просушить?
Да крепкой ниткой как-нибудь
Шинель в плече зашить?»

Летела пуля — порвала,
И надо же задеть!
Как будто в поле не могла
Сторонкой пролететь!»

«С утра в печи дрова горят,
Чтоб ты обсохнуть мог.
Садись к огню, сушишь, солдат,
Снимай, солдат, сапог!»

Как дома будь в моей избе!
Давай шинель свою —
Я, как хозяину, тебе
Сейчас ее зашью.
И где-то он, хозяин мой,
Когда мне ждать его домой?»

Присел солдат на табурет,
Солдата клонит в сон.
Трофейных пачку сигарет
С трудом вскрывает он.

Хозяйка смотрит на стрелка:
«Да ты устал, видать?»
Приляг, сынок, вздремни пока». —
«И то прилягу, мать...»

А шел боец издалека,
И все с боями шел.
Была дорога нелегка
От городов и сел.

И было некогда ему
Ни есть, ни пить, ни спать.
Все надо было моему
Солдату воевать.

Его бомбили — он лежал.
К нему летел снаряд.
В него стреляли — он бежал
Вперед, а не назад.

Чем дальше я пройду вперед,
Мечтал солдатик мой,
Тем больше хлеба в этот год
Засеем мы весной.

Чем больше немцев уложу,
Смекал он на ходу,
Тем раньше путь освобожу,
Скорей домой приду!

При немцах на моей земле
Мне не бывать в родном селе...
И беззаветно потому
Солдат мой воевал.
И было некогда ему,
И он ночей не спал.

Лежит солдат, храпит солдат,
Командует во сне,
Рукою обнял автомат —
Привык ведь на войне!

«Проснись, солдат, хоть сон глубок!
Как ни мягка постель.
Просушен валеный сапог,
Зачинена шинель».

«И то встаю. Спасибо, мать!
Наспался за троих!
Мне не придется догонять
Товарищей своих».

Хозяйка смотрит на стрелка:
«Когда ж войне конец?»
«Определить нельзя пока, —
Ответствует боец, —
Но все же, думается мне,
Что недалек конец войне!»

Сказал солдат, и вышел он
На улицу села,
А по селу со всех сторон
Дивизия текла.

Коням на гривы падал снег,
В степи мела метель.
Вперед шел русский человек.
Ремнем стянув шинель.

1943

МОЙ БОЕЦ

Ты зайдешь в любую хату,
Ты заглянешь в дом любой —
Всем, чем рады и богаты,
Мы поделимся с тобой.

Потому что в наше время,
В дни войны, в суровый год,
Дверь открыта перед всеми,
Кто воюет за народ.

Кто своей солдатской кровью
Орошает корни трав
У родного Приднепровья,
У донецких переправ.

Никакое расстоянье
Между нами в этот час
Оторвать не в состоянье,
Разлучить не в силах нас.

Ты готовил пушки к бою,
Ты закапывался в снег —
В Сталинграде был с тобою
Каждый русский человек.

Ты сражался под Ростовом,
Был под Харьковом в борьбе —
Вся Россия добрым словом
Говорила о тебе.

Ты вступил на Украину,
Под Полтавой принял бой —
Шла, как мать идет за сыном,
Вся Россия за тобой.

Сколько варежек связали
В городах и на селе,
Сколько валенок сваяли —
Только был бы ты в тепле!

Сколько скопленных годами
Трудовых своих рублей
Люди честные отдали —
Только стал бы ты сильней!

Потому что горше горя
Жизнь в фашистской кабале,
Если сядут Макс и Мориц
На захваченной земле.

Землю эту, нивы эти
Всей душой своей любя,
Как бы жили мы на свете,
Если б не было тебя?!

1943

«ТИГР»

Подбитый пушкой двух русских молодцов
В день одного великого сраженья,
Тяжелый танк попал в конце концов
На выставку трофейных образцов
Немецкого вооруженья.
Кто в первый день здесь не перебивал
В аллеях самолетов и орудий?
Из павильонов выходили люди
И шли потом туда, где «тигр» стоял.
И вот одна, с ребенком на руках,
Работница, а может быть, крестьянка,
Увидев танк, пошла навстречу танку,
И подошла, и встала в двух шагах.
Простая женщина! Что думала она,
Смотря на чудище, разбитое снарядом?..
Стоял все это время с нею рядом
Артиллерист, по званию старшина.
— Не бойся, мать, не больно страшен зверь,
Мы научились бить по этой стали.
Нам эти «тигры» не страшны теперь,
Они для нас вполне ручными стали.—
Уже прошел десяток тысяч ног
По выставке. Уже дождем смочило
За этот день натоптанный песок,
А женщина домой не уходила.
По-прежнему она с ребенком на руках
Стояла перед грозной черепахой.
И на лице ее — ни тени страха.
Я гордость строгую прочел в ее глазах.

1943

ПО ДОРОГЕ В СЕВАСТОПОЛЬ¹

У въезда в крымский городок,
На перекрестке трех дорог
Регулировщицы флажок
Взлетает вверх и вниз.
Скажи мне, как тебя зовут
И как ты очутилась тут,
Где тополя уже цветут,
Трепещет кипарис?

Еще, мне кажется, вчера
Тебя я видел у Днепра.
Степные дымные ветра
Летели над тобой.
А мимо шли грузовики,
И утомленные стрелки
В ответ на взмах твоей руки
Кивали головой.

Зачем гадать! Глаза не лгут.
Я знаю, как тебя зовут:
Твой боевой почетный груд
Нелегко и суров;

В пыли, в метели и огне
Ты путь указываешь мне,
И я шагаю по войне
Под взмах твоих флажков.
Ты — дочь своей большой страны,
С Невы иль, может быть, с Двины.

¹ Написано в соавторстве с поэтом Сергеем Васильевым.

Ты с самых первых дней войны
На этот стала пост.
Тебя поставила страна,
Тебе доверила она,
И ты стоишь, стране верна,
Как тополь, в полный рост.

1944

ДЕТСКИЙ БОТИНОК

Занесенный в графу
С аккуратностью чисто немецкой,
Он на складе лежал
Среди обуви взрослой и детской.

Его номер по книге:
«Три тысячи двести девятый».
Обувь детская. Ношена.
Правый ботинок. С заплатой...

Кто чинил его? Где?
В Мелитополе? В Кракове? В Вене?..
Кто носил его? Владек?
Иль русская девочка Женя?..

Как попал он сюда, в этот склад,
В этот список проклятый,
Под порядковый номер
«Три тысячи двести девятый»?

Неужели другой не нашлось
В целом мире дороги,
Кроме той, по которой
Пришли эти детские ноги

В это страшное место,
Где вешали, жгли и пытали,
А потом хладнокровно
Одежды убитых считали?

Здесь на всех языках
О спасенье пытались молиться:
Чехи, греки, евреи,
Французы, австрийцы, бельгийцы.

Здесь впитала земля
Запах тлена и пролитой крови
Сотен тысяч людей
Разных наций и разных сословий...

Час расплаты пришел!
Палачей и убийц — на колени!
Суд народов идет
По кровавым следам преступлений.

Среди многих улик —
Этот детский ботинок с заплатой,
Снятый Гитлером с жертвы
«Три тысячи двести девятой».

1944

МЫ ПРИШЛИ

Тяжелым снарядом расщепленный тополь
Лежит в придорожной пыли.
Советский наш город, родной Севастополь,
Ты ждал нас, и вот мы пришли.

Мы были в тяжелой и долгой разлуке,
Но, свой Севастополь любя,
В жестоких сраженьях мы мстили за муки
Врагам, что терзали тебя.

Мы в грозные дни Ленинград отстояли,
В боях Сталинград обрели,
Когда мы входили в Одессу, мы знали:
Ты ждешь нас, и вот мы пришли.

Захватчиков подлых мы гнали из Крыма,
В боях не жалея себя.
Мы кровью платили, наш город любимый,
За каждый свой шаг до тебя.

Теперь мы залечим тяжелые раны,
Что немцы тебе нанесли.
И в ясные дни, и в ночные туманы
Ты ждал нас, и вот мы пришли.

Немецким снарядом расщепленный тополь
Лежит у бойцов на пути.
Ты верил в победу, ты знал, Севастополь,
Что мы не могли не прийти.

1944

КАРТА

Вторые сутки город был в огне,
Нещадно день и ночь его бомбили.
Осталась в школе карта на стене —
Ушли ребята, снять ее забыли.

И сквозь окно врывался ветер к ней,
И зарево пожаров освещало
Просторы плоскогорий и морей,
Вершины гор Кавказа и Урала.

На третьи сутки, в предрассветный час,
По половицам тяжело ступая,
Вошел боец в пустой, холодный класс.
Он долгим взглядом воспаленных глаз
Смотрел на карту, что-то вспоминая.

Но вдруг, решив, он снял ее с гвоздей
И, вчетверо сложив, унес куда-то, —
Изображенье Родины своей
Спасая от захватчика-солдата.

Случилось это памятной зимой
В разрушенном, пылающем районе,
Когда бойцы под самую Москвой
В незыблемой стояли обороне.

Шел день за днем, как шел за боем бой,
И тот боец, что карту взял с собою,
Свою судьбу связал с ее судьбой,
Не расставаясь с ней на поле боя.

Когда же становились на привал,
Он, расстегнув крючки своей шинели,
В кругу друзей ту карту раскрывал,
И молча на нее бойцы смотрели.

И каждый узнавал свой край родной,
Искал свой дом: Казань, Рязань, Калугу,
Один — Баку, Алма-Ату — другой.
И так, склонившись над своей страной,
Хранить ее клялись они друг другу.

Родные очищая города,
Освобождая из-под ига села,
Солдат с боями вновь пришел туда,
Где карту он когда-то взял из школы.

И, на урок явившись как-то раз,
Один парнишка положил на парту
Откуда-то вернувшуюся в класс
Помятую, потрепанную карту.

Она осколком прорвана была
От города Орла до Приднестровья,
И пятнышко темнело у Орла.
Да! Было то красноармейской кровью.

И место ей нашли ученики,
Чтоб, каждый день с понятным нетерпением
Переставляя красные флажки,
Идти вперед на запад, в наступленье.

ДНИ НЕДЕЛИ

В понедельник Рихард Штимме
Написал письмо в Берлин:
«Чуден южный берег Крыма.
Здесь уже цветет жасмин».
Вторник начался с того,
Что позвали в штаб его.
Приказали: «Все грузить —
В Севастополь отвозить».
В среду бедный офицер
Был с утра от страха сер.
Склад взорвал, а к трем часам
Был готов взорваться сам.
Был четверг ужасным днем —
Позабыли все о нем.
Никого нельзя найти —
Все давно уже в пути.
Прибыл в пятницу пруссак
В Севастополь кое-как.
Всю дорогу шел пешком
На карачках и ползком.
Всю субботу был в поту
В Севастопольском порту.
Только связи помогли
Оторваться от земли.
В воскресенье — нет спасенья, —
Так бомбили в воскресенье.
Вышел в море пароход.
«Пронеси, майн либер готт!»
День безоблачный, чудесный.
Впереди — Констанца. Но...
В Черном море, в день воскресный
Пароход пошел на дно...

ПОБЕДА

Они дошли до стен рейхстага—
Друзья: боец и командир.
И стены были им бумагой
Для первых подписей за мир!

1945

СТОРОНКА РОДНАЯ

С неразлучным своим автоматом
Не в одной побывал я стране,
Но повсюду скучал я, ребята,
По советской родной стороне.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.
Эх, дорога моя фронтовая,
Ты к Победе меня привела!

Батальон наш стоял в Бухаресте,
Бухарест — неплохой городок!
Но скажу вам, ребята, по чести:
Мне милее родимый Торжок.

В Будапеште сражались мы долго,
Будапешт на Дунае лежит.
Как мне вспомнится матушка-Волга,
Так слеза на глаза набежит.

Нас цветами встречала София,
Обнимали у каждых ворот.
Но Болгария все ж не Россия,
Хоть и братский живет в ней народ.

Побывали мы в городе Вена.
В ней сады и дворцы хороши.
Только Вена, скажу откровенно,
Дорога не для русской души!

День и ночь все на запад шагая,
До берлинских ворот я дошел.
Но милее родимого края
Я нигде ничего не нашел.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.
Эх, дорога моя фронтовая,
Ты к Победе меня привела!

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Победой кончилась война.
Те годы позади.
Горят медали, ордена
У многих на груди.

Кто носит орден боевой
За подвиги в бою,
А кто за подвиг трудовой
В своем родном краю.

*

Орлов Георгий — офицер
Воздушного полка,
В бою показывал пример
Бойца-большевика.

Открыл он свой гвардейский счет
На берегах Десны,
А сбил двадцатый самолет
В последний день войны.

*

Орлова брат — Орлов Степан
На танке воевал
И видел много разных стран —
Где только не бывал!
Четыре «тигра», пять «пантер»
Подбил из пушки он.
Бесстрашный русский офицер
За это награжден.

*

Балтиец Николай Орлов,
По счету третий брат,
Был голову сложить готов
За город Ленинград.

Не раз в атаку он водил,
Победу с боем брал,
Его за храбрость наградили
Любимый адмирал.

*

Орлов Никита по три дня
Свой цех не оставлял.
— Моей стране нужна броня! —
Он людям заявлял. —

Пусть я живу в тылу сейчас,
От фронта в стороне, —
Мне, как солдату, дан приказ,
Я тоже на войне!

*

Идет в атаку батальон,
Бойцы кричат: «Ура!»
Ползет вперед, услышав стон,
Военная сестра.

Орлова Зоя! Будь горда —
Твой подвиг не забудь,
И орден «Красная Звезда»
Об этом говорит.

*

Багровым заревом объят
Широкий горизонт.
Пришел состав, привез солдат
На Белорусский фронт.

Кто под бомбежкой паровоз,
Рискуя жизнью, вел?
Орловой Вере этот пост
Доверил комсомол.

*

Сергей Орлов в Берлин входил,
И среди прочих слов
Он на рейхстаге начертил:
«Здесь был Сергей Орлов!»

О славном боевом пути
Расскажет вам сапер.
Солдатский орден на груди
Он носит до сих пор.

*

Огнем немецких батарей
Накрыта высота,
Но не ушел Орлов Андрей
Со своего поста.

В бою не дрогнул коммунист,
Не бросил телефон.
И за отвагу был связист
Медалью награжден.

*

Орловой Клаве двадцать лет,
И ей не зря почет:
Что трактористки лучше нет,
Вокруг молва идет.

Она — ударница полей,
И знают на селе,
Что лично сам Калинин ей
Вручал медаль в Кремле.

*

*

Орлов Павлуша — младший брат,
Как школьник, в те года
Не удостоен был наград,
Но это не беда!

И он, как маленький боец,
Был с нами в грозный час —
Он встал к станку, он взял резец
И — выполнил заказ.

*

А этот орден носит мать.
— Спасибо! — скажем ей.
Она сумела воспитать
Десятерых детей.

Она сумела заложить
В их души, в их сердца
Порыв Отчеству служить,
Быть стойким до конца.

Пощады от врага не ждать,
Не отступать в бою
И, если нужно, жизнь отдать
За Родину свою!

АРКАДИЙ ГАЙДАР

Любимых детских книг творец
И верный друг ребят,
Он жил, как должен жить боец,
И умер как солдат.

Ты повесть школьную открой —
Гайдар ее писал:
Правдив той повести герой
И смел, хоть ростом мал.

Прочти гайдаровский рассказ
И оглянись вокруг:
Живут сегодня среди нас
Тимур, и Гек, и Чук.

Их по поступкам узнают,
И это не беда,
Что по-гайдаровски зовут
Героев не всегда.

Страницы честных, чистых книг
Стране оставил в дар
Боец, Писатель, Большевик
И Гражданин — Гайдар...

1946

ТАК ДЕРЖАТЬ!

Чтоб в мире дело мира крепло
И чтоб нигде и никогда
Не превращались в груды пепла
Сады, деревни, города —
Народы мира без побряжки
Сегодня сообща должны
Держать в смиренной рубашке
Всех поджигателей войны!

1949

КАЗНЬ

Уже — конец.
Уже — петля на шее.
Толпятся палачи, с убийством торопясь.
Но на мгновенье замерли злодеи,
Когда веревка вдруг оборвалась...

И партизан, под виселицей стоя,
Сказал с усмешкой в свой последний час:
— Как и веревка, все у вас гнилое!
Захватчики!
Я презираю вас!..

1950

СОЛДАТОМ МИРА Я ЗОВУСЬ

Друзья мои! Перо сейчас
Приравнено к штыку.
Не время тем идти в запас,
Кто в боевом полку!

Война объявлена войне.
Сегодня не к лицу
Быть от событий в стороне
Писателю-бойцу.

Сегодня каждая строка
Писателей страны
Должна разить наверняка
Зачинщиков войны.

Пером — оружием своим,
Что я в руках держу, —
Всем честным людям трудовым
Я, как солдат, служу.

Солдатом Мира я зовусь,
Я — гражданин, поэт.
И этим званием я горжусь —
Почетней званья нет!

Друзья мои! Перо сейчас
Приравнено к штыку.
Не время тем идти в запас,
Кто в боевом полку!

1950

ДЕЛО ВСЕНАРОДНОЕ

Оборона — наша честь,
Дело всенародное,
Бомбы атомные есть,
Есть и водородные!

Не угроза городам
С мирным населеньем,
А острастка господам
С наглым самомненьем.

Пусть не хвастают они
Зря перед Советами,
Коль владеют не одни
Разными секретами.

Мы на мирный разговор
Приглашаем нации,
Но готовы дать отпор
Всякой провокации.

Есть и выдержка у нас,
Есть и сила грозная.
Славься, наш рабочий класс
И семья колхозная!

Наша мирная страна
В войнах не нуждается,
Но имеет впрок она
Все, что полагается!

1953

НАША МУЗА ФРОНТОВАЯ

В дни войны служили все мы
Нашей Музе фронтовой,
Очень часто ради темы
Рисковали головой.

В блиндажах и на привале
Наши песни запевали.
С боевых страниц газет
Говорил с бойцом поэт.

Миновали дни сражений
Много лет тому назад,
Но от нас произведений
Ждет по-прежнему солдат.

Ждет романа, ждет поэмы,
Ждет своей военной темы,
И хоть мы ушли в запас,
Он надеется на нас.

1959

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ

(*Быль*)

Не помню, право, точной даты.
Тому назад семнадцать лет
У вас в газете для солдата
Был напечатан мой портрет.

Я полагаю, что хранится
У вас архив минувших дней.
Но та газетная страница,
Поверьте слову, мне нужней!

Хочу, чтоб сын меня увидел
Красивым, молодым бойцом
И понял, что не бог обидел
Обезображенным лицом.

Шел смертный бой за город Ельню.
Подбит в бою и окружен,
Я был случайно не смертельно
В горячем танке обожжен.

Не ради пенсионной книжки
Тот старый снимок нужен мне.
Я покажу его сынишке —
Девятилетнему парнишке —
Пусть знает правду о войне!

1960

ГОРНИСТ

(Быль)

Случилось это в дни войны за Доном
С одним кавалерийским эскадроном...
По нашим конникам враги огонь вели.
Вдруг близкий взрыв! И кони понесли —
Теснят друг друга, не сдержат лавины:
И храп, и крик, и в мыльной пене спины,
И всадникам уже не до огня,
И дым, и пыль, и ночь средь бела дня...
Кавалеристы видят: дело худо —
Их развернуло прямо на овраг,
Всему конец...

Но тут случилось чудо:
С карьера кони перешли на шаг —
Пришли в себя...

А получилось так:
Лихой горнист, служивший в эскадроне,
На всем скаку трубу к губам прижал
И «Зорьку» проиграл. И услышали кони
Знакомый, добрый утренний сигнал.
И вновь для них реальность обрели
Трава и ветер,
запахи земли,
И дальнее село,
и ближний бой,
И тот горнист с серебряной трубой...

1968

КАК ВЫСОКО НАД НАМИ НАШЕ НЕБО

Как высоко над нами наше небо!
Любимой Родины лежат под ним края,
Цветут луга, шумят колосья хлеба,
И все для нас растит страна моя.

И не объять и взором не окинуть
Поля пшеничные, деревни, города,
Всех наших рек не вымерить глубины,
Не сосчитать на пастбищах стада.

И даже тот поет про наше небо,
Кто нашей Родины дорог не исходил,
Кто никогда под этим солнцем не был,
Но свет его по песням полюбил!

И если мать родит сегодня сына,
Достойным Родины пусть будет сын ее.
Страна живет, сливая воедино
Любовь, и труд, и мужество свое.

Как высоко над нами наше небо!
Любимой Родины лежат под ним края,
Цветут луга, шумят колосья хлеба,
И все для нас растит страна моя.

И если кто Отчизну нашу тронет,
Все наше мужество и всю любовь свою
Мы отдадим стране, что не уронит
И не отдаст знамен своих в бою.

1969

СЛОВА И БУКВЫ

СВОБОДА СЛОВА

К нам в Союз из-за границы
Как-то прибыл гость один —
Белобрысый, круглолицый
Иностранный господин.

Он сказал: «Я был в Париже,
Видел Осло, Лондон, Рим,
А теперь Москву увижу,
Ленинград, Кавказ и Крым».

Мы сказали иностранцу,
Что встречали мы датчан,
Деловых американцев,
Сухопарых англичан.

Были всякие туристы,
И когда-то, говорят,
Сам министр мистер Твистер
Приезжал к нам в Ленинград.

Час за часом дни летели.
Коротая отпуск свой,
Иностранец жил в отеле
И знакомился с Москвой.

Был он в школах, был в больницах,
И, короче говоря,
Он гулял по всей столице —
Не терял минуты зря.

А потом его видали
Под землей у горняков,
У рабочих на Урале
И у волжских рыбаков.

У колхозников Кубани,
На Дону и на Днепре,
И в Баку, и в Ереване,
И в Артеке на «костре».

Был на многих он заводах
В самых разных городах,
Плавал он на пароходах,
Ездил в скорых поездах.

Всюду всем он восхищался,
Удивленье выражал,
Всем любезно улыбался
И сердечно руки жал.

И однажды на вокзале
Он сказал: «Я потрясен!
То, что вы мне показали,—
Это сказка. Это сон».

Вот домой из-за границы
Наконец вернулся сэр
И в журнале три страницы
Посвятил СССР.

Он писал про власть Советов,
Про Москву, про наш народ.
Он писал про то, про это,
Только все наоборот!

Кто же был он, этот важный,
Любознательный турист?
Это просто был продажный
Буржуазный журналист.

Как же нам не вспомнить снова
Эту желтую печать —
Для нее Свобода Слова:
Или врать или молчать!

СЛОВА И БУКВЫ

Учили в детстве мы, друзья,
Наш алфавит от А до Я,
И буква к букве, к слогу слог
Читали: *сча-стье, труд, у-рок.*

Большая сила в буквах есть,
Когда мы можем их прочесть,
Все дело в том лишь, где и как
Поставлен в слове каждый знак.

Четыре буквы, например:
Три С и рядом с ними Р.
Великий смысл они таят,
Когда они подряд стоят!

Но если взять нам С и Ш
И после них поставить А,
То смысл получится иной —
Поскольку он грозит войной.

Но в США живет еще *на-род,*
Что не *вой-ны,* а *ми-ра* ждет,
И это надо бы учесть
Всем, позабывшим *стыд* и *честь.*

1947

СТАЛЬНАЯ СТРУЖКА

В столицу Венгрии от нас
Как знатный гость к друзьям
Приехал токарь как-то раз
К таким же токарям.

Посланца дружеской земли
Венгерский ждал народ.
Наутро гостя повели
Смотреть большой завод.

И в тот же самый день и час
На этот же завод
Пришел с экскурсией как раз
Совсем другой народ.

То был датчанин-финансист,
Румяный господин;
А с ним английский журналист —
Знаток венгерских вин.

Они вошли в тот самый миг,
Важны, как индюки,
Когда советский скоростник
Осматривал станки.

Туристы слышали о нем
И знали из газет,
Что обогнал в труде своем
Он всех на много лет.
И к русскому проявлен был
Особый интерес.
Датчанин громко заявил:
— О-о-о! Это есть прогресс!

— Наш просит, мистер показал
Работа рекордист, —
По-русски кое-как сказал
Английский журналист. —
То невозможно есть понять,
Что есть «догнать и перегнать»?

Сказал и посмотрел на всех,
Усмешки не тая.
И замер весь токарный цех —
Рабочая семья.

Подумал токарь: «Честный друг
Не усмехнется так!»
И токарь посмотрел вокруг,
И расступился тесный круг,
И токарь снял пиджак.

Он отступать уже не мог
Как воин, как боец,
И встал он за чужой станок,
И взял чужой резец.

Он понимал, что здесь сейчас
Он принимает бой
За весь родной рабочий класс,
За честь страны родной.
И тот, кто рядом с ним стоял,
Тот это тоже понимал.

Он должен был в минутный срок,
Сам гость среди гостей,
Дать англичанину урок...
А вдруг не выдержит станок
Высоких скоростей?!

Для пробы он резцом нажал,
Знакомясь со станком.
И врезался резец в металл,
Который тут же побежал
Спиральным ручейком.

— Олл райт! — сквозь зубы процедил,
Пожав сухим плечом,
Турист, что пристально следил
За знатным москвичом.

— Нет, не олл райт, не вери гуд! —
Москвич в ответ сказал. —
Не посчитайте, сэр, за труд
И потерпите пять минут —
К станку я только встал!

И на гостей из дальних стран,
Стоящих в стороне,
Тут брызнул огненный фонтан
В тревожной тишине.

«Что ж, для начала подойдет, —
Подумал скоростник, —
Но так токарит в первый год
Любой мой ученик!»

— Олл райт! Олл райт! — сказал турист
И сделал шаг назад.
— Что? — улыбнулся коммунист. —
Смекаешь, дипломат?
Теперь ты лучше будешь знать:
«Что есть «догнать и перегнать»!»

И токарь на рычаг налег,
И выдержал напор
Венгерский молодой станок,
Не знавший до сих пор
Всем существом своих частей
Режима наших скоростей.

Турист еще на шаг назад,
Друзья — на шаг вперед:
Рабочей гвардии солдат
Им опыт свой, как старший брат,
При всех передает.
Он рядом чувствует друзей
Народа своего,
Всем сердцем и душою всей
Стоящих за него.

Стальная стружка вниз, и вверх,
И вбок летит, звеня,
Как разноцветный фейерверк
В честь праздничного дня.

Вокруг кричат: «Москва! Москва!»
И токарь не сдает.
Он, засучивши рукава,
Свои рекорды бьет.

И вот он выключает ток,
Последний взяв рекорд,
И тем, что выдержал станок,
Народ венгерский горд.

В цеху триумф и праздник был
Такой, как никогда!
Ну, а туристов след простыл —
Исчезли господа...

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА

На сцене шел аукцион.
Детей с отцами разлучали.
И звон оков, и плач, и стон
Со всех сторон в толпе звучали.

Плантатор лезет негру в рот —
Он пересчитывает зубы.
Так покупают только скот,
Его ощупывая грубо.

«Кто больше?.. Продан!.. Чей черед?
Эй, черный! Встань! Ты здесь не дома!»

Шатаясь, Том шагнул вперед.
Друзья! Купите дядю Тома!

«А ну, за этого раба
Кто больше долларов предложит?»
Том! В чьих руках твоя судьба?
Кто заплатит за выкуп сможет?

«Кто больше?» — «Больше денег нет!»
«Кто больше?» — «Вот еще монету!»
«Кто больше?» — «Вот еще браслет!»
Еще возьмите брошку эту!»

«Кто купит негра? Кто богат?»
Плантатор набивает цену,
И гневно зрители глядят
Из темноты на эту сцену.

«Кто больше?.. Раз!.. Кто больше?.. Два!»
И вдруг из зрительного зала,
Шепча какие-то слова,
На сцену девочка вбежала.

Все расступились перед ней.
Чуть не упал актер со стула,
Когда девчушка пять рублей
Ему, волнуясь, протянула.

Она молчала и ждала,
И это та была минута,
Когда в порыве против Зла
Добро сильнее, чем валюта!

И воцарилась тишина,
Согретая дыханьем зала.
И вся Советская страна
За этой девочкой стояла...

1955

«ДЕЛО О ПОЦЕЛУЕ»

Она в пятнашки с ним играла
И на глазах у детворы
Вдруг, просто так, поцеловала
Во время уличной игры.

Поцеловала? Ну и что же!
Она плохого не ждала...
Но был мальчишка чернокожим,
И белой девочка была!

И под закон неумолимый
Попал зовущий в страхе мать
Девятилетний подсудимый,
Что дал себя поцеловать.

В судебном зале шмыгал носом
Под стражу взятый мальчуган.
И задавал ему вопросы
Судья, жующий «чуингам».

Так бессердечным приговором
С коротким словом «виноват»
В тот день покрыл себя позором
Американский Южный штат.

1959

БУДЬ ГОТОВ!

Мой читатель! Мой мечтатель!
Я тебя не позабыл!
Ты считай, что твой писатель
Далеко в отъезде был.
Был как будто за границей —
В мире басен.

А теперь
С новой былью сам стучится
К вам, ребята! В вашу дверь!..

*

Мчится время полным ходом,
Но у нас, в стране родной,
Не ушли в забвенье годы,
Что отмечены войной.

На уроке в первом классе
Тихо шепчут малыши:
«Год победы помнишь, Вася?
Сорок пятый! Запиши!»

«Сорок первый — сорок пятый!» —
Учит наша детвора.
А для бывшего солдата
Это вроде как вчера...

*

Это кто вокруг планеты
В корабле своем летит?
Всем народам шлет приветы,
С целым миром говорит.

Пообедав во Вселенной,
Бортовой ведет дневник...
Это он: обыкновенной
Сельской школы ученик —
Сын учителя, с Алтая,
По фамилии Титов.

Знаешь, клятва есть такая:
«Будь готов!» — «Всегда готов!»?
Дорогую клятву эту
Он сквозь жизнь свою пронес
И сказал, садясь в ракету:
«Я готов!.. Лечу!.. Сбылось!
Я народу благодарен
За доверие ко мне.
Проложил мне путь Гагарин
В этой звездной вышине!»

Видит он в иллюминатор
Школьный глобус — шар земной:
— Прохожу сейчас экватор!
— Вот Сахара подо мной!
— Слышу вас, с Земли, прилично!
— Курса правильно держусь!
— Самочувствие отлично!
До свиданья. Спать ложусь!..

Ту ракету мастерили
Дел советских мастера.
Знать, не зря над ней мудрили
Кандидаты, доктора,
И душою молодые
Академики седые,
И родной рабочий класс,
Всюду радующий нас!

Не одной бессонной ночью
Были дружно сплочены
И ученый, и рабочий —
Мозг народа, цвет страны.
Надо было все расчеты
Наперед предугадать,
Чтоб в неведомых высотах
Неприятностей не ждать.

*

Все.

Свершилось!

Приземлился!

Жив, здоров и невредим.

Не сгорел и не разбился!

Лишь немного притомился:

Спать не так, как мы, ложился,

Ел не так, как мы едим...

Космонавты!

Вас встречала

Наша Родина в Кремле —

Положили вы начало

Новой эры на земле.

Все народы, все державы

Знают вас по именам.

Разве мог орел двуглавый

Золотые звезды славы

Принести на крыльях нам?

Да! Посмей назвать отсталой

Ту великую страну,

Что прошла через войну,

Столько бедствий испытала,

Покорила целину,

А теперь такую стала,

Что почти до звезд достала

Перед рейсом на Луну!..

*

Я летел над океаном

На стоместном корабле,

Был туристом иностранным

На большой чужой земле.

Я бродил по разным стритам,

Со студентами сидел

И беседовал открыто,

С кем хотел и как хотел.

Видел я искусство зодчих,
Живописцев-мастеров
И творенья рук рабочих —
Небоскребы — будь здоров!
Видел самых бедных нищих —
Оборванцев всех цветов,
И как гость входил в жилища
Богатеев всех сортов.

Видел я людей хороших —
Честных, умных, трудовых.
Видел я людей поплоче,
Видел злобных, видел злых.

Видел я дельцов, банкиров —
И таких, что не проймешь!
Для которых дело мира —
Все равно что в сердце нож!

И таких, которым просто
На политику плевать, —
Все их думы, мысли, тосты —
Первым делом: торговать!

Не хочу страну обидеть,
Где в гостях я побывал, —
Я не все успел увидеть,
Очень много прозевал.
Мне не все пришлось по нраву —
По советскому нутру.
Ту богатую державу
За пример я не беру.

Есть хорошие, плохие
Люди в дальней стороне,
Есть такие, что Россию
Видят мысленно в огне —
Разоренной, покоренной,
Потерявшей все права...
Нам не нужно Вашингтона,
Если есть у нас Москва!..

*

Мы живем в тревожном мире,
Но не наша в том вина,
Что звучат слова в эфире:
«Смерть», «Агрессия», «Война»...

Неспокойно жить на свете,
На земле любой страны,
Если где-то в кабинете
Созревает план войны,
Принимаются решения:
Как умножить разрушенья,
Как стереть с лица земли
Все, что люди возвели!

Генералы в Пентагоне
Говорят об обороне.
Оборона? От кого?
Если нас они боятся —
Мы не лезем с ними драться:
Нам хватает своего!

Всевозможные ракеты
Есть, конечно, и у нас.
Мы не делаем секрета
Из того, что ТО и ЭТО
Круглый год — зимой и летом
Наготове! Про запас!

И, однако, мы готовы
Ради Мира и Труда
С этой техникою новой
Распрощаться навсегда:
Снять посты с ракетных стартов,
Обезвредить бомб запас.
Но и вы сметите с карты
Паутину ваших баз!

Пусть военные заводы
Всех держав замрут навек!
— Вот он, памятник Свободы! —
Скажет мирный Человек!
Нам порой в ночи не спится
Не в предчувствии войны —
Не смыкаются ресницы

От того, чем мы полны —
Не тревогой, не сомнением
И не страхом нищеты,
А реальным воплощением
Самой сказочной мечты.

Если вспомнить дни былые:
Зимний... Смольный... Петроград...
И какой была Россия
Много лет тому назад,
А потом раскрыть газету,
Просто выглянуть в окно, —
Ты увидишь столько света
Там, где было так темно...
Пусть не легок и не гладок
Верный путь, ведущий нас,
Но ничто без неполадок
Не дается в первый раз.

Как ни бились, ни старались
Помешать нам господа —
Так ведь с носом и остались.
Людам — радость, им — беда!..

Наши мирные победы,
Каждый подвиг трудовой
Для врагов — страшной торпеды
В обстановке фронтовой.

*

«Коммунизм»!
 Какое слово!
Сколько в нем заключено!
Где с надеждой,
 где сурово
Произносится оно.
Хлеб для всех.
 Сады в пустыне.
Торжество больших идей.
Все равны!
 И нет в помине
Обездоленных людей...

Пусть враги за океаном
Не кривят с усмешкой рот —
Это поздно или рано
Все равно произойдет!
Нас на свете миллионы,
Мы в походе не одни —
Боевых друзей знамена
Флагу нашему сродни.

«Коммунизм»!

Нам это слово

Светит ярче маяка.

«Будь готов!» —

«Всегда готовы!»

С нами ленинский ЦК!

С нашей партией любимой

Мы нигде не делимы —

За народ стоит она,

С нею Родина сильна!

1961

МИЛЛИОНЕР

Богатая старуха
В одной стране жила.
Богатая старуха
Внезапно умерла.

Остался без хозяйки,
Угрюм и одинок,
Такой же, как хозяйка,
Породистый Бульдог.

Имела та старуха
Племянников родных,
А также, по закону,
Наследников иных.

Имела та старуха
Солидный капитал...
Когда ж делить наследство
Заветный час настал,—

Наследники узнали,
К позору своему,
Что все — увы! — досталось
Бульдогу одному!

Не могут адвокаты
За это отвечать:
Законно завещанье —
Есть подпись и печать.

Старуха перед смертью
Составила его.
Она озолотила
Любимца своего!

Зачем собаке деньги?
Ходить в универмаг?
Бывают разве деньги
У кошек и собак?

Но стал миллионером
Осиротевший пес,
И стал еще курносей
Его курносый нос.

Согласно завещанью,
Живет при нем слуга.
Он ездит с ним на гонки,
На регби, на бега.

Квартира в самом центре —
На Пятой авеню.
Шеф-повар составляет
На каждый день меню:

На завтрак — сыр голландский,
Сардельки — на обед,
На ужин — фрикадельки,
Сардинки и паштет...

Он ездит на курорты —
Здоровье бережет,
По средам парикмахер
«Под бокс» его стрижет.

Есть у Бульдога вилла,
И новый «кадиллак»,
И сшитый у портного
Собачий черный фрак.

Он ходит на приемы
И там коктейли пьет.
Знакомых собачонок
Уже не узнает!

Он в клуб миллионеров
Записан как банкир.
У них он научился
Рычать при слове «мир»

Печатают газеты
С Бульдогом интервью,
Бульдог в них излагает
Позицию свою.

Собачью точку зренья
На космос, на прогресс...
Среди капиталистов
Бульдог имеет вес.

Влиятельной фигурой
Он в мире денег стал...
Чего не может только
Наделать капитал!

1962

СОН

Мне снился сон, что я плыву —
Плыву во сне, как наяву:
В далекий край, к чужой земле,
На океанском корабле.
Везут, везут меня туда,
Чтоб там оставить навсегда!

Чужой на палубе народ —
Гуляет, курит, ест и пьет,
На мачте иностранный флаг,
И слышу я чужой язык,
И все вокруг меня не так,
Как я люблю,
Как я привык.

Не покупал билета я
На этот пароход!
За что в какие-то края
Он мальчика везет!

Не знаю как,
Не знаю где
Я в этот трюм попал,
А только знаю: быть беде!
И я теперь пропал —
Без папы с мамой,
Без друзей,
Без Родины моей!

Смеется кто-то надо мной:
«Попался, пионер!»
А я хочу домой!
Домой!!
Домой в СССР!!!

И если только я смогу
В чужом порту сбежать, —
Я убегу!
Я убегу!!
Меня не удержать!!!

И вдруг над самой головой
Такой знакомый звон:
Звонит будильник, сам не свой! —
Меня спасает он...

Как хорошо, что наяву
Я не в Америке живу!

1962

ЕСТЬ АМЕРИКА ТАКАЯ

Карта мира перед нами:
Вот земля, а вот вода,
Вот отмечены кружками
В разных странах города.

Сотни их: больших, столичных,
Главных, славных, мировых.
Много тысяч их: обычных,
Незаметных, рядовых...

Есть великие столицы:
Лондон, Дели, Рим, Париж.
Наш народ Москвой гордится —
Разве что́ с Москвой сравнишь!

И пускай неодинаков
Городов различный путь,
Но по-своему, однако,
Все приметны чем-нибудь:

Город нефти, город стали,
Звонкий город хрустала,
Здесь — ковры веками ткали,
Здесь — веками выпекали
Всех размеров кренделя.

Этот город тем известен,
Что в просторы площадей
Каждый год на праздник песен
Собирает он людей.

Город — памятник музейный,
Город-порт и город-сад.
Весь в цветах оранжерейных
Город-рай!

И город-ад!

Город-ад!..

О нем в газете
Прочитали мы с тобой.
Есть такой на белом свете,
Где сидят в застенках дети —
Дети с горькою судьбой.

Он недавно стал известен
Не кипеньем трудовым,
А бесчинством, и бесчестьем,
И невежеством своим.

Изуверскими делами
Он теперь известен всем —
В диком штате Алабаме
Страшный город Бирмингем.

Город гнева, город стона,
Где во тьме горят кресты,
Где ты будешь вне закона
На глазах у Вашингтона,
Если кожей черен ты!

И слышалось:
«Довольно!
Жить хочу как человек!
Почему в стране Линкольна
Возродился рабский век?

Я хочу, как все, трудиться,
Ночью в страхе не дрожать,
Вместе с белыми учиться,
Цвета кожи не стыдиться
И себя не унижать!»

Но громилы ку-клукс-клана
Загорланили в ответ:

«Вам давать свободу рано —
Подождете тыщу лет!
Ну, а тех ублюдков белых,
Слишком честных, слишком смелых,
Тех, что с вами заодно,
Мы прикончим все равно!»

И сказали негры:

«Надо
Нам свободу взять самим!..»
В Бирмингеме — баррикады...
Лай собак... Огонь и дым...

Ты хотел свою сестренку
Видеть с куклой на траве,—
Шестилетнюю девчонку
Куклой бьют по голове!

Ты хотел, чтоб вам платили,
Как и белым, наравне,—
По тебе огонь открыли,
Как в сраженье на войне...

Под струей воды холодной
Надломилось деревцо.
От Америки «свободной»
Получай струю в лицо!..

Для Америки не ново
Слово грязное «расист».
Я проклятым этим словом
Замарал бумажный лист...

Чтоб никто из иностранцев
Страшной правды не узнал,
Издают американцы
Многокрасочный журнал.

В нем веселые картинки:
Рядом с неграми — блондинки
И улыбки до ушей
У больших и малышей.

Негры-папы, негры-мамы
Там и пляшут и поют...

Только в штате Алабама
Тот журнал не продают!
И, страницы те листая,
Я уверен, ты поймешь:
Это — яркая, цветная,
Многорасочная ложь!

1963

ОТКРОВЕНИЕ

ОСЕНЬ

По земле проходит осень.
Бродит ветер сквозняком
Между елей,
Между сосен,
За худым березняком.

По жнивью проходит осень
Мимо сел и городов,
Урожайностью колосьев,
Сытой свежестью плодов.
По Советскому Союзу
Гонит грузы в поездах.
Звонкой плотности арбузы
Оседают в городах.

В голых рощах
Птицы стынут.
На базарах южный зной
На тугих шершавых дынях
Проступает желтизной.
На полях, дымя навозом,
Поднимая листопад,
Осень двигает обозы,
Загружает погреба.
Ночью первые морозы.
Печи.
Ветры.
Холода.
И у тихих перевозов
В ночь замерзшая вода.
Фиолетовы закаты.

У соседского плетня
Выше неба змей хвостатый
Запускает ребяtnя.
Жмутся голуби под крышей,
А над крышей ветер вдруг
У озябших ребятишек
Вырывает змей из рук.

1934

ЛИВЕНЬ

Тяжелые росли сады
И в зной вынашивали сливы,
Когда ворвался в полдень ливень
Со всей стремительностью молний
В паденье грома и воды.

Беря начало у горы,
Он шел, перекосив пространства;
Рос и свое непостоянство,
Перечеркнув стволы деревьям,
Нес над плетнями во дворы.

Он шел, касаясь тополей,
На земли предъявляя право,
И перед ним ложились травы,
И люди отворяли окна,
И люди говорили: «Ливень,
Необходимый для полей!»

Он шел качаясь.
Перед ним
Бежали пыльные дороги,
Вставали ведра на пороге;
Хозяйка выносила фикус,
В пыли казавшийся седым.

Рожденный под косым углом,
Он шел как будто в наступленье
На мир,
На каждое селенье,
И каждое его движенье
Сопровождал весомый гром.

Давила плотность облаков,
Дымились теплые болота,
Полями проходила рота,
И за спиной у пехотинцев
Вода стекала со штыков.

Он шел на пастбища, и тут
Он вдруг иссяк, и стало слышно,
Как с тополей сперва на крыши
Созревшие слетают капли,
Просвечивая на лету.

И ливня не вернуть назад,
И снова на заборах птицы,
И только в небе над станицей
На фюзеляже самолета
Еще не высохла гроза.

1934

СТУЖА

Январь врывается в поезда,
Дверные коченели скобы.
Высокой полночи звезда
Сквозь тучи падала в сугробы.
И ветер, в ельниках гудя,
Сводил над городами тучи
И, чердаками проходя,
Сушил ряды простынь трескучих.

Он птицам скашивал полет,
Подолгу бился под мостами
И уходил.
Был темный лед
До блеска выметен местами.

И только по утрам густым
Ложился снег, устав кружиться.
Мороз.
И вертикальный дым
Стоит над крышами столицы.

И день идет со всех сторон.
И от заставы до заставы
Просвечивают солнцем травы
Морозом схваченных окон.

1935

СВЕТЛАНА

Ты не спишь,
Подушка смята,
Одеяло на весу...
Носит ветер запах мяты,
Звезды падают в росу.
На березах спят синицы,
А во ржи перепела...

Почему тебе не спится?
Ты же сонная легла!

Ты же выросла большая,
Не боишься темноты...
Может, звезды спать мешают?
Может, вынести цветы?

Под кустом лежит зайчика,
Спать и мы с тобой должны.
Друг за дружкой
Тихо-тихо
По квартирам ходят сны

Где-то плещут океаны,
Спят медузы на волне.
В зоопарке пеликаны
Видят Африку во сне.
Черепаша рядом дремлет,
Слон стоит, закрыв глаза.
Снятся им родные земли
И над землями гроза.

Ветры к югу повернули,
В переулках — ни души,

Сонно на реке Амуре
Шевельнулись камыши,
Тонкие качнулись травы,
Лес как вкопанный стоит...

У далекой
У заставы
Часовой в лесу не спит.
Он стоит —
Над ним зарницы,
Он глядит на облака:
Над его ружьем границу
Переходят облака.
На зверей они похожи,
Только их нельзя поймать...

Спи. Тебя не потревожат.
Ты спокойно можешь спать.
Я тебя будить не стану:
Ты до утренней зари
В темной комнате,
Светлана,
Сны веселые смотри.

От больших дорог усталый,
Теплый ветер лег в степи.
Накрывайся одеялом,
Спи...

1935

КАРАВАН

Днем и ночью, все песком
Шел верблюд, качал горбом.
Он, верблюд, под седоком
Не считал себя рабом.

Шел верблюд, мотал губой,
А за ним шагал другой.
И на нем седок другой
В такт губе качал ногой.

Так, в движенье, как во сне,
Каждый думал о своем;
Седоки — о чайхане,
А верблюды — о своем...

1936

Ашхабад

НАДПИСЬ НА СКАЛЕ В ГОРАХ ФИРЮЗЫ

В горах тюльпаны двух цветов:
Есть красный цвет, есть желтый цвет,
Но видно, что из двух цветов
Преобладает первый цвет.

И если, друг, из двух цветов
Один ты должен выбрать цвет,
То выбирай из двух цветов
Знамен своей Отчизны цвет.

1936

Ашхабад

ГОРА МОЯ

«Ты гора моя,
Забурá моя,
В тебе сердца нет,
В тебе дворцы нет!»

Это выдумала девочка
Четырех от роду лет.
Это выдумала Катенька,
Повторила,
Спать легла.
Только я сидел до полночи
На кухне у стола.

Только я сидел до полночи
Под шорохи мышей.
Все сидел и все обламывал
Острия карандашей.

А потом я их оттачивал
И обламывал опять,
Ничего не в силах выдумать,
Чтобы лечь спокойно спать...

1936

ПАУЧОК

Я привез из Каракумов
Очень злого паучка,
Он зовется Каракуртом —
Он из жителей песка.

Им укушенный верблюд
Не живет пяти минут.

Я привез из Каракумов
Очень злого паучка,
Он зовется «черной смертью» —
Житель желтого песка.

Если кто меня разлюбит,
Паучок того погубит.

1936

СНЕЖНАЯ БАБА

Месяц — декабрем зовут.
Снег идет. Морозит слабо.
Увлеченный снежной бабой,
Я за городом живу.

Я страдаю оттого,
Что во сне все чаще вижу
Нос бессмысленный и рыжий —
Цвет морковки у него.

Над зрачками из углей
Деревянные ресницы.
Перед бабой-небылицей
Я ребенка не смелей.

Кочерыжка, снега хруст,
Угольки, щепка, мочало...
Может, это все начало
Мне неведомых «искусств»?

Только знаю, что в лесу
Будет март и воздух слабый,
И разлуку с этой бабой
Я легко перенесу.

1936

ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОРАХ

Я приехал на Кавказ,
Вылез в горы первый раз.

Мне сказали: — Выйди в горы —
Будешь к вечеру назад.
Полюбуйся на озера,
Погляди на водопад.
Там совсем другое небо,
Рядом снежные хребты,
Ты же там ни разу не был,
Ты не видел красоты! —
Я ответа не нашел,
Убедили — я пошел.

«Ты пустился в путь опасный, —
Сердце мечется в груди. —
Сядь на камешек, несчастный,
Образумься, не ходи!

Умный в гору не пойдет,
Умный гору обойдет».

«Чем бы ты ни угрожало,
Как бы я ни уставал,
Я не видел перевала,
Я увижу перевал!»

Час шагаю, два шагаю,
На шестом в глазах круги,
Я с трудом передвигаю
Две натертые ноги.

Утомленный, одинокий,
Я к потоку подхожу,
Но в бушующем потоке
Красоты не нахожу.

Сердце бьется: «Я устало,
Ты безумец. Я право:
Не увидишь перевала —
Не случится ничего».

«Как бы ты ни уставало,
Как бы я ни уставал,
Я не видел перевала,
Я увижу перевал!»

Вот уже на четвереньках
Я ползу по леднику,
Шаг — ступенька, два — ступенька,
Пот струится по виску.

Я карабкаюсь на скалы,
Лезу, падаю, встаю,
Мне в пути грозят обвалы,
Камни метят в жизнь мою.

Наконец-то я у цели!
Все подъемы за спиной,
Все долины, все ущелья
Распростерты подо мной!

Самый видный выбрав камень,
Из кармана вынув мел,
Я дрожащими руками
Нацарапал, как сумел:

«Умный в гору не пойдет,
Умный гору обойдет.
Как приеду в Теберду,
Так опять сюда приду!»

1938

ПУТИ-ДОРОГИ

Как нитка-паутиночка,
Среди других дорог
Бежит, бежит тропиночка,
И путь ее далек.
Бежит, не обрывается,
В густой траве теряется,
Где в гору поднимается,
Где под гору спускается
И путника усталого —
И старого и малого —
Ведет себе, ведет...

В жару такой тропинкою
Идешь, идешь, идешь,
Уморишься, намаешься —
Присядешь, отдохнешь;
Зеленую былиночку
В раздумье пожуюшь
И снова на тропиночку
Встаешь.

Тропинка продолжается,
Опять в траве теряется,
Опять в овраг спускается,
Бежит через мосток,
И в поле выбирается,
И в поле вдруг кончается —
В родной большак вливается,
Как в реку ручеек.

Асфальтовое, новое,
Через леса сосновые,
Через луга медовые,

Через поля пшеничные,
Полянки земляничные, —
Во всей своей красе, —
Дождем умыто, росами,
Укатано колесами,
Раскинулось шоссе!

Идет оно от города,
Ведет оно до города,
От города до города
Иди себе, иди,
По сторонам поглядывай,
Названья сел угадывай,
Что будет впереди.

Устанешь — место выберешь,
Присядешь отдохнуть,
Глядишь — дорогой дальнею
И катит кто-нибудь.
Привстанешь, чтоб увидели,
Попросишь подвезти.
Эх, только б не обидели
И взяли по пути!..

И старыми и новыми
Колесами, подковами
И тысячами ног
Укатанных, исхоженных,
По всей стране проложенных
Немало их, дорог —
Тропинок и дорог!

Веселые, печальные,
То ближние, то дальние,
И легкие, и торные,
Извилистые горные,
Прямые пешеходные,
Воздушные и водные,
Железные пути...
Лети!..
Плыви!..
Кати!..

ТРИ ВЕТРА

Три Ветра — три брата
По свету гуляли,
По свету гуляли —
Покоя не знали.
Не знали покоя
Себе на забаву,
Но разные были
По силе и нраву.

Был младший из братьев
И ласков и тих,
И был он слабее
Двух братьев своих.
Он целыми днями
На воле резвился,
Он пылью дорожной
На травы ложился,
Сдувал одуванчики,
Трогал былинки
И в ельнике частом
Качал паутинки.
И было беспечным
Его дуновенье,
И было неслышным
Его появленье.

У среднего брата
Работы хватало,
Упрямства и силы
В нем было немало.
Любил потрепать он
Бумажного змея
И шапку сорвать
С головы ротозея.

Он дул-задувал,
Расходился на воле,
И мельницы в поле
Пшеницу мололи,
Столетних деревьев
Качались вершины,
На водную гладь
Набегали морщины,
И парусной лодке
Давал он движенье,
И было заметным
Его появленье.

Был третий, был старший
Из братьев Ветров
В своем удалстве
И жесток и суров.
Он знойным песком
Засыпал караваны,
Назло морякам
Волновал океаны.
И было, как видно,
Ему не впервые
Ломать, как тростинки,
Дубы вековые
И, крыши срывая,
Врываться в жилища.
Его называли
Ветрило! Ветрище!
Владел им бессмысленный
Дух разрушенья,
И было внезапным
Его появленье.

Три Ветра, три брата,
Гуляли по свету,
Но раз на рассвете
Попались поэту.
И младшего Ветра,
Найдя его в поле,
Поэт подчинил
Своей мысли и воле:
Заставил его
Над рекою спуститься,

Пройти камышами,
Остыть, охладиться,
Чтоб людям уставшим,
За труд их в награду,
Нести на привалы
Живую прохладу.

И среднему брату
Пришлось покориться.
Он должен был в путь
Над землею пуститься,
В пути собирать
Облака дождевые,
Вести их на юг,
За хребты снеговые,
В края, где колосья,
Зерно наливая,
Недвижно стояли,
Томясь, изнывая.

А старшего Ветра,
Последнего брата,
Поэт наш осилил
Упорством солдата.
И, как он ни рвался
И чем ни грозился,
За братьями следом
И он подчинился.
Поэт ему дал
Направлень, заданье,
Вселил в него радостный
Дух созиданья
И к людям заставил
Пойти в подчиненье...

Вот так
Получается
Стихотворенье.

КАК СКВОРЕЦ ЛЕТЕЛ ДОМОЙ...

Скворец летел к себе домой,
Летел дорогою прямой.
Он изучил за много лет
Ее по множеству примет.

Четыре дня лететь скворцу.
Лишь на последний день, к концу,
Увидеть должен он с небес
Изогнутый подковой лес,
За лесом речки берега.
А там знакомые луга,
А за лугами тот колхоз,
Где он птенцом когда-то рос,
И в том колхозе, в том селе,
Его скворечня на ветле...

И день и ночь скворец летел.
Устал бедняга, похудел.
Четвертый день идет к концу —
Пора и дома быть скворцу.
Но что за чудо из чудес?
Он под собою видит лес,
Но лес, что так ему знаком,
Стоит на берегу морском,
И в берег плещется прибой
Воды прозрачно-голубой...

Скворец над морем сделал круг:
Здесь должен быть колхозный луг!
Скворец туда, скворец сюда —
Вода!..
Вода!..

Вода!..
Беда!..
Кругом — вода! Куда лететь?
Куда лететь? Где жить? Где петь?..
«В родные я летел края —
Не мог с дороги сбиться я!»

И вдруг скворец услышал: «Кряк!
Ты зря волнуешься, земляк!
Чем тратить столько лишних сил,
Ты нас бы лучше расспросил.
Нет, не ошибся ты в пути,
Ты только дальше пролети.
Там, за водой, среди берез
Найдешь ты свой родной колхоз,
И новый дом, и новый сад.
Скворцы теперь туда летят.
А здесь — простор! И путь готов
Для нас и для морских судов...»

Скворец дослушал двух чирков
И взвился выше облаков...
Вот через море наконец
Перелетел весны гонец
И увидал среди берез
На новом месте свой колхоз.

И ждал скворца в колхозе том
В любом дворе готовый дом.
И не скворечню, а... дворец
Облюбовал себе скворец!

СТРОГИЙ ОТЕЦ

«Отец! Мы здесь живем в Крыму,
Покорны слову твоему,
Но мы хотим пойти туда...»
«Куда?» —
«На Карадаг встречать рассвет».

«Нет!»

«Отец! Ты видишь склоны гор,
Там хорошо разжечь костер,
Он будет сверху виден всем...»

«Зачем?»

«Отец! Отец! Ты обещал,
Что мы увидим перевал,
Ты говорил, что мы пойдём...»

«Потом!»

«Отец! Есть бухта за горой,
Такой на свете нет второй.
И нас в поход зовут друзья...»

«Нельзя!»

«Отец! Отец! Скажи, когда
Ты нам ответишь словом «да»,
И что нам делать наконец,
Скажи, отец!»

«Вы — дети! Вы должны меня
Не раздражать в течение дня...
И понимать, в конце концов,
Что я похож на всех отцов!»

«Отец! Ты прав. Все это так.
Но мы идем на Карадаг,
Твоим советам вопреки...»

«Да как вы смеете, щенки?!
Я тоже многого хочу
И в мыслях далеко лечу,
Но часто слышу я в ответ:
«Зачем?», «Потом!», «Не надо». «Нет».
А впрочем... Ладно, не беда,
Валяйте, братцы!»
«Можно?»
«Да!»

1953

МАЛЬЧИК С ДЕВОЧКОЙ ДРУЖИЛ...

Мальчик с девочкой дружил,
Мальчик дружбой дорожил.

Как товарищ, как знакомый,
Как приятель он не раз
Провожал ее до дома,
До калитки в поздний час.

Очень часто с нею вместе
Он ходил на стадион.
И о ней как о невесте
Никогда не думал он.

Но родители-мещане
Говорили так про них:
«Поглядите! К нашей Тане
Стал захаживать жених!»

Отворяют дверь соседи,
Улыбаются: «Привет!
Если ты за Таней, Федя,
То невесты дома нет!»

Даже в школе! Даже в школе
Разговоры шли порой:
«Что там смотрят в комсомоле?
Эта дружба — ой-ой-ой!»

Стоит вместе появиться,
За спиной уже: «Хи-хи!
Иванов решил жениться,
Записался в женихи!»

Мальчик с девочкой дружил,
Мальчик дружбой дорожил.

И не думал он влюбляться
И не знал до этих пор,
Что он будет называться
Глупым словом «ухажер»!

Чистой, честной и открытой
Дружба мальчика была.
А теперь она забыта!
Что с ней стало? Умерла!

Умерла от плоских шуток,
Злых смешков и шепотков,
От мещанских прибауток
Дураков и пошляков.

1956

УТОЧКА

На вечерней зорьке Уточку убили,
Уточку убили, метко подстрелили;
Лишь одна дробинка в сердце ей попала,
За кустом, в болото, Уточка упала.

Как она упала — клювом в воду ткнулась,
Так она лежала, не пошевельнулась.
И ее по ветру отнесло в осоку —
Не нырять ей больше, не летать высоко...

Не нашел охотник Уточки убитой,
За кустом, за кочкой, камышами скрытой.
Не достал добычи, зря искал, бранился.
Долго над болотом Селезень кружился...

1958

МОРЕ И ТУЧА

Говорило Море Туче,
Той, что ливень пролила:
— Эй ты, Туча! Что ж ты, лучше
Места выбрать не могла?

Отвечала Морю Туча:
— Я у всех морей в долгу!
И сегодня выпал случай:
Расплатилась чем могу!

1960

СОСНА И ЕЛОЧКА

Сосна скрипела на ветру:
«Пом-рру... Пом-рру... Пом-рру...
Пом-рру...»

А человек, что рядом был,
Вдруг взял и елочку срубил.
Сосна, что смерти так ждала,
Ужасно мнительной была!

1960

НАГРУЗКА

Так много снега за ночь навалило,
Что тут и там в заснеженном лесу
Отдельным соснам не хватало силы
Держать под снегом ветви на весу.
И в тишине, как будто безмятежной,
То тут, то там был слышен скорбный звук:
Не выдержав большой нагрузки снежной,
У дерева обламывался сук.

Но нет у дерева той медицинской карты,
В которую заносятся инфаркты...

1960

СКВОРЕЦ

Живет у нас под крышей
Непризнанный артист,
И целый день мы слышим
Художественный свист.

Еще в полях туманы,
Еще роса блестит,
А он, проснувшись рано,
Уже всю свистит.

Свистит не славы ради,
Не ради всяких благ,
А просто в небо глядя,
От сердца! Просто так!

Выводит он рулады
По несколько минут...
Не требуя награды
За свой талант и труд.

1962

ПЕЙЗАЖ

И это кваканье лягушек,
И этот мирный звон цикад,
И терпкий запах от кадушек,
В которых бродит виноград,
И поезда над самым ухом,
И свет полночный маяка,
И эта добрая старуха
С ведром воды из родника,
И этот лай собак беззлобный,
И эта тень под грушей днем,
И этот столик неудобный
С осколком зеркала на нем,
И этот мерный шум прибора
Все пять ночей. Их было пять...
Все то, что связано с тобою,
Я не устану вспоминать.

1962

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Умирают лежа, сидя, стоя —
Дети века с разною судьбой,
Кличку труса, звание героя
Утвердив при жизни за собой.
Катастрофы, бедствия, аварии —
Поставляют урны в колумбарии,
Так неотвратимо, наяву,
Невзирая на чины и звания,
Далеко не вечные создания
Присоединяя к большинству.
Но, беря на веру все условности,
Я еще не видел никогда
Умерших от лести, от нескромности,
От потери чести и стыда.
У меня ж такая точка зрения:
Раз живешь на свете, то живи!
Только я, в порядке исключения,
Умереть хотел бы... от любви!

1962

ЛЫЖНЯ И ПЕНЬ

Я шел по снежной целине,
Легко и трудно было мне,
И за спиною у меня
Ложилась свежая лыжня.
Через полянки, по кустам,
На горку здесь, под горку там —
Я шел на лыжах полчаса.
И вдруг услышал голоса!

И вижу: справа от меня —
Другая свежая лыжня...
И я подумал:

«Догоню!» —

И перешел на ту лыжню.

Я встал на новую лыжню —
И вышел я к большому пню...

Опять бегу я по кустам,
На горку здесь, под горку там —
И выхожу к тому же пню,
На ту же самую лыжню...
И так весь день,

и так весь день:

Лыжня и пень!

Лыжня и пень!

Ну что за хитрая лыжня:
Весь день дурачила меня!

1964

ЛИСТ БУМАГИ

Простой бумаги свежий лист!
Ты бел как мел. Не смят и чист.
Твоей поверхности пока
Ничья не тронула рука.

Чем станешь ты? Когда, какой
Исписан будешь ты рукой?

Кому и что ты принесешь:
Любовь? Разлуку? Правду? Ложь?
Прошеньем ляжешь ли на стол?
Иль обратишься в протокол?
Или сомнет тебя поэт,
Бесплодно встретивший рассвет?

Нет, ждет тебя удел иной!
Однажды карандаш цветной
Пройдется по всему листу,
Его заполнив пустоту.

И синим будет небосвод,
И красным будет пароход,
И черным будет в небе дым,
И солнце будет золотым!

1967

УНЫЛЫЙ ГРАЖДАНИН

Жужжит пчела — она летит
На свой медовый луг.
Передвигается, кряхтит,
Ползет куда-то жук.

Висят на нитке паучки,
Хлопочут муравьи,
Готовят на ночь светлячки
Фонарики свои.

Остановись! Присядь!
Нагнись
И под ноги взгляни!
Живой живому удивись:
Они ж тебе сродни!

Не так ли щепочку свою
Мы тащим в общий дом
И шепчем брату-муравью:
— Крепись, браток! Дойдем!

Иной, что сеть свою плетет,
Не схож ли с пауком?
Вот этот ползает, а тот
Порхает мотыльком.

А ты меж них и мимо них,
А иногда по ним
Шагаешь на своих двоих,
Унылый гражданин...

1967

ПТИЧКА

Она шоссе перелетала.
Водитель не затормозил,
И птичка бедная попала
Под тяжело груженный ЗИЛ.

Возьми она чуть-чуть повыше —
Она б себя уберегла:
Она не только что над крышей,
Над лесом пролететь могла!

Был майский вечер тих и светел,
В сиренях пели соловьи.
И этот случай не отметил
Дежурный местного ГАИ.

1967

КРУГЛЫЙ ГОД

Зима приходит ненароком,
По всем статьям беря свое.
Она должна уж быть по срокам,
А вот, поди ж ты, — нет ее!

И вдруг однажды спозаранку
Взглянул в оконное стекло —
И видишь «скатерть-самобранку» —
Везде, вокруг белым-бело...

Весна приходит постепенно:
В полях неслышно тает снег,
Побег из ледяного плена
Готовят тайно воды рек.

Уж по ночам не те морозы,
И вот уже летит скворец
В свой домик на стволе березы...
Пришла Весна. Зиме — конец.

А за Весной приходит Лето,
За Летом Осень, в свой черед,
И вновь Зима. И снова где-то
Весна торопится в поход.

1968

ПРИМЕТА

В лесу кукушка куковала,
И я считал ее «ку-ку»,
И выходило, очень мало
Мне жить осталось на веку.

Назавтра мне с лесной опушки
Прокуковали сотню лет,
И той, видать другой, кукушке
Послал я мысленный привет.

И я подумал: вот досада!
Как самого себя понять,
Раз мне такую малость надо,
Чтоб настроение поднять?!

1968

ПЛАНЕТЫ

Как планеты в Солнечной системе,
Вы — Планета, так же как и я,
И у нас, в земное наше время,
Есть предел земного бытия!

Вы за грубость это не примите,
Не обидьтесь, боже упаси!
Я хочу вращаться на орбите,
Не на Вашей, на своей оси!

1968

СТАРЫЙ КЛОУН

Умирал в больнице клоун,
Старый клоун цирковой.
На обманчивых уколах
Он держался чуть живой.

Знали няньки, сестры знали,
Знали мудрые врачи:
Положение безнадежно,
Хоть лечи, хоть не лечи!

И, судьбой приговоренный,
Сам артист, конечно, знал,
Что теперь уже бессилен
Медицинский персонал.

Навестить его в палату
Приходили циркачи:
Акробаты и жонглеры,
Прыгуны и силачи.

Приходили, улыбались,
Лишь бы только правду скрыть.
О житье-бытье негромко
Начинали говорить.

Он встречал собратьев шуткой,
Старой байкой ободрял —
Не смешную клоунаду
Перед ними он играл.

И в последнее мгновенье,
В скорбный миг прощальный свой,
Он в глазах друзей увидел
Свет арены цирковой.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Много лет, за годом год,
Из глубин соленых вод,
Как затворница-монашка,
Выплывала Черепашка.

Двести лет жила она
Одинешенька-одна:
Двести лет без папы с мамой.
(Результат семейной драмы!)

Папа жил у черепах
На Канарских островах,
Мама с младшею сестренкой
Далеко, за Амазонкой.

На исходе двух столетий,
А точнее — под Новый год,
Черепашку как-то встретил
Одинокий Бегемот.

Бегемот вполне приличный —
В меру толстый и большой,
Энергичный, симпатичный
И с отзывчивой душой.

Черепашка на песочке
Спит за камешком, в тенечке,
Бегемот вблизи лежит —
Черепашку сторожит.

Черепашка заболела —
Бегемот ее жалеет.
Захворает Бегемот —
Черепашка слезы льет.

Было чуткое вниманье,
Нежность, преданность была...
Но однажды на свиданье
Черепашка не пришла.

И на завтра не явилась —
Как сквозь землю провалилась!

Бегемот в глубоком горе
Среди зарослей и скал —
И на суше, и на море —
Все местечки обыскал.

Не был только в бухте дальней,
Где волною штормовой
Океан на берег скальный
Вынес панцирь роговой.

1970

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!

Мы до рассвета слушаем прибой
И на огонь костра глядим с тобой...

Остановись, мгновенье!

Мы пьем из кружек южное вино,
И от него то грустно, то смешно...

Остановись, мгновенье!

Но если бы остановилось вдруг
Одно мгновенье,
Замкнулся бы любви и жизни круг.
Исчезновение!..

1971

ТЫ

Что остается за тобой,
Когда ты пробегаешь мимо?
То соль волны, то горечь дыма,
Так пахнет скошенной травой,
Так пахнет подмосковный бор,
Июльским зноем накаленный,
Так пахнет летом ветер с гор...
И что мне Кристиан Диор —
Французский бог одеколонный.

1971

Я ЖДАЛ...

Я ждал...
Я каждый миг был в ожиданье вести:
Ты едешь.
Ты летишь.
Ты будешь — ты в пути.
Хоть день,
Хотя бы час побыть с тобою вместе,
В твои глаза смотреть.
Искать.
Найти...

Приехала!
Весь день не расставались,
Весь день прошел в каком-то полусне:
Мы с кем-то виделись,
Кому-то улыбались...
Заветный час! Мы вновь наедине!

Давно ты не была такой желанной,
Такой любимой, пылкой и родной...
Я подхожу к окну.
Льет дождь.
Ты спишь.
Как странно —
Не радует меня, что ты опять со мной...

1971

ТЫ ГОВОРИШЬ...

Ты говоришь: «Тебе все это кажется,
Что все не так, что все у нас не вяжется».
Ты говоришь: «Все к лучшему изменится
И никуда любовь от нас не денется...»

А я гляжу в глаза твои печальные,
И вижу я: бегут в них мысли дальние.
Что было нам гадалкой напрощено,
То не сбылось.

А может быть, отсрочено?

1971

НАСТРОЕНИЕ

Безучастно ты смотрела
На людское оживленье,
И вино тебя не грело
В час дурного настроенья.

Незаметно, осторожно
Я твою погладил руку,
Но при этом ты, возможно,
Ощутила только скуку.

Я сказал: «Давай не будем
Повторять того, что было!»
Глядя вслед каким-то людям,
Ты сказала: «Я забыла...»

В том ответе односложном
Захотел я разобраться, —
Угрожающе-тревожным
Он не мог не показаться.

Я спросил: «А что забыла?»
Усмехнулась, помолчала
И шепнула: «Как любила...»
«Так давай начнем сначала?»

«Я любить тебя устала, —
Ты ответила серьезно. —
Для надежды веры мало,
А для веры слишком поздно...»

Все прошло, и все осталось.
И ни слова про разлуку...
И плечо плеча касалось,
И рука искала руку.

1971

ОТКРОВЕНИЕ

Мы часто по-пустому мельтешим,
Все принимаем к сердцу: то и это...
И ни к чему потом уже режим,
Совет врачей и строгая диета.

Предпочитая с двух концов гореть
От совещанья и до заседанья,
На сонмы звезд привыкли мы смотреть,
Не вдумываясь в тайны мирозданья.

Мы разучились мигом дорожить —
И радостным, и горьким, и печальным.
Мы очень часто даже слово «жить»
Воспринимаем в смысле аморальном...

1973

ЧЕМОДАН

Большой дорожный Чемодан —
Турист неутомимый,
Объездил я немало стран:
Летал на Тихий океан,
Через него и мимо.

Я в самых разных городах
Менял в пути отели —
На иностранных языках
Наклейки на моих боках
Заманчиво пестрели.

Я потерял свой прежний вид —
Был поцарапан и побит:
Меня в бока толкали,
Меня нигде не берегли,
Когда везли и волокли,
Грузили и бросали.

Где б ни был я за рубежом,
Испытывая муки,
Я назывался «багажом»,
Попав в чужие руки.

Открыться как-то я не смог
В таможене, на границе,
И мне тогда сломал замок
Чиновник краснолицый.

Носильщик, что меня грузил
В автобусной толкучке,
Рванул меня что было сил,
И я теперь без ручки.

Дорожный старый Чемодан,
Я – отслуживший ветеран,
Отправлен в кладовую.
И здесь мне снятся иногда:
Аэродромы... поезда...
И еду... и плыву я...

1978

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

1

Все надоело, все приелось
И все уже не по нутру.
(Я чувств интимных перезрелость
В расчет при этом не беру.)

Не ищет трепетных свиданий
Твоя остывшая душа, —
Бессвязный лепет оправданий,
Увы, не стоит ни гроша.

А если что-то и осталось,
Что нас еще не развело,
Так это, верно, только жалость —
Ее холодное тепло...

Свою печаль перевозмогая
И об утраченном скорбя,
Стихами этими тебя я
Освобождаю от себя.

2

Не надо упрекать друг друга —
Никто ни в чем не виноват.
Там неминуема разлука,
Где начинается разлад.

Я знал, что ты когда-то скажешь,
Так откровенно, как всегда,
Что больше рядом спать не ляжешь
И не поедешь никуда.

Тебе со мной до муки пресно,
А мне до боли тяжело,
Так лучше уж расстаться честно,
Чем жить, накапливая зло.

Когда ж, перенеся разлуку,
Твоя душа легко вздохнет, —
Другой тебе протянет руку
И твой порог перешагнет

А я, свой путь меняя круто,
Уйду в житейские дела,
Благословляя ту минуту,
Что нас в тот зимний день свела...

1979

МЕДАЛЬ

Я в эту лавку антиквара
Зашел случайно, без причин
И у прилавка над товаром
Стоял, задумавшись, один.

Рядами под стеклом лежали
Сегодня — в наши времена —
Смысл потерявшие медали
И всех достоинств ордена.

Кто надевал их в дни парадов?
Кому оказывали честь
Орлы с коронами — в награду
За лицемерие и лесть?

Поэт, сановник или воин —
Когда и кем, за что и где
Был награжден и удостоен
Пурпурной ленты при звезде?

Послы, вельможи, офицеры,
От жизни каждой взяв свое,
Всех этих лавров кавалеры
Давно ушли в небытие.

В потертых бархатных футлярах
Лежат чужие ордена,
И у бельгийца-антиквара
На них проставлена цена.

Я многими из них люблюсь —
Гляжу на бронзу и эмаль,
Но выбираю, не торгуясь,
Простую медную медаль.

Я представляю, как когда-то
За подвиг воинский она
Была российскому солдату
В боях под Шипкой вручена...

1979

КОРАБЕЛЬНАЯ СОСНА

Она прислушивалась в страхе
К раскатам грома. И ждала...
Молчали две намокших птахи,
Прижавшись у ее ствола.

Зловеще молния сверкала
И озаряла свод небес,
Казалось, что она искала
Ее, одну на целый лес...

Все лето грозовыми днями
Она той молнии ждала.
Бежать? Но ведь она корнями
К земле прикована была!

Ушла гроза. И ожил снова
В лесу нестройный гомон птиц.
И дышит влагой бор сосновый.
И меркнут сполохи зарниц...

А по коре сосны шершавой
Ползла смолистая слеза —
Сосна на страх имела право:
Могла и завтра быть гроза...

1979

ПОКА ЛЮБОВЬ ЖИВА...

Как все влюбленные похожи друг на друга,
Как одинаковы их мысли и слова!
Во все века они не сходят с круга —
Бессильна Смерть, пока Любовь жива!

1980

* * *

Текут часы, бегут минуты,
Летят короткие года,
Пересекаются маршруты
Людей, спешащих в никуда.

И ты, как все, спешишь куда-то,
След оставляя за собой,
А где-то роковая дата
Уже начертана судьбой...

1980

РАССКАЗЫ

СЛУЧАИ ИЗ ЖИЗНИ КРАСНОАРМЕЙЦА МУХИНА

ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ

Был Иван Иванович Мухин водопроводчиком. Работал на заводе. И вся вода была у него в руках. И никогда водопроводные трубы не засорялись; и дирекция завода не раз в приказах отмечала стахановскую работу своего водопроводчика тов. И. И. Мухина.

Но вот пришла к гражданину Мухину повестка в армию служить. И пошел он, молодой боец, на призыв.

Обули его и одели во все военное, винтовку со штыком, патроны да котелок выдали, на довольствие в первый взвод зачислили, и стал Мухин настоящим красноармейцем.

Вот служит он год, вот служит полтора и не успел дослужить своего второго года, как вдруг... война.

Боец Мухин про войну только книжки читал, по рассказам командиров о войне слышал, сам никогда не воевал и не знал, как это делается.

А тут его берут и привозят на самые что ни на есть передовые. Дальше некуда.

Вот так — деревушка П., вот так — речушка Н., а вот так — где-то за речушкой в кукурузе гитлеровцы. Ведут по нашей стороне пулеметный огонь, но не наступают.

И вот вместе со всем своим взводом залег наш Мухин на рубеже в небольшой лощинке и ждет приказа командира. А командир этого взвода был лейтенант Кротов. Кадровый лейтенант, очень храбрый человек с медалью «За отвагу».

Лежат бойцы в укрытии, командир в бинокль на чужой берег смотрит, а кругом пшеница шумит, пчелы

с цветка на цветок перелетают. Очень мирная картина, и трудно себе представить, что, может быть, через некоторое время здесь развернутся военные действия.

Лежит Мухин под кустиком и, пока еще есть время, думает о том, о сем, как и что, и в каком он положении, и как он будет драться с врагом в свой первый раз, потому что до сих пор негде было проверить ему свою храбрость.

И пока он так думал, лейтенант Кротов что-то решил и зовет его:

— Товарищ Мухин, ко мне!

И когда он подполз к своему командиру, лейтенант Кротов посмотрел ему прямо в глаза и спросил:

— Как вы себя чувствуете, товарищ боец?

А чувствовал себя боец Мухин в этот момент даже очень неплохо. И когда лейтенант Кротов убедился в этом, он сказал просто, по-военному:

— Товарищ Мухин! На той стороне в кукурузе пулемет противника. Переберитесь через речушку и установите расположение огневой точки.

Боец Мухин ответил: «Есть!» и пополз по высокой траве к берегу реки, туда, где плавни и камыши, чтобы выполнить приказ командира.

А пулемет в это время перестал стрелять, и начинало смеркаться.

Ползет наш Мухин и продолжает думать: как и что, и почему это именно его командир в разведку послал, и интересно, как он из всего этого выберется и вернется обратно к своим товарищам по отделению. И вот он уже через речку перебрался, на чужой берег вылез, в кукурузу заполз и вдруг слышит где-то рядом немецкий разговор: «Вас ист дас, ейн, цвей, дрей» и все такое прочее.

Зажал Мухин в руке свою винтовку крепче, и все мысли у него из головы вылетели, кроме одной: «Вот они, живые фашисты, надо их поскорее сделать мертвыми...»

И с этой мыслью подполз Мухин осторожно к небольшому кусту, раздвинул ветки и видит: сидят три гитлеровца и жуют сырую кукурузу.

Конечно, когда другой человек кушает, нехорошо ему мешать, но Мухин решил не дать доест фашистам три початка колхозной кукурузы и поэтому, подобравшись поближе к противнику, вскочил вдруг за спиной

у гитлеровцев и — «ейн, цвей, дрей» — двоих заколол штыком, а третьего по голове прикладом ударил. Так и упал фашист с кукурузой во рту. На всю жизнь наелся!

Покончил наш Мухин с врагами, смотрит — пулемет немецкий в траве стоит, три винтовки рядом лежат, штук пять гранат. Вот она, огневая точка противника!

Не успел Мухин это подумать, как слышит: идут по кукурузе люди и тоже между собой по-немецки разговаривают. И повернул боец Мухин тогда свой трофейный пулемет в ту сторону и, подпустив их поближе, открыл огонь.

Стреляет Мухин, а сам думает — может, я что-нибудь не то делаю? Эх, где бы мне свою храбрость проверить? Хоть бы раз счастливый случай подвернулся!

Расстрелял Мухин все патроны, перебросал все гранаты, сколько гитлеровцев переколотил — в темноте считать не стал, забрал пулемет и обратно к своим двинул. По траве полз, сквозь кусты пробирался, в камышах путался, наконец вылез на свой берег, а вскоре уже у своих был. В своем первом взводе.

И, поставив трофейный пулемет на землю, боец Мухин обратился к своему командиру с такими словами:

— Товарищ лейтенант! Вот она, огневая точка противника! Я ее захватил с собой!

На что лейтенант Кротов ответил просто, по-военному:

— Спасибо, товарищ Мухин! Вы отлично выполнили свою задачу!

Вот такие случаи бывают на войне.

ВТОРОЙ СЛУЧАЙ

За два месяца войны красноармеец Иван Мухин научился воевать. Можно даже сказать, отлично научился. И заслужил этим всеобщую любовь и уважение в своем батальоне. Шесть благодарностей получил боец Мухин за два месяца войны. И его командир лейтенант Кротов дважды сказал ему: «Будете в партию заявление подавать, можете рассчитывать на мою рекомендацию. Вы проявили себя как настоящий воин Красной Армии».

На что боец Мухин ответил: «Заявление я уже написал, и вот оно у меня здесь возле самого сердца лежит. А подать я задумал его не позже завтрашнего дня. Хотелось бы мне только перед этим еще раз себя на боевом деле проверить».

И вот случай представился Мухину в тот же день.

Надо было узнать, есть ли на одном небольшом хуторе гитлеровцы или нет? И боец Мухин взялся разведать. Хутор был не особенно далеко. Если напрямик идти, то минут за тридцать — сорок дойти можно.

Но гитлеровцев на хуторе не оказалось. Или их там вовсе не было, или они там были, а потом ушли — неизвестно, только боец Мухин, точно установив, что противника на хуторе нет, направился в обратный путь.

Но на всякий случай Мухин решил просмотреть шоссеюную дорогу, которая проходила неподалеку от того хутора и спускалась к реке. С этим решением боец Мухин, стараясь не особенно выделяться на фоне подсолнухов, подошел к шоссеюной дороге. И дорога тоже оказалась пуста.

А день был такой жаркий, знойный. От белой щебенки прямо пар шел. Кузнечики в траве цикали.

И боец Мухин на минуточку присел в тени подсолнухов, чтобы передохнуть и, надо откровенно признаться, полускатать семечек, до того они к себе манили и звали прохожего человека. Но не успел насладиться подсолнухом, как вдруг услышал трескотню приближающихся моторов.

Не иначе по дороге кто-то ехал на очень большой скорости. И не успел боец Мухин это для себя установить, как из-за поворота выскочили пять мотоциклистов, несомненно фашистов, и, тарыхтя на своих машинах, пронеслись мимо нашего бойца прямо вниз к реке.

«Так-так, — подумал Мухин, — это уже интересно!» — И с этими мыслями он встал во весь рост в подсолнухах, чтобы, насколько это возможно, проследить за вражеской разведкой.

И тут он увидел следующее: гитлеровские мотоциклисты спустились к мосту, остановили свои машины и, протавив их в сторону от дороги, расположились на берегу речушки, в тени кустов, очевидно имея желание отдохнуть, покататься и, может быть, даже подзагореть на украинском солнце.

И действительно. Четверо фашистов стали тут же раздеваться и полезли в воду, а один — очевидно, он был ниже чином — остался на берегу стеречь белье, оружие и мотоциклеты.

И, увидев все это с горки, красноармеец Мухин принял немедленно решение.

Он зарядил одну свою ручную гранату и опять по подсолнухам пошел прямо в сторону купающихся фашистов. И когда он шел, гиканье и радостные возгласы освежающихся гитлеровских молодчиков точно ориентировали его, куда нужно поскорее выйти, пока противник еще в воде без штанов и оружия. А с тем, одним, который остался сторожить добро, боец Мухин надеялся как-нибудь справиться без особого шума и паники. Так оно и вышло.

Вылез Мухин шагах в двадцати от того места, где гитлеровцы купались. Вылез, смотрит: четверо за кустами в воде плещутся, а пятый лежит себе на спине и спит. И навозная муха у него по лбу ходит.

Спугнул боец Мухин эту муху. Заколол гитлеровца штыком. А сам за кустами к берегу подкрался, да как закричит: «Сдавайтесь, гады!» И гранату над головой занес.

Можно прямо сказать, не ожидали фашисты такого номера. Не ожидали. Когда они увидели на берегу красноармейца с гранатой в руке и когда они поняли, что они голые и мокрые, они побелели как мел. А один, который только что вынырнул из воды и намеревался подшутить над своим товарищем, пустить в него водяную струю изо рта, так и остался стоять, набрав в рот воды и не зная, что с ней делать.

— Вылезайте! — скомандовал Мухин и показал для ясности рукой, что в настоящий момент требуется от гитлеровцев. — Вылезайте по одному!

И они стали выходить на берег, синие от страха, размазывая по телу грязь, потому что, когда они вылезали на берег, у них подкашивались ноги и они пачкали свои руки и коленки о глинистый берег украинской речушки Н.

Конечно, если бы Мухин был не один, а, допустим, с ним был бы еще боец, он дал бы гитлеровцам одеться, забрал бы оружие и документы, спрятал бы машину в кустах и доставил бы пленных в свою часть в нормальном виде. Но поскольку он был один и

в силу этого не мог одновременно и одевать фашистов, и собирать трофеи, и смотреть, чтобы никто не сбежал, Мухин решил доставить пленных в том виде, в каком они попались.

И, приняв это решение, он вывел фашистов на шоссе, сам еще не зная, как поведет их в таком виде за пять километров и что из всего этого получится в дальнейшем.

Если фашисты не ожидали так внезапно попасться в плен одному советскому бойцу, то они уж вовсе не могли себе представить, что им придется в таком позорном виде, босиком шагать по горячей шоссе, дороге. И они, возможно, не прошли бы с непривычки эти пять километров до части красноармейца Мухина, если бы не случайная подвода, которую остановил Мухин и на которую под хохот колхозника и молчание удивленных волон погрузил своих голых бандитов.

Надо сказать, что, когда подвода добралась до места назначения, смеху было много. Некоторые бойцы просто ложились на землю и не могли от смеха подняться. Только фашистам было не по себе. Они немножко больше, чем этого требует медицина, попеклись под солнцем, и вид у них был странный и не подходящий для военной обстановки.

Лейтенант Кротов, тоже с трудом сдерживая улыбку, сказал красноармейцу Мухину: «Спасибо, товарищ Мухин. Вы отлично выполнили свою задачу».

На что Мухин, как всегда, ответил: «Служу Советскому Союзу».

А за трофеями, что остались на берегу речушки Н., лейтенант Кротов послал двух бойцов, которые через некоторое время доставили в часть пять мотоциклетов и все фашистское барахло.

Вот какие случаи бывают на войне.

ТРЕТИЙ СЛУЧАЙ

Бойцы первого взвода лежали в укрытии и ждали наступления противника.

Боец Мухин со своей неразлучной подружкой — винтовкой укрылся за небольшим бугорком и зорко смотрел в ту сторону, откуда должны были появиться фашисты.

От нетерпения ему было жарко, и он не мог дождаться того момента, когда появятся враги.

Наконец они показались.

Нет, сначала боец Мухин не поверил своим глазам. Сначала он даже приподнялся немножко и сдвинул на затылок каску, но потом он ясно увидел: впереди выступающих гитлеровцев шли женщины. Несколько десятков женщин. У многих на руках были дети.

Женщины шли шатаясь, спотыкаясь, как слепые, глядя перед собой ничего не видящими глазами.

А за ними с автоматами и пулеметами двигались фашисты.

И тогда боец Мухин сразу все понял. Гитлеровцы прикрывались беззащитными женщинами. Мирными украинскими женщинами. Женщинами, мужа которых, может быть, в эту самую минуту героически сражались в рядах Красной Армии за советскую землю.

И боец Мухин немного растерялся...

А лейтенант Кротов, его боевой командир, не растерялся. Он приказал немедленно двум отделениям зайти с правого и левого флангов противника, чтобы разить его наповал. А женщин и детей пропустить вперед и открывать огонь по наступающим фашистам с самого близкого расстояния.

Так приказал лейтенант Кротов, побледнев от злости и от ненависти к фашистским выродкам.

Женщины подходили все ближе и ближе.

Ни один выстрел не встретил их. Ни одна голова не приподнялась над укрытием. Ни один боец не выдал себя. Можно было подумать, что здесь и нет никого. Что фашисты ошиблись и наступают на пустое поле, с копнами сена и соломы.

И вот, когда женщины подошли так близко, что можно было видеть их полуоткрытые пересохшие рты, когда первые ряды гитлеровских солдат приблизились настолько, что можно было их бить на выбор, бойцы первого взвода открыли огонь. Точный, спокойный, прицельный огонь по фашистским солдатам и офицерам.

Женщины побежали. Они побежали туда, откуда начали стрелять, они бросились вперед. Падали и снова вставали, стараясь как можно скорее добраться до тех, кто навстречу им открыл ружейный огонь. Они знали, что только там их спасение.

И гитлеровцев охватила паника. Они не ожи-

дали, что их подпустят так близко, они стали без толку палить куда попало, они стреляли в спины бегущих от них женщин, за которыми прятались, они начали строчить во все стороны, потому что в это время с правого и левого флангов по ним ударили два боевых отделения лейтенанта Кротова.

Красноармеец Мухин лежал за своей кочкой и стрелял по гитлеровцам. Он спокойно прицеливался в офицеров и клал их на месте. Ни одна пуля не пролетела мимо фашистского мундира.

И вдруг он увидел ребенка. Этот ребенок, наверное, был на руках у матери. И наверное, его бедная мать погибла от пули гитлеровского офицера, пущенной ей в спину. И ребенок остался один, эта крошка, которой было года четыре, не больше. Он сидел на земле и испуганно крутил головой, ничего не соображая, не зная, где его мама и почему кругом такое творится. И он не понимал, что ему грозит страшная опасность, что если он встанет и пройдет несколько шагов, его может сразить любая пуля.

Боец Мухин, когда увидел этого ребенка, перестал стрелять. Он пополз к тому месту, где сидел этот малыш. А кругом свистели пули, и было удивительно, что ни одна пуля не задевает сидящего на земле мальчика, который от страха даже не может кричать и спрятаться куда-нибудь в надежное место.

Боец Мухин подполз к ребенку, и маленький мальчик потянулся к нему ручонками, потому что увидел на чужом дяде нашу красноармейскую форму, которую, наверное, не один раз видел на своем папе, или на старшем брате, или на ком-нибудь другом в родном украинском селе. Он обхватил худенькими ручками шею бойца Мухина и прижался к его петлицам.

Красноармеец Мухин никогда еще не общался с детьми. Своих у него не было, и детей он всегда видел только издали, рядом с матерями или играющих в бабки. И в душе он был уверен, что не может быть нежным отцом, и вообще дети — это не его стихия.

Но тут, на поле боя, когда в его руках была жизнь незнакомого ребенка, красноармеец Мухин понял,

что в эту минуту нет для него ничего более дорогого, чем этот украинский мальчуган, которого нужно спасти во что бы то ни стало.

И он дополз до надежного укрытия и посадил мальчика на солому. Бой в это время разгорелся, и фашистские войска в третий раз переходили в наступление и в третий раз откатывались обратно, неся большие потери. А когда фашисты в четвертый раз пошли в атаку, они сразу потеряли на своем правом фланге двух офицеров.

Это боец Мухин два раза прицелился и два раза нажал спусковой крючок. Он лежал за стогом соломы, рядом с ним сидел маленький мальчик, который ничего уже не боялся и даже играл с пустыми патронными гильзами от винтовки красноармейца Мухина.

Вот какие случаи бывают на войне.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛУЧАЙ

Это была самая простая стеклянная фляжка в парусиновом чехле и с резиновой затычкой на веревочке. И боец Мухин всегда носил эту фляжку при себе.

Где воды в нее наберет, где — молока.

И не раз эта фляжка выручала бойца в знойный летний день на пыльной дороге. А емкостью она была в два полных чайных стакана.

И погибла эта замечательная фляжка при следующих обстоятельствах.

7 сентября боец Мухин утром наполнил свою фляжку холодной ключевой водой, а к вечеру того же дня начался бой за деревню Д.

Просочившийся гитлеровский танковый отряд ударил по деревне со стороны рощи, и взвод лейтенанта Кротова принял этот удар.

У бойца Мухина была бутылка с горючей смесью, и он давно ждал счастливого случая, чтобы наконец уничтожить фашистский танк. Поэтому, когда вражеский танк выскочил из-за кустов и двинулся в сторону ручья, красноармеец Мухин не растерялся. Он бросил бутылку во вражескую машину. И вражеский танк загорелся как свеча. А вокруг шел бой. Стрельба и

крики «ура» перемешивались со стонами раненых. И бойцы взвода лейтенанта Кротова буквально закидывали вражеские танки своими бутылками. Тут боец Мухин увидел фашистский танк, у которого, очевидно, была подбита гусеница. Танк танцевал на одном месте и во все стороны вел огонь.

И бойцу Мухину вдруг страшно захотелось покончить с этим танком. Но, кроме автомата, в руках у него ничего не было. Тогда боец Мухин так разволновался, что схватился за свою фляжку и выпил сразу всю воду, чтобы немножко успокоиться и, успокоившись, принять решение.

Он выпил всю воду, которой и было-то лишь два глотка, и тут-то ему пришло в голову решение. В его руках была пустая стеклянная фляжка, которая не раз выручала его и должна была выручить и на этот раз.

Рядом с собой Мухин давно заметил перевернутый немецкий мотоциклет, из бака которого по капле вытекал бензин, быстро испаряясь на горячем воздухе.

Мухин достал свой индивидуальный пакет и вытащил кусок ваты. Он свернул из этой ваты фитиль и подполз к немецкому мотоциклету. Набрал полную фляжку немецкого бензина, намочил бензином ватный фитиль, заткнул им горлышко своей любимой фляжки и, проделав все это, пополз прямо к танку, который все еще вертелся вокруг своей оси, расстреливая снаряды.

Мухин подполз к танку и, вынув из кармана спички, поджег фитиль, торчащий из фляжки.

Все остальное произошло так быстро, что боец Мухин даже сам сейчас не помнит, как это так случилось, что он швырнул свою фляжку прямо в моторную часть гитлеровского танка, и танк загорелся на его глазах как свеча.

Гитлеровцы открыли люк и начали прыгать из танка, словно мыши. Их снаряды стали рваться сами по себе. А боец Мухин, который не ожидал, что его фляжка может сыграть такую большую роль в военных действиях, лежа за пригорком, стрелял из своей винтовки по фашистскому экипажу, который катался по земле, стараясь потушить горящие комбинезоны.

Одним словом, танк сгорел.

После боя лейтенант Кротов, узнав обо всем этом, сказал своему бойцу:

— Товарищ Мухин, у вас настоящая русская смекалка!

На что красноармеец Мухин ответил:

— Смекалка-то смекалка, но вот фляжку мне жалко!

И хотя этот ответ получился в рифму, он был вполне искренним, потому что боец Мухин за три месяца войны привык к своей походной фляжке и, несмотря на то, что она помогла ему совершить геройский подвиг, ему жалко было с ней расстаться.

Вот какие случаи бывают на войне.

1941

ИЗ РАССКАЗОВ СТАРШИНЫ ИГРУШКИНА

ПРИМЕТЫ

Был у нас в полку один летчик — младший лейтенант Федор Блинов. Летал он хорошо. Драться любил. Но живой человек, как говорится, не без недостатков. А приметы у него были на каждый случай жизни, как у старой бабки. Кошка ему дорогу перебежит — так он ни за что дальше не пойдет, пока три раза на одной ноге не повернется и через левое плечо три раза не плюнет. И это при медали «За отвагу»...

С ним и беседы проводили, и на сознательность напирали, и так и этак подо всю его мистику всевозможные базы подводили — не помогало. Вся жизнь у него в приметах была. Бабу с полными ведрами воды встретит — хорошо. С пустыми — плохо. Зеркало бритвенное разобьет — значит, быть беде. Служителя культа на дороге повстречает — пути не будет. И так далее, и тому подобное. Одним словом, не знаю, как бы он дальше свою жизнь строить стал, если бы не один случай.

Получает он задание лететь в Москву. Другой человек на его месте рад был бы на пару дней в столицу выбраться, культурную жизнь посмотреть. А наш герой, мрачный такой, приходит в штаб и просит лично его в Москву не посылать и, если это возможно, послать кого-либо другого.

Замполит майор Савин смекает, в чем дело, и так, между прочим, говорит:

— Что у нас сегодня за день? Понедельник? Так. Ясно. День тяжелый. А какое у нас сегодня число? С утра тринадцатое? Так. Ясно. Нехорошее число. А еще

мне сегодня на заре сон приснился, будто младший лейтенант Блинов в мутной воде купался. Как бы сон в руку не вышел. Лететь-то через Сиваш. Может, и правда кого другого послать?

Блинова, конечно, такое откровенное заявление майора Савина за живое задело. Он даже покраснел, но потом сказал, что лететь полетит, раз есть такое приказание, но просто он думал, что, поскольку у него в Москве близких нет, а у другого, наверное, есть, можно бы кое-кому другому предоставить возможность повидаться с родными. Другими словами, пришлось ему поперек всех своих примет стартовать с фронтового крымского аэродрома на Москву.

Раз такое дело — свой человек в Москву летит, стали ему ребята поручения давать. Кто письмо в Москве опустить просит, кто закупить кое-что для разнообразия, а командир эскадрильи, лейтенант Дударь, подходит и говорит:

— Очень прошу забросить моей жене Вале вот эту небольшую посылочку. Тут ничего особенного. Просто несколько банок свиной тушенки, поскольку сам я ее есть больше не могу, и фрукты сушеные. Одним словом, привет из Крыма. Как в Москве приземлишься, так прямо из автомата или еще откуда звякни по моему телефону жене. Не откажи в любезности. — И дает Блинову письмо в конверте, на котором чернильным карандашом телефон записан, и свой небольшой фронтовой подарок килограммов на десять.

Тут дают и старт, и Блинов улетает. И вот что происходит с ним в Москве, куда он через пять часов благополучно прибывает из солнечного Крыма.

Делает он посадку на Центральном аэродроме и прямо от оперативного дежурного звонит по телефону жене Дударя. Набирает он номер, ждет гудка и, когда слышит милый женский голос: «Я вас слушаю», говорит: «Так, мол, и так. Говорит такой-то. Прилетел только что с фронта. Привез вам крымский привет и небольшую посылочку килограммов на десять. Как прикажете быть, куда занести?»

Женщина в ответ душевно смеется, благодарит и дает адрес.

«Если вам не трудно, то завезите мне на квартиру, тем более что я хотела бы вас видеть лично и кое-что

расспросить о фронтовых буднях близкого мне человека».

Блинов, конечно, про себя думает: «Далась мне эта свиная тушенка с компотом!» Но делать нечего, садится в троллейбус и доезжает до площади Маяковского, ищет нужный дом и квартиру.

Ему открывает дверь молодая женщина, небольшого роста, но чрезвычайно симпатичная, его возраста, с простым, открытым русским лицом и совершенно карими глазами.

Младший лейтенант Блинов входит в квартиру и при свете заходящего солнца искренно начинает завидовать своему однополчанину, у которого такая милая подруга жизни. Посылку и письмо он кладет на стол, а сам присаживается на диван, ожидая обещанных вопросов.

— Рассказывайте, как вы там живете? — спрашивает жена его фронтового друга. — Вы ведь в одной части служите?

— Так точно, в одной, — отвечает Блинов, и ему начинает все больше и больше нравиться жена однополчанина. — «Везет же людям! — мелькает у него мысль. — Никогда не думал, что у комэска такая подруга жизни!»

А подруга жизни глядит на него своими карими глазами и, улыбаясь, продолжает разговор.

— Как он там? — интересуется она. — Писал мне, что его орденом Хмельницкого наградили. Значит, теперь у него пятый орден прибавился!

Блинов вспомнил лейтенанта Дударя, награжденного пока что одним орденом Красной Звезды, и ему стало стыдно за своего друга, так бессовестно «заливающего» своей жене. Сейчас ему ничего не стоило разоблачить перед доверчивой женщиной хвастуна-мужа, но он сдержался и промолчал.

— А нелегко, наверно, все-таки в машине сидеть? — спросила вдруг кареглазая собеседница и пытливо посмотрела в синие глаза Блинова. — И как только он, такой долговязый, в ней помещается?

Блинов не понял ничего из заданного ему вопроса, потому что Дударь был на редкость маленький и плотный товарищ. Но, чувствуя потребность все же что-то ответить, сказал:

— Ничего. Привычка — большое дело. Правда, парашют немного мешает.

— Это остроумно! — воскликнула жена Дударя. — Оказывается, вы еще и остряк! Парашют! — И она усмехнулась. — Воображаю его, прыгающего на полном ходу из Т-34 с парашютом!

«Боже мой! — подумал Блинов. — Какая неграмотность! Она марку танка с маркой самолета путает. Она даже не знает, на чем летает ее муж!»

И он решил вежливо поправить свою веселую собеседницу.

— Не Т-34, — сказал он, — а ИЛ-2. — И даже сам покраснел оттого, что приходится объяснять такие элементарные вещи.

— Честное слово, вы остроумный парень! — сказала жена Дударя. — Он, когда еще был подполковником, хвалил эти машины, которые прикрывали его в наступлении.

Холодный пот выступил на лбу у Блинова. Дударь — и вдруг полковник!

— Что же он мне пишет? — спросила женщина и вскрыла письмо. — Или он сошел с ума, — пробормотала она, прочитав первые строки письма, — или вы...

И, взглянув на конверт, на котором был записан номер телефона, она вдруг захохотала так, что слезы полились из ее глаз.

Блинов встал и хотел что-то сказать, но смог только весьма нечленораздельно промывать. Он взял посылку, задел за что-то локтем, и страшный звон битого стекла заставил его вобрать голову в плечи. Так бились только зеркала!

Блинов оглянулся. На полу лежало зеркало. Когда он вошел в комнату, видел его: оно стояло на столе и имело форму большого стеклянного сердца.

Он положил свиную тушенку и компот на пол и оперся на стул. Разбил зеркало! Сейчас должно было случиться нечто роковое. Приметы начинают сбываться. Взгляд его, блуждая по комнате, остановился на календаре. Понедельник! Тринадцатое число!

...В часть Блинов прибыл через пять дней, в воскресенье. В Москве он женился и теперь всем на аэродроме показывал карточку своей жены, кареглазой девушки с простым, но очень симпатичным, открытым русским лицом. Он рассказал нам историю своей женитьбы.

Набирая телефон, записанный на конверте, Блинов ошибся на одну единицу и попал не в ту квартиру.

У его будущей жены был на фронте брат — полковник танковых войск. Поэтому она ничуть не удивилась, узнав, что ей привезли с фронта посылку. В тот же вечер они вместе отнесли посылку по правильному адресу и так все пять дней не расставались,

На следующий день после возвращения в часть младшему лейтенанту Блинову дали ответственное задание. По дороге на аэродром он вспомнил, что забыл в столовой планшет. Вернулся за ним, чего раньше никогда бы не сделал, так как считал это плохой приметой — возвращаться за забытым. Когда он, взяв планшет, шел мимо КП, откуда-то из-за бочки выскочила черная кошка и перебежала ему дорогу. Блинов даже не остановился. Только посмотрел кошке вслед и, как ни в чем не бывало, продолжал свой путь.

Около самолета его встретила официантка Тося с пустым ведром в руках — носила воду техникам, ремонтировавшим машину № 13. Но и на пустое ведро Блинов не обратил внимания.

В тот день шестерке ИЛов, ведомых лейтенантом Дударем, пришлось нелегко, но шестерка с честью вернулась с боевого задания, не потеряв ни одного самолета. Блинов лично сбил один Ю-87.

С тех пор он совсем перестал верить в приметы.

НАГЛЯДНЫЙ МЕТОД

Что касается меня, то я лично стою за наглядный метод обучения. Возьмем, к примеру, такой предмет, как география. Как сейчас помню, однажды в неполной средней школе вызвали меня к доске и предложили показать на карте Трансильванию. Я — туда-сюда. Карта большая, а я маленький. Стран много, а я один. Сунул наугад пальцем, градусов на пятьдесят левее Черного моря, и попал, конечно, на полный минус.

А сейчас спроси меня про эту самую Трансильванию, так я не только ее, а любое место в районе действий нашего 2-го Украинского фронта на любой карте определю. Я вам на сегодняшний день в любом румынском городе все перекрестки пересчитаю, где наши регулировщики стоят, не говоря уже об аэродромах, где мы базировались. Вот что значит наглядно усвоить эту Европу. Одним словом, к концу войны мы будем вполне

грамотными по части географии. И если у меня сынок спросит: «Папа, где Берлин?» — то я ему на карте не только Берлин покажу, но и все другие города, через которые намереваюсь пройти до этого города. Не будь я старшина Игрушкин!

Так вот, значит, перебазировалась наша часть на румынский аэродром в районе Плоешти. Ориентируюсь я на новом месте и вижу: стоит возле одного ангара немецкий самолет. Машина новенькая, чистенькая, мотор на месте, хоть сейчас садись и вылетай. Влез я в кабину, посидел на пилотском месте, помечтал, поскольку я есть моторист и не все еще мне доступно в смысле высшего пилотажа, и только собрался вылезать, смотрю, подходит какой-то неизвестный боец с винтовкой и начинает крутиться возле этой трофейной машины.

«Ну что ж! — думаю я. — Пусть себе смотрит. Может, ему интересно знать, от какой конструкции он горя на земле натерпелся. Может, он никогда самолета на земле не видел? Может, в конце концов, он сам — будущий конструктор и гений авиационной мысли?»

Встал я в сторонку и наблюдаю за бойцом. А он то справа, то слева зайдет, головой вертит, обшивку руками щупает, по плоскостям постукивает — одним словом, проявляет исключительный интерес к немецкой технике. Не вытерпел я и спросил:

— Может, вам, товарищ боец, сведения какие-нибудь об этой машине дать? Пожалуйста, не стесняйтесь, задавайте вопросы.

— Есть, — говорит, — у меня один вопрос: как в эту гитлеровскую падаль бензин заливают? Мне зажигалку заправить надо. — При этих словах он вдруг замахивается штыком, чтобы пробить насквозь бензобак и заправить горючим свою зажигалку.

Схватил я его за руку, оттащил от самолета.

— Эх, — говорю, — Ваня ты Ваня! Горе несознательное! Чего же ты, дурья твоя голова, замахиваешься?

— У меня, — отвечает, — на все фашистское рука сама замахивается!

— Да ведь машина-то целая! Зачем же ее рушить?

— Ежели бы, — говорит, — не целая, в ней бы и бензину небось не было бы. А раз она крестами мечена, жалеть ее не приходится.

У меня от этих слов душа заглодела.

— Пойми ты, — говорю, — темнота! На этой машине

летать можно, а ты ее штыком проковырять хотел. Это же, — говорю, — тебе не стог сена, чтобы его ковырять.

— А мало вы их сами-то накувыркали? — спрашивает у меня парень, поскольку видит, что я старшина авиации.

— Так это, — говорю, — особое дело. Сидел бы в машине гитлеровский летчик, — ковыряй, пожалуйста, и его, и его аппарат. А ведь теперь эта машина наша, советская.

— Ну да, небось не наша! — сказал парень и косо посмотрел на «мессера». — Да я первый бы того на месте пристрелил, кто бы нашего «ячка» тронул! Да разве я над советской машиной позволил бы себе такое сделать? Что вы, товарищ старшина!

Делать нечего, пришлось мне своими силами агитацию проводить. Дал солдату прикурить и начал в наглядных примерах воскрешать перед ним всю историю авиации. Дохожу до Циолковского, вдруг вижу: идет прямо на нас группа офицеров. Впереди наш генерал и два румынских летчика. Подходят они, и генерал говорит:

— Смотрите-ка, мы по всем аэродромам ищем, а «мессер», оказывается, здесь! — И с этими словами лезет в кабину немецкой машины.

Минуты через четыре он вылезает и говорит румынским летчикам через переводчика:

— Вот это и есть та машина, которая нужна нам для научных испытаний. Мы ее забираем.

Румынские летчики закивали: дескать, ладно уж теперь, что подделаешь, берите, раз нужно...

И тут генерал обращается к моему бойцу с винтовкой и приказывает:

— А вы, товарищ боец, встаньте-ка сейчас у этого самолета, пока я своих людей пришлю, и никого к нему не подпускайте. За каждый винтик головой отвечаете. Ясно?

Встал боец часовым у трофейного имущества. А генерал с офицерами пошел дальше мимо ангаров.

Хотел я еще раз в кабину залезть, посидеть, помечтать о летном мастерстве, но не тут-то было. Только к самолету шаг сделал — мой Ваня винтовку наизготовку взял.

— Не пушу, товарищ старшина. Никого подпускать не велено!

Стало быть, дошла до солдата моя лекция.

СЧАСТЬЕ

Лестница была без перил, ступени ее завалены строительным мусором и заляпаны известкой. Они молча поднялись на площадку последнего, пятого этажа этого недостроенного дома и вошли через дверной проем в одну из квартир. Здесь тоже не было дверей, и в проемы окон еще не были вставлены рамы со стеклами. Только полы и стены. И — сухо...

Он снял пиджак и расстелил его прямо на полу. Они сели рядом и посмотрели друг на друга...

На город обрушилась гроза. Грохотал гром, сверкала молния, но они этого не замечали...

На рассвете он проснулся первым. Она крепко спала, положив голову на его плечо. На пороге комнаты сидела кошка и, казалось, тоже спала.

Когда он шевельнулся, чтобы немного освободить затекшую руку, кошка бесшумно исчезла, а девушка проснулась...

Они долго предавались мечтам. Он хотел закурить, но в помятой пачке не оказалось больше сигарет.

— Сколько здесь комнат? — неожиданно спросила она.

— Где? — не понял он. — В доме?

— Нет, в этой квартире, — сказала она.

— Две или три, — ответил он, не задумываясь.

— Как много! — сказала она, помолчав.

— Нам надо уходить, — сказал он. — Скоро сюда придут строители.

Они подошли к окну. За окном чирикали воробьи и ворковали голуби. Она взяла его за руку и отвела в глубь комнаты, боясь, что их могут увидеть. Но улица была пустынна. Вокруг стояли корпуса

таких же еще не достроенных домов. Никто их не увидел.

Они обнялись и так некоторое время стояли молча. Потом взялись за руки и тихо спустились вниз по лестнице, во двор. И никто, кроме кошки, не видел, как они пробирались по двору между штабелями досок и бочками с известью, трубами и плитами.

А через несколько месяцев в эту квартиру на пятом этаже въехала семья, у которой были дорогие, хорошие вещи, в том числе даже палисандровое пианино и неизвестного происхождения гобелен во всю стену, но... никогда не было счастья.

1952

СОСИСКИ

Мы познакомились в Праге, в привокзальном буфете, где мы завтракали в ожидании поезда. Мой сосед по стойке, интеллигентного вида человек, был уже с утра навеселе и, видимо, искал себе собеседника.

Поводом для разговора послужила порция сосисок, которую я поставил перед собой рядом с кружкой пильзенского пива.

— Простите за нескромный вопрос: вы любите сосиски? Горячие, сочные свиные сосиски с доброй горчицей и румяным, хрустящим на зубах, чуть присоленным рогаликом? Еще бы! Кто из вас не утолял разыгравшийся аппетит в наших автоматах-закусочных? Ну так вот. Я так же, как и вы, любил полакомиться порцией-другой горячих сосисок. Более того, не было дня, чтобы я их не ел, запивая кружкой светлого пива. Не было такого дня! А теперь приготовьтесь услышать самое удивительное: вот уже скоро год, как я не беру в рот сосисок. Нет, это не потому, что я их разлюбил или врач прописал мне строгую диету. Я не ем сосисок по другой причине: у меня связано с ними неприятное воспоминание. При одном только виде сосисок, лежащих на тарелке, меня бросает в нервную дрожь и я начинаю терять самообладание. Смешно сказать, но вся моя жизнь перевернулась из-за порции свиных сосисок...

Я вижу по выражению вашего лица, что вы уже заинтересованы. Вы не можете себе представить, какую роковую роль в жизни человека может сыграть порция свиных сосисок! Слушайте, и я расскажу вам поучительную историю...

Итак, пятого июня прошлого года, между пятью и шестью часами вечера, я почувствовал голод и в отличном настроении, предвкушая удовольствие закусить,

зашел в автомат на Вацлавской площади. Бог мой, при одном только воспоминании у меня по спине начинают бегать мурашки!.. Я подошел к прилавку и через минуту уже держал в руках тарелку с двумя великолепными горячими сосисками. Честно говоря, я давно не видел таких сочных, таких упругих, таких аппетитных близнецов, скрепленных между собой тоненькой перепонкой. Прихватив по пути традиционную кружку пива, я поторопился найти себе место, чтобы немедленно приступить к моему любимейшему времяпрепровождению. Не обращая внимания на моих соседей, занятых едой, я первый раз в жизни совершил непростительную для моего возраста ошибку: пренебрегая общепринятыми приемами обращения с горячими свиными сосисками, грубо ткнул в одну из них ножом. Я не помню сейчас, зачем я это сделал. То ли просто поторопился, то ли хотел отделить одного близнеца от другого, но в то же мгновение струя жирного горячего сока, скопившегося под тонкой кожицей сосиски, как из испорченного пульверизатора, брызнула через стойку, за которой я расположился, и жирными пятнами рассеялась и расползлась по светлой ткани пальто стоящей напротив меня миловидной девушки. Та вскрикнула и отложила в сторону надкушенное пирожное. Новое дорогое летнее пальто из серого габардина было испорчено!..

Проклиная себя за свою неловкость, я довольно жалко пытался объяснить с пострадавшей. Девушка не слушала моих извинений. Полными слез глазами смотрела она на жирные пятна, в щедром многообразии появившиеся на ее новом модном пальто. Губы ее что-то беззвучно шептали...

— Боже мой, боже мой! Что теперь делать? — вот все, что я смог расслышать в ответ на мои бессвязные и бесполезные извинения.

Окружающие нас посетители с нескрываемым презрением ко мне и с неподдельным сочувствием к бедной девушке доедали свои кнедлики и шпекачки, допивали свое пиво и кофе и расходились в разные стороны. Только мы — я, жалкий и растерянный виновник происшествия, и девушка в испорченном пальто — все еще стояли на прежнем месте, забыв про недоеденное пирожное с кремом и уже остывшие роковые сосиски...

— Послушайте, милая девушка! — сказал я наконец

более или менее членораздельно. — Милая девушка! Ручаюсь вам, что эти пятна можно вывести! Я знаю одну химчистку, где выводили и не такие пятна. Мой младший брат, Гонзик, залил себе однажды всю курточку рыбьим жиром и, представьте себе...

Девушка не хотела себе этого представить и не дала мне досказать историю про детскую курточку, залитую рыбьим жиром. Она вскинула на меня большие голубые глаза. Они уже не были влажными. Казалось, гнев и ненависть ко мне в одно мгновение высушили в них остатки слез.

— Болван! — прошептала она так, что направлявшийся в нашу сторону старичок с тарелкой кнедликов в руках испуганно поторопился занять место за соседней стойкой. — Болван! — повторила она еще раз и быстро направилась к выходу.

Я последовал за ней.

Я догнал ее, когда она заворачивала за угол переулка.

— Простите меня! — сказал я, поравнявшись с ней и стараясь идти в ногу. — Простите меня! Но я хотел бы оплатить все расходы, связанные с чисткой вашего пальто. Я виноват, и я заплачу! Как вы думаете, сколько это может стоить?..

Девушка даже не обернулась в мою сторону. Она продолжала идти вперед, не замечая меня.

Мы сели в автобус. В автобусе я еще раз попытался объяснить и предложил ей сначала двадцать пять, а потом сто крон на выведение проклятых пятен. Все это со стороны выглядело, очевидно, глупо. Пассажиры начали обращать на нас внимание. А один малосимпатичный гражданин в очках даже отпустил недвусмысленное замечание по поводу «нахалов, пристающих к незнакомым девушкам».

Через несколько остановок мы вышли. Я проводил ее до самого дома. За всю дорогу она не открыла рта; говорил я один! Она откровенно и беспощадно презирала меня за мои неловкие извинения, за мои нелепые шутки и советы. Она ненавидела меня за то, что заодно с пальто я испортил ей этот чудесный летний вечер.

На следующий день я купил в Доме мод отрез светло-серого габардина на дамское пальто и сам принес ей этот отрез на дом. Когда она поняла, зачем

я пришел, она вырвала у меня из рук попку и швырнула ее в пролет лестницы, хлопнув перед самым моим носом дверь квартиры. Я ушел, как побитая собака... Я понял, что имею дело с незаурядным существом...

Пять дней подряд я дежурил с отрезом габардина в руках у подъезда почтамта, где она работала телеграфисткой. На шестой день она сжалась надо мной и приняла от меня отрез на пальто, заметив при этом, что материал, из которого сшито ее испорченное пальто, тоньше по выработке. Наше примирение мы отметили в кафе «Барбара».

Через месяц с небольшим мы оформили свои отношения.

Теперь она имеет все. К тому новому пальто, которое она сшила из моего отреза, прибавилась еще модная шуба, несколько отличных платьев, изящные туфли из тех, что получили премию на Брюссельской выставке, два новых шерстяных джемпера и многое другое... Я балую ее, как малого ребенка! Каждое ее слово, каждая прихоть для меня закон!

Но всякий раз, когда между нами накаляется атмосфера и семейный горизонт начинают затягивать грозные тучи, она распахивает дверцы гардероба, где до сих пор висит на плечиках то закапанное жиром пальто, и дрожащим голосом восклицает:

— Боже мой! Будь проклят тот день, когда я, спеша на свидание, зашла в автомат на Вацлавской площади, чтобы съесть пирожное с кремом! Подумать только! Если бы болван, не умеющий есть сосисок, не закапал жиром мое новое пальто, я бы встретилась с Вашеком, который ждал меня в тот вечер у Оперы, Вашеком, с которым я наверняка была бы счастлива!..

Вот вам и вся история. Скоро год, как я не призрагиваюсь к свиным сосискам.

Мой рассказчик вздохнул, допил свою кружку пива, посмотрел на часы и, приподняв шляпу, раскланялся.

ТРЕВОГА

Женщина стояла посреди комнаты и смотрела на спящего сына. Мальчуган лежал одетый на диване и сладко посапывал, уткнувшись носом в подушку.

«Не буду будить!» — решила мать.

Она взяла со стола сумочку, положила в хозяйственную сетку две бутылки из-под молока и пустую стеклянную банку. Еще раз взглянула на спящего ребенка, вышла из комнаты, тихо притворив за собой дверь. Было слышно, как она повернула в двери ключ...

Мальчик спал.

Женщина спустилась по лестнице. Прошла по двору. Вышла на улицу. Мальчик спал.

Она вошла в молочный магазин и подошла к кассе. Кассирша меняла в аппарате ленту. Покупатели терпеливо ждали. Стоящая впереди женщина держала за руку маленькую девочку. Та куксилась и капризничала. Наконец очередь начала продвигаться. Мать мальчика смотрела на маленькую девочку, а мысли ее были там, в той комнате, где спал ее сын...

Ей казалось: мальчик открыл глаза, сел на диване и осмотрелся. Он был один! Поразмыслив, он слез с дивана и подошел к двери. Дверь была заперта. Мальчик не испугался и не заплакал. Он увидел за окном голубя. Тот медленно прохаживался по карнизу. Мальчик подошел к окну, и голубь улетел. Это огорчило мальчика. Прижав нос к стеклу, он хотел посмотреть, куда улетела птица. Потом, приняв наконец решение, он направился к буфету, достал кусок булки, раскрошил, собрал крошки и вернулся к окну. Высыпав крошки на подоконник, он забрался на него и стал открывать окно. Это ему никак не удавалось. Наконец мальчуган осилил тугие шпингалеты и распахнул обе половинки окна. Теперь он стоял во весь рост в рас-

крытом окне и искал улетевшего голубя. Голубя не было видно. Тогда, одной рукой держась за раму, он выглянул еще дальше...

Мать мальчика стояла в очереди к прилавку. Впереди нее опять оказалась женщина с девочкой. Продавец положил перед собой большой круг сыра. С улицы донеслась пронзительная сирена пожарного автомобиля.

Мать мальчика вздрогнула. Минуты казались ей вечностью...

Ей чудилось: мальчуган стоит возле колышущейся от ветра легкой кисейной занавески. В руках у него коробок спичек. Мальчик сосредоточенно чиркает спички... Одну за другой, одну за другой...

Продавец подал покупательнице две бутылки молока и поставил на весы пустую стеклянную банку. Она посмотрела на него отсутствующим взглядом. Потом машинально взяла из его рук банку со сметаной и устремилась к выходу.

Ей казалось: мальчик сидит перед зеркалом. Лоб, нос, уши и щеки у него в густой мыльной пене. Намылившись, он смотрит в зеркало, откладывает помазок и протягивает руку за футляром, в котором лежит отцовская бритва...

Она спешила домой. Ноги сами несли ее... Она пробежала по двору... Не дожидаясь лифта, взбежала по лестнице... Дрожащей рукой вставила ключ в замочную скважину. Повернула его... Переступила порог комнаты...

Мальчик спал. Спал в том же положении, в каком она его оставила полчаса назад. Не выпуская из рук сетки с покупками, мать в изнеможении опустилась на край дивана.

И не было на столе ни зеркала, ни бритвы, ни спичек. Окно было закрыто. За стеклом по карнизу прохаживался белый голубь.

Мальчик проснулся. Увидел мать и удивился: мама плакала...

ШТИЛЬ

На берегу пахло водорослями, смолой и рыбой.

Санька и Митяй стояли среди перевернутых рыбачьих лодок и раскинутых для сушки сетей. Предвечернее солнце мягко светило: одному в глаза, другому в спину.

— Ну? Давай! — повторил Санька. — А?

— Я лучше берегом пойду, — ответил Митяй.

— Гляди... На лодке-то лучше.

— Дольше...

— Сказал тоже, «дольше»... Мы с братенем прошлый раз за полтора часа до Рыбачьего дошли. Вот тебе и «дольше»!

— А пешим и за час дойти можно, — не очень уверенно сказал Митяй.

— Все равно на лодке лучше...

Санька перевернул лодку, бросил в нее весла и стал толкать лодку к воде.

— Попадет тебе от братеня за лодку-то! — не сразу сказал Митяй, продолжая стоять в стороне.

— Это мне попадет? Сказал тоже! — усмехнулся Санька. — Это как же попадет, если он на три дня в город уехал, шоферские документы себе выправлять!.. Ну, чего стоишь? Подсоби!

Увязая босыми ногами в песке, они начали вдвоем толкать и подтаскивать лодку к воде.

— А ну, еще раз! Взяли!..

— Тебе одному с ней и на воде не справиться. Ишь она какая тяжелая!

— Тяжелая? Сказал тоже! Да ее только на воду поставить, а там она сама пойдет. А ну, Митяй, взяли еще разок!..

Набежавшая волна легко подхватила лодку, и она плавно закачалась, подставляя бок прибою. Санька уже

сидел в ней, вставляя весла в уключины, когда оставшийся на берегу Митяй вспомнил вдруг про свою сумку.

— Сумку! Сумку-то отдай! — закричал он, входя по шиколотки в воду.

— Какую сумку? — не понял Санька.

— В лодке! В лодке она! Я ее на корму бросил!

Санька повернул лодку к берегу. Митяй забрел в воду по самые колени, стараясь ухватиться за борт и притянуть лодку к себе. Но лодка раскачивалась на волнах, как бы дразня мальчика. Наконец Митяй изловчился, подпрыгнул, перевалился на животе через борт и очутился рядом с приятелем. И тут они одновременно увидели идущую берегом девочку. В руках она несла нитяную авоську с книжками. Из-под платка выбивались две русые косички.

— Ты куда? — крикнул Санька девочке, все еще удерживая лодку возле берега.

— А вы куда? — поравнявшись с лодкой, спросила она.

— К вам, в Рыбачий! Айда с нами!

— А не врете?

— Залезай, залезай, Татьяна! Подвезем!

— Доставим в лучшем виде! — подтвердил Митяй, пряча свою хозяйственную сумку с покупками под сиденье на корме.

Девочка не заставила себя долго уговаривать. Подобрав подол, она смело вошла в воду и ловко забралась в лодку. Теперь уже Санька как следует налег на весла. Берег стал удаляться.

— Я — в Рыбачий, дядю Петро проведать. Как он там? — сказал Санька, обращаясь к девочке. — А Митяй домой шел, — кивнул он в сторону приятеля, сидящего на корме у руля.

— А я в вашу библиотеку записываться ходила. Нашу школьную я всю уже перечитала, — сказала девочка. — Ты мне все книжки перемочишь! — сердито добавила она. — Чего ты так плюхаешь! Лучше бы я домой пешком пошла...

Она сняла с головы платок, завернула в него книжки и сунула сверток обратно в авоську.

— «Пешком»... — пробурчал Санька, уже аккуратнее загребая веслами. — Чего зря ноги-то ломать? Лучше в лодке сидеть. Тебя везут.

Теперь лодка шла в виду берега, понемногу удаляясь от него. Некоторое время ребята молчали.

— Меня мать за спичками посылала, — произнес неожиданно Митяй. — И еще стиральной соды прикупить. В нашем ларьке опять переучет какой-то. На три дня его закрыли.

— Небось проворовались? — спросил Санька.

— Кто их там знает, — неопределенно ответил Митяй.

Низко, над самой лодкой, неслышно пролетела чайка.

— А вода совсем теплая! — сказала Татьяна, перегнувшись за борт и опустив в воду руку.

— Смотри не выпади! Спасай потом тебя! — строго заметил Санька.

— А не спасете разве? — улыбнулась девочка.

— Ты плавать-то умеешь? — спросил Митяй.

— Нисколячки! — все с той же хитринкой в глазах ответила она, не вынимая руки из воды и теперь уже нарочно еще ниже перегибаясь через борт лодки.

— Не балуй! — грубо крикнул Санька.

— А ты не шуми! — насупилась девочка, вынула руку из воды и стряхнула брызги в лицо Саньке.

Тот утерся рукавом, но смолчал.

— Сиди смирно, а то ему грести тяжело! — сказал Митяй.

Идущее на закат солнце потускнело, зашло за пелену сизых облаков, затянувших весь горизонт. Молчание нарушил Митяй.

— Вот почему люди воруют? Кто скажет? — спросил он в раздумье.

— Какие люди? Воры? — не поняла Татьяна.

— Я не про воров. Я про тех, у кого и работа есть, и зарплата кому идет, а они все равно воруют. А другие видят и молчат. Боятся их, что ли?..

Ответ последовал не сразу.

— Братень говорит, что таким людям скоро конец придет. Он по радио слышал, — сказал наконец Санька и тут же добавил: — А ну, Митяй, садись рядом! Я уже себе руки набил. Татьяна, ты рулить умеешь?

— Могу, — охотно ответила девочка и перебралась на корму.

Митяй подсел к приятелю и взялся за весло. Некоторое время мальчики приноравливались друг к другу, стараясь загребать одновременно. Это им не сразу удалось. Но потом дело наладилось, и лодка пошла быстрее.

Так они гребли и гребли, дружно наклоняясь вперед и отваливаясь всем телом назад, не глядя перед собой, думая каждый о своем. И вдруг они услышали недоумевающий голос Татьянки:

— А где берег-то?!

Гребцы замерли с поднятыми над водой веслами: берег, который еще так недавно был где-то рядом, на виду, теперь исчез за дымкой тумана. Попросту говоря, берега не было. Вода и туман. И сумерки. И они, трое, в лодке. В море...

— Куда же он делся? — каким-то не своим голосом спросил Санька.

— Давай назад! — предложил Митяй.

— Куда назад? Сказал тоже! — уже более твердо произнес Санька. — Вперед надо!

— А куда вперед?

— А мне что делать? — тихо спросила Татьянка.

— Сиди, сиди! Не крути рулем! Держи направление! — приказал Санька, загребая своим веслом.

— Куда же ты загребашь? Лодка кружится! Мы так совсем собьемся, — рассердился Митяй.

— Учи, учи! — в тон ему ответил Санька. — Берег-то у нас где был? По правому борту! Понятно?

— А у меня по какому? Не по правому? Мы же рядом сидели!

— Слушай, ты меня лучше не сбивай! — решительно сказал Санька. — Ты греби лучше!

— Пожалуйста! — сказал Митяй и занес весло. — Давай!

И лодка опять двинулась вперед. Так они плыли еще и пять, и десять минут... И еще пять, и потом еще десять, пока почти совсем не стемнело и все вокруг не заволкло неизвестно откуда взявшимся густым туманом.

— Вот если бы у нас компас был... — мечтательно произнес Митяй, опять первым нарушая молчание.

— Скажи еще — мотор! — обрезал его Санька. И тут же совсем другим голосом: — Татьянка! Ты не бойся. Море спокойное. Штиль! Когда такой туман, штормить не будет.

— А я и не боюсь. Я только думаю, лучше бы я пешком пошла.

— Чем так сидеть, ты бы нам пока что-нибудь рассказала из прочитанного. Или спела, — предложил Санька.

- Спела бы! — поддержал приятеля Митяй.
— Думаете, если запою, кто-нибудь услышит?

Никто ей не ответил. И тогда девочка запела. Ее тоненький голосок зазвенел над водой, как бы пытаюсь пробиться сквозь стену обступившего их тумана

Мисяць на небе, зироньки сияють,
Тихо по морю човень плыве.
В човне дивчина писню співає,
А козак чує, серденько мрє...

- Митяй! Где твои спички?
— В сумке. Зачем они тебе? Закурить?
— «Закурить»... Скажет тоже... Я некурящий! Хочу фонарь зажечь. Татьяна! Пошарь, где сидишь. Там фонарь?

- Тут он.
— Подай его сюда!
— Держи!
— Митяй! Спички!
— На!..

Санька чиркнул одной спичкой, потом второй. Тихо, про себя, выругался...

- Подмокли они, что ли?..

Только с пятой спички зажег Санька оплывший огарок свечи и установил фонарь на носу лодки.

— Думаешь, такой фонарь заметят? — спросила Татьяна.

— Ничего я не думаю. Просто так полагается. Для порядка. А то в этом туманище налетишь еще на кого-нибудь, — как ни в чем не бывало ответил Санька и сел на свое место. — Правда, Митяй? Расхлебывай потом, как налетишь со всего ходу!

— А у нас никакого ходу нет, — мрачно заметил Митяй.

- Ну так на нас налететь могут!

— Хорошо бы... — с надеждой в голосе сказал Митяй.

И снова заскрипели уключины: хрр... хрр... хрр...

— А ну, погодите грести! Тише! — сказала вдруг Татьяна и схватила Саньку за руку.

Гребцы опустили весла. До их слуха явно доносился стук моторки.

— Рыбаки идут! — быстро определил Санька и, вскочив с места, бросился к фонарю.

Стоя на носу лодки, он поднял фонарь над голо-

вой и хотел было помахать им, но... догоревшая свеча вдруг моргнула раз-другой и погасла...

— Э-э-э-эй! — заорал Санька во весь голос.

— Э-э-э-эй! — закричали Митяй и Татьяна.

Стук моторки постепенно затихал в тумане...

— А что в этой банке?

— В какой банке?

— Тут у меня какая-то под ногами...

— А ты понюхай!.. Понюхала?

— Вроде смола!

— Смола? Митяй, давай скорее спички! Смола знаешь как горит!

— Нет больше спичек. И соды больше нет — вся в воде разошлась... Нагорит мне от матери... — послышалось в ответ.

— Ой! У меня все книжки в воде! Никак, ваша лодка течет! — раздался голос с кормы.

— Это разве течь? Ты еще не видела, как лодки текут! — спокойно ответил Санькин голос. — Где черпак? Он тут лежал!

— Здесь он. Вот.

— Потабань. Я пока воду вычерпаю.

— А где весла-то?..

— Ты что, очумел?

— Сам ты очумел! Одно-то здесь. А где второе? Теперь все...

— Ну и что?

— Все теперь...

— Ну и что?

— Ну и ничего!..

Оба тяжело вздохнули и замолкли. В наступившей тишине было слышно, как один вычерпывает воду. Потом Санька сказал:

— Куда-нибудь да приедемся! Здесь не Черное море. Это там могло бы течением в Турцию отнести. А на нашем — кругом свои берега! Ну вот и посуше стало... А потом, Митяй, ты черпаком погреешься! Нам только ночь переждать, а как рассветет, видно будет!.. Татьяна! Ты чего там?

С кормы доносилось тихое всхлипывание.

— Татьяна! Ты плачешь?

— А ну вас... Как я теперь эти книжки сдавать понесу?..

— Высохнут! — уверенно сказал Санька. — Верно, Ми-

тять? Ведь высохнут? Как солнышко проглянет, так и высохнут... Слышите, реактивный летит!

Высоко в ночном небе прошел над морем самолет. А море, укрытое туманом, сонно дышало, покачивая на ленивой волне одинокую рыбацью лодку. Неизвестно, плыла ли эта лодка куда-нибудь или просто стояла на месте...

Татьянка поежилась от сырости под дырявым куском брезента, подобрав под себя босые мокрые ноги. Митяй устало черпал в темноте воду, стуча по днищу лодки.

Санька проглотил подступивший к горлу комок.

— И эти солдаты, на этой своей барже, во время злющего шторма, одни, в океане, за тыщи миль от земли, плыли себе неизвестно куда... Их туда-сюда кидало и бросало... — Санькин голос дрогнул, но он подавил волнение. — И есть им было нечего... и съели они свою гармонь... Ну, а дальше вы сами знаете...

— Их что, американцы спасли?

— Американские моряки военные. Я читала, — тихо сказала Татьяна.

— Интересно получается! Одни американцы людей спасают, а другие совсем наоборот... — протянул Митяй и громко зевнул.

— А у нас один мальчик переписывается с одной английской девочкой, — сонным голосом сказала Татьяна. — Так она тоже против войны...

— Не спите, ребята! — повелительно произнес Санька, сам с трудом подавляя зевоту. — Давайте друг дружке вопросы задавать. Татьяна, начинай! Митяй, толкни ее, чтоб не дрыхла! А то все заснем, кто же будет воду вычерпывать? Потонем тут, как кутята... Татьяна!

— Чего тебе? — не сразу ответила девочка.

— Ты меня слышала?

— Слышала.

— У тебя есть вопрос? Задавай!

Татьянка шевельнулась, чихнула и неожиданно спросила повеселевшим голосом:

— На чем в небе звезды держатся?

Вопрос был задан. Как отвечать на него, никто толком не знал.

— А вот у меня есть вопрос! — сказал Митяй — Люди произошли от обезьяны, так или не так?

— Так... — согласился Санька.

— Ну вот, — продолжал Митяй. — А почему тогда не все обезьяны захотели стать людьми?.. А?..

— Мне уже сон виднеется... — едва слышно прошептала Татьяна...

Было темно и тихо. И только изредка слышался легкий всплеск воды. Это Санька опускал в воду единственное весло.

* * *

На рассвете море само вынесло лодку к песчаной косе, прямо к рыбакам. Дети крепко спали. Девочка прижимала к себе пачку намокших книг. В руке у белобрысого паренька был зажат черпак...

1961

БУМАЖНАЯ КУКЛА

Рычаг музыкального автомата нащупал и вытащил маленькую пластинку. В полупустом бистро, где мы — я и мой новый знакомый, журналист Жак Бони, — коротали парижский вечер, зазвучала музыка.

«Как я хочу любить бумажную куклу, которая бы мне всегда улыбалась и была бы мне верна! — запел тоскующий баритон. — Я никогда не расставался бы с ней, и я был бы счастлив...»

Сидящая напротив нас компания молодых людей расплатилась и вышла.

— Эта пластинка напоминает мне одну не слишком веселую историю, — неожиданно произнес Жак и закурил. — Если вы не возражаете, я расскажу вам ее.

Он откинулся на спинку стула, вытянул под столом длинные ноги и начал свой рассказ:

— Пьер Курно принадлежал к тому сорту мужчин, которых господь обошел своей благосклонностью, наградив незавидной внешностью. Он был от рождения тщедушен, не вышел ростом, рано полысел и, несмотря на свои двадцать пять лет, походил на старого воробья. Однако его незаурядные способности дали ему возможность уже тогда получить место художника по оформлению витрин в одном из самых старых Домов мод в Париже, недалеко от площади Вандом. Надо сказать, что он любил свою работу. Он творил, когда одевал в вечерние туалеты и модные платья женские фигуры из папье-маше, в зависимости от сезона подбирал дамские сумочки, перчатки и украшения, от которых у многих клиенток фирмы Рэбо начинали блестеть глаза.

Фирма очень ценила корректного и исполнительного художника. К нему относились с уважением, ценили его безукоризненный вкус и богатую фантазию.

Здесь же, в магазине, Пьер Курно познакомился с Жанетт Дешан — самой юной из всех манекенщиц фирмы Рэбо. Жанетт выросла в бедной семье, но, когда она появлялась перед публикой в самых изысканных туалетах, она так свободно держалась, была так элегантна, что казалось, будто она привыкла носить их каждый день, а не только во время сеанса. Что говорить, художник полюбил ее с первого взгляда. Жанетт принимала его обожание и скромные подарки с наивной и милой непосредственностью. Пьер был робок, но последователен. Они стали по воскресным дням ездить на прогулки за город. Когда Курно убедился в том, что у него достаточно денег для того, чтобы купить небольшую квартирку, он решился сделать предложение, и Жанетт приняла его. Был назначен день помолвки. Мосье Курно видел мир сквозь розовые очки, но очки разбились! В один прекрасный день все рухнуло: наглый молодой Петух на глазах робкого, растерянного Воробья взял Жанетт за руку, посадил в свой автомобиль и укатил с ней на авеню Фош. Больше она в магазине не появлялась...

Пьер Курно принял удар судьбы мужественно. Как всегда, чисто выбритый и аккуратно одетый, он являлся по утрам в магазин и молча принимался за работу. О Жанетт с ним никто не заговаривал.

Шли годы. Курно по-прежнему жил один. Он не встречался с женщинами, у него не было друзей.

Жак Бони допил рюмку.

— Вы знали этого человека? — поинтересовался я.

— Курно бывал здесь, в этом бистро, — продолжал рассказчик, зажигая погасшую сигарету. — Он приходил всегда один и садился за тот столик возле окна. Я ни разу не видел, чтобы он выпивал больше одной рюмки, но сидел он за ней подолгу, погруженный в какие-то грезы... Ему было тогда уже за пятьдесят...

— Ну и что же? Что было дальше? — спросил я. — Вы меня заинтриговали.

— Как-то фирма Рэбо получила партию новых манекенов. Эти куклы были сделаны по особому заказу. Одетые, они казались просто живыми! Это было не-

сколько старомодно, но отвечало всему стилю Дома мод фирмы Рэбо.

Магазин готовился к показу новых осенних моделей. Курно взял на себя оформление центральной витрины. На этот раз он отдал предпочтение двум цветам: оливковому и каштановому. Он выбрал для витрины только одну куклу и одел ее в шерстяной костюм из новой немнущейся ткани. Островерхая меховая шапочка, коричневые туфли и сумочка из замши. И все это на фоне поблекшего золота опадающей листвы...

Витрина была готова и поднята наверх. Мосье Курно вышел на улицу. Он любил первым посмотреть на свою работу со стороны. Но когда он подошел к зеркальному стеклу, у витрины уже начали останавливаться прохожие. Он услышал несколько одобрительных возгласов. Курно профессиональным взглядом окинул витрину. Она ему тоже понравилась. Он перевел глаза с костюма куклы на ее лицо, и у него перехватило дыхание: это было лицо Жанетт! Как это он раньше не заметил такого поразительного сходства!

— Что же он, рехнулся? — спросил я.

— Нет, почему? Он был в полном рассудке, — ответил Жак. — Не слишком удивительно, что одетая кукла оказалась похожей на Жанетт: Жанетт — стандартный тип милостливой продавщицы модного магазина. Но для Курно это совпадение оказалось роковым: его почти затухшая любовь вспыхнула с новой силой. Он стал одержимым. Отныне его жизнь наполнилась фантастическими возможностями: он мог играть в богатого человека, бросающего к ногам своей мечты все самое дорогое и изысканное. А та, которая так неожиданно стала немым отражением этой его мечты, была ему за все молчаливо благодарна и ничего не требовала в отличие от той, которая ушла от него, очевидно, только потому, что он ничего подобного не смог ей дать...

Оставаясь наедине с куклой, Курно ласково разговаривал с ней:

— Тебе нравится это манто, Жанетт? Знаешь, сколько оно стоит? О! Целое состояние! Но я могу тебе предложить вот это — оно еще дороже! Или это! Посмотри, какой у меня богатый выбор!..

Такая игра забавляла его и приносила радость.

Однажды кто-то подслушал, как Курно разговаривает с куклой, называя ее Жанетт. Над ним стали подтрунивать. Но он, казалось, не слышал шуток и не замечал двусмысленных улыбок.

Прошло лето. Купальные костюмы и яркие летние наряды сменились осенними моделями. А кукла Жанетт по-прежнему стояла в витрине и широко открытыми глазами смотрела на уличную толпу. Пьер Курно каждую неделю менял ей туалеты...

Осенью бедняга заболел и даже угодил в больницу. Когда он в канун рождества вышел из нее, то сразу же, не заезжая домой, поспешил к магазину. Возле витрин толпились люди. Осунувшийся и ослабевший после болезни, Курно с трудом протиснулся к центральной витрине и, потрясенный, замер...

За зеркальным стеклом вместо Жанетт он увидел плоские, безликие подобия двух женских фигур из белого металла и толстой черной проволоки. Такие же фигуры, одетые в туалеты последних фасонов, в самых причудливых позах застыли и в остальных витринах магазина. Фирма Рэбо в угоду новым веяниям изменила своим респектабельным традициям...

Курно выбрался из толпы и направился к служебному входу. Он спустился на лифте в подвальный этаж, где находились подсобные помещения.

Его Жанетт лежала в гряде таких же, как и она, раздетых витринных кукол, отслуживших свой срок у фирмы Рэбо. Тусклая лампочка освещала неестественно повернутые на шарнирах женские головы, ноги и руки с розовыми ноготками. В полумраке мерцали удивленно раскрытые стеклянные глаза и светились ничего не говорящие улыбки.

Курно с грохотом разобрал эти фигуры и вытащил Жанетт. Тяжело отдышавшись, он огляделся. Никто его не видел. Курно подобрал с пола бумажный мешок и запаковал в него куклу. С пакетом в руках он вышел на улицу...

Он не обратил внимания на красный свет, и один из автомобилей задел его крылом и сшиб с ног. Говорят, что за рулем сидела Жанетт Дешан. Живая Жа-

нет! Он узнал ее, лежа на асфальте, судорожно сжимая в объятиях пакет с манекеном.

Полицейский врач констатировал смерть, вызванную нервным шоком.

— Вот, пожалуй, и все! — закончил свой рассказ Жак Бони, поднимаясь со стула. Он подошел к автомату, опустил в него монету и нажал на кнопку.

Зазвучала музыка.

«Как я хочу любить бумажную куклу, которая бы мне всегда улыбалась и была бы мне верна!»

КЛЕВА НЕ БЫЛО...

Они сидели рядом и молча смотрели прямо перед собой на воду, где между радужных масляничных пятен чуть покачивались поплавки. На душе у обоих было смутно. Клева не было...

— Не будет клева! — мрачно сказал Женька, поднимаясь и начиная выбирать из воды леску.

— Надо было у хромого Петюхи лодку нанять, выгresti на ней куда-нибудь в заводь и там уж власть порыбачить! — мечтательно заметил Сашок, все еще не отрывая глаз от своего поплава.

— Как же... даст тебе Петюха лодку! — возразил Женька. — После того как ее на прошлой неделе чуть не утопили, он ее на замке держит!

— Дороже брать будет! — невозмутимо ответил Сашок. — То тридцать копеек брал, а теперь полтинник драть будет.

— А где ты его возьмешь, полтинник-то? — спросил Женька и скосил глаз на приятеля. — Много у тебя полтинников-то?

На это Сашок ничего не ответил — промолчал, пропустив вопрос мимо ушей.

Женька выбрал леску, намотал ее вокруг удилица, наколол крючок на самодельный поплавок из «шампанской» пробки и только было собрался вытряхнуть из банки в воду полудохлых дождевых червей, как увидел приближающихся иностранцев. Он сразу догадался, что это пассажиры того большого, тупорылого «ненашинского» автобуса, что накануне вечером остановился на площади возле новой гостиницы «Интурист».

Их было двое: он и она. Держась за руки, они спустились к реке, к пристани, и остановились недалеко

от рыболовов. Мужчина нацелил вдаль объектив своей маленькой кинокамеры и снимал медленно ползущий вверх по течению буксир «Ермак Тимофеевич». Женщина разглядывала в бинокль противоположный берег.

— Глянь, Сашок! Интуристы! — сказал Женька.

Сашок оглянулся и тоже увидел приближающуюся пару.

— И чего они к нам в город ездят? — спросил Сашок, тоже выбирая из воды леску. — Всё ездят и ездят...

— Интересно им, — сказал Женька. — Сколько мы тут всего понастроили... Смотрят... И наши к ним ездят, тоже интересуются... Туристы... — пояснил он, глядя в сторону иностранцев.

Те, в свою очередь, обратили внимание на рыболовов.

— С добрым утром! — неожиданно произнес иностранец по-русски.

— Здравствуйте! — ответил Женька.

— Как живете? — спросил, улыбаясь, иностранец.

— Хорошо, — сказал Женька. — Хорошо живем. А что?

Иностранец отступил на несколько шагов и направил свою камеру прямо на ребят. В камере что-то зажурчало. Друзья поняли, что их снимают на пленку, но сделали вид, будто это их не касается.

— Спасибо, мальчики! — произнес иностранец, опуская камеру.

Его спутница полезла в клетчатый баульчик с кожаной крышечкой, порылась в нем и, достав плитку шоколада, протянула ее Женьке.

— Спасибо, не надо! — сказал Женька и отвел руку с шоколадом. — Я не хочу!

— А ты? — тоже по-русски обратилась иностранка ко второму мальчику. — Возьми, не бойся!

— И мне не надо! — переглянувшись с Женькой, ответил Сашок и тоже отвел протянутую ему руку с плиткой шоколада.

— Вы не любите шоколад? — не без удивления спросила иностранка. — Это самый вкусный, голландский! Лучший в мире! Все американские дети всегда едят этот шоколад! — добавила она, пряча плитку обратно в баульчик.

— А я нашим наелся! — неожиданно для самого себя выпалил Женька, перехватив недоуменный взгляд

приятеля. — Мне мать каждый день шоколад покупает!

— О! — произнес иностранец. — А что вам еще покупают?

— Еще нам покупают эти... ананасы!

— И еще... как их... бананы! — в тон приятелю добавил Сашок.

— Значит, ваши мамы вас очень, очень любят! — медленно выговаривая русские слова, сказала иностранка. — А почему же вы так одеты? — продолжала она, разглядывая выцветшие майки и далеко не новые штаны двух «объевшихся сладостями» рыболовов.

— А как мы одеты? — переспросил Женька и посмотрел на свои когда-то белые, а теперь потемневшие от сырости тапочки на резине.

— Очень бедно! Как нищие! — сказала иностранка, бросив какое-то непонятное слово своему спутнику.

Тот кивнул головой.

— Кто же на рыбалку в новом костюме ходит? — воскликнул Женька.

— У тебя есть хороший костюм? — спросила иностранка недоверчиво.

— Да у меня сколько хотите — не моргнув глазом соврал Женька. — И все новые! И в полоску! И в клеточку!

Иностранка отвернулась и обратилась уже не порусски к своему спутнику, который перезаряжал кинокамеру. Тот что-то ответил ей. Потом достал из кармана пачку сигарет и протянул ее мальчишкам.

— Курите?

— Курим! — не задумываясь, ответил Женька, успев разглядеть на обертке пачки коричневый силуэт верблюда.

— Пожалуйста! — предложил любезно иностранец. — Американские!

— Вижу! — сказал Женька. — Только эти, верблюдовые, мы не любим! Мы к нашим привыкли. Наши лучше! А от этих мы кашляем. Верно, Сашок?

Для большей убедительности Женька постучал себя по груди и кашлянул. Сашок отвернулся, чтобы не прыснуть со смеху: он и Женька были некурящие!

Турист пожал плечами, предложил сигарету спутнице и закурил сам от золотой газовой зажигалки. Иностран-

цы повернулись к ребятам спиной и, видимо потеряв к ним всякий интерес, пошли прочь.

Ребята смотрели им вслед, и на душе у них было весело.

— Ишь ты! — нарушил молчание Женька. — Думали, мы на их шоколадку клюнем! А что они «Ермака Тимофеевича» и нас на пленку засняли, то — пускай! Мы — не секретные!

И они пошли по берегу. В другую сторону...

ГНЕЗДО СТРИЖЕЙ

Дом пансионата стоял на горе. С балкона открывался вид на все ущелье и на поросшие лесами склоны гор; за которые весь день цеплялись ленивые, низкие облака. Внизу шумел горный поток, а над ним, в прозрачной вышине, день-деньской взмывали ввысь и ныряли в бездну десятки стрижей. В погоне за мошкаррой они напоминали маленьких истребителей в воздушном бою.

На балконе, в углу, под самым потолком, притулилось стрижиное гнездо. Мое соседство ничуть не смущало его пернатых обитателей, и я, проводивший большую часть времени на балконе за работой, был в курсе всех стрижиных событий.

Стриж и стрижиха поочередно, а иной раз вместе возвращались домой с добычей и, стремительно протолкнув что-то в раскрытые клювы двух прожорливых птенцов, так же стремительно ныряли из-под навеса крыши вниз и исчезали из виду.

Нетрудно было догадаться, что стриженята — брат и сестра. Братец был крупнее и бойчее; он чаще выглядывал из гнезда, шире раскрывал клюв, встречая родителей, нахально отталкивал свою сестренку, когда та пыталась тоже подышать свежим воздухом.

Как-то, выйдя на балкон, я по привычке поднял голову и увидел братца-стрижонка уже не в гнезде, а около него — может быть, он даже и не выпал, а впервые из него вылез. Легкий ветерок ерошил его мягкие перышки, а сам он неуверенно жался к стенке дома, держась лапками за провод, на котором сидел. Его сестренка, вертя головкой, следила за ним, робким чвириканием выражая, по-видимому, свое недоумение.

Я решил помочь птенцу, встал на стул и хотел было осторожно водворить его обратно в гнездо, как вдруг, самым неожиданным образом, стрижонок вспорхнул и улетел.

Первый выход и сразу, безо всякой подготовки, первый вылет в свет?! Сознание того, что я совершил нечто неловкое, не давало мне работать. Я отложил книгу и с нетерпением стал дожидаться возвращения родителей.

Наконец прилетел стриж. Как обычно, он протолкнул мошку в раскрытый клюв дочки и исчез.

«Ничего не заметил!» — решил я и стал ждать стрижику.

Чувство досады овладело мной. Впрочем, какое мне дело до того, что какой-то птенец вылез из гнезда? Пришло ему время вылезать — вылез... И улетел... А может, летать ему еще не положено? Надо же было мне его спугнуть! Найдет ли теперь дорогу домой?... Нечего совать свой нос в птичьи дела...

Я сидел и ждал.

Сестрица скрылась в глубине гнезда, и мое ожидание уже перерастало в испорченное настроение, как вдруг они появились — мать и сын, — крыло к крылу, она чуть впереди, а он рядом. Нашла-таки! Нашла и привела за крылышко домой.

Стрижица и стрижонок скрылись в гнезде, откуда тотчас же донеслось громкое чвириканье. На этот раз мне показалось, что я понимаю, о чем они говорят...

К вечеру облака затянули склоны гор, и холодные потоки воздуха стали прибывать мошкару к нагретой земле. Маленькие истребители сократили радиус и метались теперь, чуть ли не задевая друг друга, почти на уровне балкона. И тут коршун, притаившийся в сучьях высокой ели возле нашего дома, изловчился и нагло перехватил стрижа, пролетавшего вблизи. С добычей в когтях он медленно проплыл мимо балкона и скрылся в зарослях леса.

На другой день, а затем на следующий стрижица уже одна кормила своих детей. Когда она улетала, я просто не мог дождаться ее возвращения. Летать ей приходилось теперь за двоих. А я боялся, что коршун запомнил дорогу к нашему дому.

Я потерял покой. Жизнь стрижиного гнезда стала, помимо моей воли, частью моей собственной жизни.

На третий день я попросил перевести меня на другую квартиру.

УВЕЛИ

Они были неразлучны — их везде видели вместе. Он был намного старше ее, и она, видимо, недешево ему досталась. Он буквально носил ее на руках, ни на минуту не оставляя одну. На грязевые процедуры, к источнику, даже на прием к врачу они всегда ходили вдвоем. Послеобеденное время они проводили на балконе, а вечером, после ужина, коротали время в аллеях курортного парка или в беседке возле главного корпуса санатория. Они искали одиночества и находили его.

Молчаливый и угрюмый, по случаю хронического несварения желудка, он мог часами терпеливо слушать ее, и она, надо признаться, как никто, умела занять его мысли, развлечь и отвлечь от постоянных покалываний в правом подреберье.

О чем только она не заводила с ним разговор! Несмотря на свой молодой возраст, она была до предела напичкана всякой всячиной, начиная от рецептов приготовления вкусной и здоровой пищи и кончая новейшими сообщениями из области мироздания и ядерной физики. Иной раз, проходя мимо, по обрывкам фраз можно было понять, что она довольно сносно ориентируется в правовых вопросах и экономике, имеет свою точку зрения на международное положение и весьма убедительно комментирует последние футбольные игры. Когда она начинала просвещать его слишком научно, он прерывал ее на полуслове, и тогда она, ничуть не обидевшись, принималась читать какие-нибудь стихи или даже петь. Пела она достаточно профессионально, и репертуар ее, казалось, был неисчерпаем. По сравнению с ней, несмотря на университетский значок на лацкане пиджака и служебное положение, он был просто малообразованным, малокультурным человеком.

Когда они появлялись на людях, большинство больных и отдыхающих, в особенности мужчины, с нескрываемой завистью смотрели им вслед, отпуская по адресу удаляющихся недвусмысленные шуточки и тупые остроты вроде: «Подумаешь, что в ней хорошего! Мы лучше видели!»—или: «Дома оставить побоялся — с собой притащил».

Но вот однажды случилось непоправимое. Его вызвали к междугородному телефону. Он ждал этого звонка с утра, и даже она не могла вывести его из состояния тревожного раздумья. Уже в переговорном пункте она попыталась было напомнить ему несколько забавных историй из жизни моллы Насреддина, но он не стал ее слушать. Когда наконец назвали его фамилию, он резко поднялся и поспешил в кабину. Первый раз за все время она оказалась одна в темном углу казенного помещения...

Когда он, отдуваясь, вышел из душевой кабины и бросил растерянный взгляд на то место, где недавно томился, ее уже не было...

...На предложение дежурного по отделению милиции указать основные приметы пропавшей заявитель глухо ответил:

— Месторождение — Рига. Имя — Спидола... Увели!..

ЕСЛИ БУДУТ ДЕНЬГИ...

Весть о моей служебной командировке за границу в течение двадцати четырех часов стала достоянием всех моих родственников, друзей и знакомых.

— Говорят, ты летишь за границу? — спросил меня шурин. И, не дожидаясь ответа, сказал: — Если у тебя будут деньги, привези мне набор рыболовных крючков пооригинальнее! Вместо сувенира! Запиши, пожалуйста, и не забудь!

Я записал.

Вечером заскочил на минуточку брат.

— Слушай! — сказал он категорическим тоном. — Ты едешь за рубеж. Так вот, если у тебя будут деньги, купи мне несколько пакетов почтовых марок. Сейчас я собираю всю Южную Америку, так что учти.

Я учел.

— Дядя Шура! — прошептала мне на ухо племянница. — Привези мне маленький сувенир, если у тебя будут деньги...

— Что ты называешь сувениром? — осторожно поинтересовался я.

— Твердую пудру! — решительно ответила племянница. — Крем-пuff! Только обязательно цвет загара!

— Если у вас будут деньги, — выдавила из себя наконец за ужином теща, — то привезите мне флакон серебряной краски для волос. Я многого не прошу! — добавила она, бросая многозначительный взгляд в сторону моей жены.

— Что вам привезти, если у меня будут деньги? — неожиданно для самого себя спросил я у пограничника, поставившего штамп в моем заграничном паспорте.

— В любом случае привезти самого себя! — не долго думая, ответил пограничник.

Благодушно распрощавшись с провожающими, я про-

шел в зал ожидания. Здесь я мог спокойно собраться с мыслями и прочитать записку, сунутую мне на ходу в карман плаща другом детства, с которым я не имел счастья видеться последние семь лет.

Записка начиналась словами: «Дружище! Если у тебя будут деньги...»

Деньги у меня были. Суточные. В иностранной валюте. Я мог их тратить по своему усмотрению. Я не должен был отчитываться за них перед бухгалтерией моего учреждения. Я должен был на них жить: завтракать, обедать, ужинать...

В первый же вечер моего пребывания в чужой стране я самым бессовестным образом съел набор рыболовных крючков и запил их серебряной краской для волос тещи.

Утро следующего дня я начал с того, что закусил твердой пудрой и нейлоновым ремешком для часов двоюродной сестры моей жены.

Днем я съел пять недорогих шариковых ручек и набор марок Чили. Вечером я подкрепился... Одним словом, в течение двух недель я безрассудно питался «сувенирами», поочередно вычеркивая их из длинного списка «мелочей», которые я должен был приобрести, если у меня будут деньги. Я не участвовал в ограблении Национального банка, не получал наследства от американского дядюшки и не пытал счастья игрой в рулетку, поэтому уже перед самым вылетом домой я на оставшиеся центы смог приобрести только ошейник для моей собаки.

В день моего отъезда, застенчиво виляя хвостом, она смотрела на меня таким печальным, бескорыстным взглядом...

ПОДСОБИТЕ, ТОВАРИЩИ!

Многие литераторы не избалованы вниманием критики. Иной десятки лет сочиняет стихи или рассказы, имеет поклонников, а сам печатного доброго слова о себе и о своем писательском труде так и не слышит.

— Несправедливо это! — воскликнул как-то раз с трибуны очередного совещания литератор Добрецов. — Не хорошо! Редко замечаем мы тех, кто честно трудится с нами в одном ряду. Не пора ли нам серьезно подумать о собратях по перу и не проходить равнодушно мимо того, что они пишут!..

Сказав это, Добрецов написал небольшую положительную рецензию на сборник стихов немолодого поэта, долгие годы тщетно ожидавшего прочесть хоть что-нибудь о своем творчестве.

Заметка Добрецова была опубликована и до слез растрогала автора стихов «Итог жизни». Окрыленный чувством исполненного долга, Добрецов тоже был счастлив и доволен собой.

Спустя несколько дней он получил на дом бандероль, в которой обнаружил книгу рассказов для детей младшего возраста.

«Может быть, Вы найдете время на досуге перелистать мой скромный труд, — писал начинающий писатель. — Я не рискую просить Вас... однако... одним словом, Вы сами понимаете...»

Несколько забавных историй из жизни мошек и блошек даже понравились Добрецову и рассмешили его.

«Почему бы в самом деле не поддержать? — подумал Добрецов и пожелал молодому дарованию счастливого пути в газете, изредка помещающей материалы под рубрикой «Новые имена».

Нельзя сказать, чтобы и это критическое выступление Добрецова осталось незамеченным. Вскоре на его рабочем столе лежало пять новых книг с дарственными надписями.

«...Являясь давним поклонником Вашего творчества, посылаю на Ваш нелицеприятный суд...»

«...Дорожа Вашим дорогим временем, я беру на себя смелость просить Вас...»

«...с самыми добрыми пожеланиями и... надеждой...»

Засучив рукава, Добрецов сочинял заметки о последних новинках литературы. Ему искренне хотелось поддержать молодых и пожилых авторов, обойденных профессиональными критиками и рецензентами. Сам он был сценаристом и литературную критику не считал своим призванием.

Читая присланные ему книги и брошюры, Добрецов добросовестно искал в них только те положительные примеры, на основании которых можно сочинить рецензию со знаком плюс. Ибо со знаком минус она, естественно, могла бы только огорчить и разочаровать тех, которые желали ему счастья в личной жизни и успехов в творчестве.

Заметки Добрецова о прочитанных им произведениях стали все чаще и чаще появляться на страницах газет и журналов. Теперь он уже с ужасом взирал на сборники стихов, рассказов и сказок, романы и повести, книги басен и фельетонов, грудой наваленные на его рабочем столе.

«Помнишь нашу первую встречу в Доме творчества? — вопрошал в сопроводительном письме автор толстенного приключенческого романа из жизни инфузорий. — Ты был тогда еще безусым юношей. Во имя нашей первой встречи, кажется, на берегу Черного моря, я прошу тебя не посчитать за труд перелистать мой последний «кирпич» и, чего греха таить, черкнуть о нем хоть пару строк куда-либо по своему выбору. У тебя это в последнее время неплохо получается. На всякий случай, дорожа твоим временем, прилагаю проектик».

Телефонный звонок прервал грустные размышления Добрецова.

— Вы получили мою книгу переводов? — донесся до него чей-то простуженный женский голос. — Я послала ее вам авиапочтой... Вы меня слышите?..

Но Добрецов уже слышал звонок в передней.

«Еще несут... — мелькнуло у него в голове. — О, зачем я так неосмотрительно написал тогда рецензию на сборник стихов «Итог жизни»! Я ведь вполне мог ограничиться выступлением с трибуны...»

Однако Добрецов был человеком честным, доброжелательным, но слабовольным. На днях я прочитал его похвальную рецензию на «Критические размышления» литературоведа Демон-Ласточкина...

Товарищи критики! Подсобите Добрецову!

ЩЕНОК ОТ ГОВОРЯЩЕЙ СОБАКИ

— Хочешь иметь щенка от говорящей собаки?

— То есть как это от «говорящей»?

— От собаки, которая разговаривает.

— Как разговаривает?

— Какой же ты непонятливый! Ну, разговаривает, как мы с тобой! Как люди разговаривают!

— А где она?

— Самой собаки нет, а щенок есть. Пока он маленький и разговаривать еще не умеет, но подрастет и заговорит. Берешь? Уступлю!

Я взял.

Это был ничем с виду не примечательный, кудлатенький и косолапый беспаспортный щенок неизвестно какой породы. Я вовремя кормил его, выводил гулять и старался не наказывать за мелкие пакости, которые он себе позволял. Я не хотел, чтобы он затаил против меня обиду — это могло бы в дальнейшем отразиться на наших отношениях. Спал он возле моей кровати и, надо полагать, развивался благодаря моему уходу вполне нормально.

К тому времени, когда, по моим расчетам, он должен был заговорить, он стал уже довольно рослым, веселым и здоровым щенком. Однако он молчал. Конечно, он лаял на все лады, когда кто-нибудь стучался в дверь, когда с ним играли и возились, когда просился гулять или когда его дразнили мальчишки во дворе. Лаял! Но без слов... Как я ни прислушивался, я не слышал от него ни одного слова.

— Ничего! — успокаивал я сам себя. — Не все сразу! Иные дети начинают говорить только в пятилетнем возрасте. Поживем — увидим...

Вообще-то он понимал меня с полуслова.

Гуляя с ним по лесу, я пускал его без поводка, и тогда он, как сумасшедший, бросался в чащу, шнырял по кустам и обнюхивал каждое деревцо. Но стоило мне только позвать его, и он тут же появлялся на тропинке, мокрый от росы, с паутиной на бровях, и, подбегая ко мне, смотрел мне в глаза, как бы спрашивая: «Ты звал меня? Я тебе нужен?..»

Заметьте: как бы спрашивая!

Порой мне казалось, что он вот-вот произнесет свое первое слово, что оно у него уже на кончике языка, а там уж и заговорит всюю... И тогда я обрету в нем настоящего преданного друга, с которым будет о чем поговорить, можно будет советоваться, доверять личные тайны...

Время шло. Щенок рос, стал уже почти взрослым псом, но наш разговор все еще не начинался. А что, если у него от рождения какой-нибудь дефект речи? — приходила мне в голову мысль. Я бы мог, конечно, навести о нем более точные справки, но приятеля, который мне его уступил, я, к сожалению, больше не встречал.

Как-то вечером мы молча сидели дома. Я читал, а мой бессловесный друг сосредоточенно жевал свой резиновый мячик. И вдруг я ясно услышал человеческий голос:

— Ну какой же ты дурак...

Я не мог ослышаться. Я совершенно отчетливо услышал, как кто-то из-под стола произнес:

— Какой же ты дурак!

Я заглянул под стол. Пес смотрел на меня не мигая, стуча по полу хвостом. По лукавому выражению его милой морды я понял, что это сказал он. Но я не обиделся, а обрадовался — наконец-то! И погладил его по голове.

— А теперь хочешь извиниться? — спросил я.

Он молча облизал мне руку.

С тех пор я больше не слышу от него ни слова.

Он почему-то не желает со мной разговаривать. Но друзьями мы остались.

НОВЫЙ МЕТОД

Лидочка была отличной, грамотной машинисткой и, разумеется, работала слепым методом.

С Валентином Константиновичем Воробецким Лидочка познакомилась на дне рождения у своей лучшей подруги Тамары. Их усадили за стол рядом, и, как это все могли заметить, Валентину Константиновичу явно приглянулась молодая и обаятельная соседка. В продолжение всего затянувшегося ужина он был мил и любезен, удачно шутил, пытался предугадать каждое ее желание, одним словом, ухаживал. Танцевала она весь вечер только с ним одним, и, когда пришло время гостям расходиться по домам, он просто и непринужденно предложил ей себя в спутники и провожатые. Возвращались они пешком, много смеялись, и, когда у подъезда Валентин Константинович поцеловал ей руку и, немного замявшись, попросил разрешения записать ее адрес и номер телефона, Лидочка подумала: «Милый, интеллигентный человек! Пусть позвонит... Кто знает, может быть, это моя судьба!..»

Через несколько дней Лидочка получила письмо. Читая и перечитывая его, Лидочка испытывала чувство глубочайшего стыда, разочарования и даже оскорбления. Сначала она просто не поверила своим глазам, но... Впрочем, судите сами. Вот что она прочитала:

«Дарагая Лидачка! Майо знакомства свами приазвило на миня губокае впичатление. Ксажалению я уиждюя сиводня фкамандирофку. Когда я вирнусь я нимедлино пазваню вам па тилифону. Можит вы согласитесь пайти самной куда либо пасидеть, пабалтать. Даскорай встречи!

Ваш новай друк

В. Варабецкай»

— Тамара! С кем ты меня познакомила? — чуть не плача от обиды и досады, кричала Лидочка в телефонную трубку. — Тамара! Этот твой Воробецкий, он же абсолютно неграмотный человек!

— Это Валентин Константинович неграмотный человек? — отвечал удивленный Тамарин голос. — Да он пограмотнее нас с тобой!

— Я получила от него письмо! Ты бы только посмотрела, как он пишет! — не успокаивалась Лидочка, потрясая в будке телефона-автомата письмом Воробецкого.

— Успокойся! Успокойся, милочка! — отвечала Тамара. — Воробецкий, если хочешь знать, кандидат наук и занимается проблемами новой орфографии. А письмо ты получила от него «фонетическое». Он пишет, как говорит!..

В эту ночь Лидочка долго не могла заснуть. Она боялась, что ей приснится новое издание собраний сочинений Толстого и Пушкина под редакцией В. К. Воробецкого.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТРЕВОГА

Итальянская песенка	7
Сын	9
Песня	10
В дозоре	12
Товарищ	14
Герой	16
Граница	17
Три товарища	19
Партийный билет	20
Красноармеец Петров	21
Миша Корольков	23
Пастух Михась	33

ВОЙНА

Народ богатырский мой	36
Братья	37
Фашист	38
Советские бомбардировщики	39
Днепр	42
Том Джонсон	43
Фронтвые подруги	45
Письмо с фронта	46
Связист	48
Наш доктор	50
Письмо на фронт	52
Партизаны	54
Письмо домой	59
Пионерская посылка	61
Были для детей	63
Я не хочу!	78

Останови, отбрось и разгроми!	79
«Боец лежит за хатами...»	80
Истребитель	81
Почетный пассажир	82
Кому сказать спасибо?	84
Шел по улице летчик	86
Фотография	87
Пусть не дрогнет твоя рука!	89
Мы стали крепче	91
Сын комсомола	92
Мой знакомый	93
На Южном фронте	95
Не быть России покоренной!	97
Разведчик	99
Последнее слово	101
Три ордена	103
Откуда ты?	104
Атака	106
Ты победишь!	108
Лыжник	110
Ночной поиск	111
Десятилетний человек	112
Партизан Черноморья	114
Запомни!	116
Твой ребенок	117
Слушая скрипку...	119
Гитлеровский молодчик	120
Под Москвой	121
Письмо из неволи	123
Родное село	126
Возвращение в строй	128
Фронтвик домой приехал	132
Мать солдатская	134
С Новым годом!	143
Случай в шкафу	145
Комсомольский билет	146
Улетел штурмовик на задание...	148
Фронтвой закон	149
Надежный друг	150
Дефективная стратегия	151
Хорошая работа	153
Буду ждать...	154
Данила Кузьмич	156
Солдат	159

Мой боец	162
«Тигр»	164
По дороге в Севастополь	165
Детский ботинок	167
Мы пришли	169
Карта	170
Дни недели	172
Победа	173
Сторонка родная	174
Служу Советскому Союзу!	175
Аркадий Гайдар	179
Так держать	180
Казнь	181
Солдатом мира я зовусь	182
Дело всенародное	183
Наша муза фронтовая	184
Письмо в редакцию армейской газеты (<i>Быль</i>)	185
Горнист (<i>Быль</i>)	186
Как высоко над нами наше небо	187

СЛОВА И БУКВЫ

Свобода слова	188
Слова и буквы	190
Стальная стружка	191
Хижина дяди Тома	195
«Дело о поцелуе»	197
Будь готов!	198
Миллионер	205
Сон	208
Есть Америка такая	210

ОТКРОВЕНИЕ

Осень	214
Ливень	216
Стужа	218
Светлана	219
Караван	221
Надпись на скале в горах Фирюзы	222
Гора моя	223
Паучок	224
Снежная баба	225

Происшествие в горах	226
Пути-дороги	228
Три ветра	230
Как скворец летел домой...	233
Строгий отец	235
Мальчик с девочкой дружил...	237
Уточка	239
Море и туча	240
Сосна и елочка	241
Нагрузка	242
Скворец	243
Вода и утес	244
Пейзаж	245
Неизбежность	246
Лыжня и пень	247
Лист бумаги	248
Унылый гражданин	249
Птичка	250
Круглый год	251
Примета	252
Пилот	253
Планеты	254
Старый клоун	255
Печальная история	256
Остановись, мгновенье!	258
Ты	259
Я ждал...	260
Ты говоришь...	261
Настроение	262
Откровение	263
Чемодан	264
Неотправленные письма	266
Медаль	268
Корабельная сосна	270
Пока любовь жива...	271
«Текут часы, бегут минуты...»	272

РАССКАЗЫ

Случаи из жизни красноармейца Мухина	275
Из рассказов старшины Игрушкина	286
Счастье	293
Сосиски	295
Тревога	299

Штитель	301
Бумажная кукла	309
Клева не было...	314
Гнездо стрижей	318
Увели	320
Если будут деньги...	322
Подсобите, товарищи!	324
Щенок от говорящей собаки	327
Новый метод	329

Михалков С.

М69 Собрание сочинений. В 6-ти т. --- М.: Худож. лит., 1981. ---

Т. 2. Стихотворения. Рассказы. 1981. 335 с.

Том содержит стихотворения для взрослых, в том числе стихи военных лет, являющиеся своеобразной хроникой Великой Отечественной войны, цикл политических стихов «Слова и буквы» и лирические стихотворения, собранные в раздел «Откровение», а также избранные рассказы разных лет.

М $\frac{70402-020}{028(01)-81}$ подписное 4702010200

P2

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ

Собрание сочинений в шести томах

ТОМ ВТОРОЙ

Редактор З. Кондратьева

Художественный редактор Е. Ененко

Технический редактор Л. Ковнацкая

Корректоры Н. Замятина и В. Широкова

ИБ № 2167

Сдано в набор 15.04.80. Подписано к печати 03.11.80. А09427. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 12,556. Тираж 75000 экз. Изд. № Шбе — 42. Заказ № 1285. Цена 1 р. 50 к. Издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

1р. 50к.